W 450/333

НАШИ НАПРАВЛЕНІЯ.

В. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893

W 450/333

НАШИ

НАПРАВЛЕНІЯ.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

В. В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1893

2116

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Вступленіе	1
Глава первая. Сословный характеръ исторической интеллигенціи	9
Глава вторая. Характеръ русской интеллигенціи	60
Глава третья. Оживленіе буржуазной тенденціи среди русской интеллигенціи	111
Глава четвертая. Соціально-культурныя силы русскаго общества.	166

Настоящій трудъ, составляющій переработку статей, печатавшихся въ прошломъ году въ журналѣ „Русское Богатство“, есть какъ бы продолженіе книги „Судьбы капитализма въ Россіи“, изданной 12 лѣтъ назадъ. Связывающимъ оба сочиненія звеномъ является мысль о томъ, что, въ противоположность передовымъ странамъ западной Европы,—гдѣ, послѣ ослабленія вліянія крупнаго землевладѣнія, руководство общественнымъ развитіемъ, въ сотвѣтствіи съ измѣненіями, имѣвшими мѣсто въ экономической сферѣ, перешло въ руки буржуазіи, за которою, въ качествѣ ея вѣроятнаго наслѣдника, виднѣется фабрично-заводскій пролетаріатъ, — въ Россіи буржуазія обречена на второстепенную роль; фабрично-заводскій пролетаріатъ не имѣетъ шансовъ на болѣе или менѣе значительное развитіе, и потому главнѣйшей возможной соціальной основой нашего будущаго, какъ это было и въ прошедшемъ, является крестьянство. Въ вышеназванномъ трудѣ мы развивали эту мысль въ ея приложеніи къ экономической эволюціи Россіи, и кто признаетъ важное значеніе въ дѣлѣ общественнаго развитія формъ экономическихъ отношеній, тотъ будетъ считать совершенно естественнымъ, если та же идея соотвѣтствующимъ образомъ отразится и на отношеніяхъ общественно-интеллектуальныхъ. Предлагаемая работа, предпринятая съ цѣлью уясненія нѣкоторыхъ явленій этой послѣд-

ней области, именно и обнаруживаетъ зависимость ихъ отъ метаморфозъ, совершающихся въ глубинахъ экономической жизни страны. — Изданіе настоящей книжки мы считаемъ тѣмъ болѣе своевременнымъ, что экономическая сторона развиваемой нами—назовемъ ее, по примѣру нашихъ критиковъ,—„теоріи“, по крайней мѣрѣ въ ея отрицательной части, получила въ послѣднее время новое освѣщеніе въ прекрасномъ трудѣ г. Николая —она „Очерки пореформеннаго хозяйства Россіи“.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Современная читающая публика состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: одинъ изъ нихъ — лица, пережившія умственное движеніе семидесятыхъ годовъ, разочаровавшіеся въ тѣхъ рѣшеніяхъ соціальныхъ вопросовъ, какія были выработаны тогдашнимъ теченіемъ жизни, и теперь относящіеся къ этимъ вопросамъ болѣе или менѣе индифферентно; другой — молодежь, развивавшаяся при другихъ условіяхъ, не испытавшая тѣхъ вліяній, какія неотразимо дѣйствовали на предшествующее поколѣніе, воспитывали его чувства, доставляли данныя для образованія цѣльнаго міровоззрѣнія въ дополненіе къ основаніямъ, почерпнутымъ изъ науки и литературы. Въ силу сказаннаго, эта часть нашего общества въ особенности нуждается въ знакомствѣ съ запасомъ идей и фактовъ, содержащимся въ богатой европейской литературѣ, а между тѣмъ она-то, съ грустью нужно это признать,—читаетъ или до недавняго времени читала мало. Мало читаетъ она западныхъ писателей, недостаточно знакома и съ той переработкой европейскихъ идей, какая сдѣлана русской литературой въ періодъ оживленія нашей общественной мысли.

При такомъ настроеніи читателей — при отсутствіи живого ихъ общенія съ источниками просвѣтительныхъ общечеловѣческихъ идей на западѣ и въ виду безжизненнаго состоянія современной дѣйствительности, не представляющей достаточныхъ

импульсовъ для возбужденія нравственной и интеллектуальной энергіи индивида—живое отношеніе нашей литературы къ основнымъ вопросамъ общежитія и этики, усвоеніе того, что сдѣлано по этимъ отдѣламъ наукой, попытки примѣнить ея завоеванія къ условіямъ русской жизни, — хотя бы во всемъ этомъ было много повторенія высказаннаго 10—15 лѣтъ назадъ, — имѣло бы особенное значеніе. Но именно теперь-то широкіе вопросы находятся въ особенномъ загонѣ въ нашей литературѣ, которая тѣмъ болѣе размѣнивается на мелочи, чѣмъ настоятельнѣе потребность въ крупныхъ обобщеніяхъ. Въ нижеслѣдующемъ мы имѣемъ намѣреніе поговорить съ читателемъ объ одномъ изъ такихъ обобщеній, не пользующемся особеннымъ авторитетомъ въ настоящее время, но имѣющемъ важное значеніе, какъ выраженіе новаго момента въ логическомъ развитіи нашей общественной мысли.

Будущій историкъ общественнаго развитія Россіи не пройдетъ семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія, не остановивъ на нихъ своего вниманія. Онъ ихъ отмѣтитъ, какъ періодъ, когда въ нашей интеллигенціи очень ярко выразилось стремленіе сдѣлать центральнымъ пунктомъ своего общественнаго міросозерцанія и дѣятельности трудящуюся массу, что ведетъ къ необходимости раньше или позже пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія ходячія соціологическія „истины“. Мало того, что въ эти годы возникло (или возродилось) направленіе, охватившее часть такъ-называемой интеллигенціи: тогда все общество прониклось особеннымъ интересомъ къ крестьянству. „Народъ“, „народный интересъ“ получили въ общественномъ мнѣніи такой авторитетъ, что къ нему постарались примазаться даже оттѣнки мнѣній, нетолько не имѣющіе съ народомъ ничего общаго, но и относящіеся къ нему единственно какъ къ объекту эксплуатаціи. Вотъ почему и о „народничествѣ“ „говорится такъ часто“, почему оно „есть нѣчто весьма неясное, не легко опредѣленное, произвольное; народниками называютъ себя [1]) люди—очень мало похожіе, даже вовсе не похожіе другъ на друга: люди съ очень опредѣленными прогрессивными мнѣніями и люди, заявляющіе

[1]) А еще болѣе называются другими.

на каждомъ шагу, что они—спеціальные друзья народа и однако проповѣдующіе нѣчто, чрезвычайно близкое къ обскурантизму“ [1]). Это же дѣлаетъ изученіе народничества, какъ особой струйки въ общемъ руслѣ общественной мысли, крайне затруднительнымъ. Трудность вопроса заключается не въ одной лишь спутанности понятій, вслѣдствіе которой терминъ „народничество“ прилагается къ оттѣнкамъ общественной мысли, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ. Нужно еще въ самомъ народничествѣ отдѣлить главное теченіе отъ второстепенныхъ его рукавовъ; уловить самую сущность вопроса въ томъ разнообразіи формъ, въ какія онъ облекается отдѣльными лицами или фракціями, относящимися къ дѣлу нерѣдко подъ вліяніемъ субъективныхъ предубѣжденій. Трудность вопроса усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что періодъ формированія разсматриваемаго міросозерцанія былъ въ то-же время моментомъ оживленія практической дѣятельности общества, которая и поглощала большую часть его силъ, и на научное обоснованіе различныхъ программъ не оставалось ни времени, ни желанія. Отсюда—явленіе, такъ удивляющее нѣкоторыхъ писателей, что вопросы, „повидимому очень капитальные, не вызвали тогда со стороны народниковъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго труда, а трактовались небольшими статейками, съ фельетоннымъ изложеніемъ и неясною мыслью“ (Пыпинъ, id.). Признавая даже, что „неясность мысли“ характеризуетъ не всю народническую литературу, нужно все-таки согласиться, что публицисты этого направленія не формулировали цѣльной системы міросозерцанія.

Народничество, какъ направленіе мысли культурнаго общества, присуще лишь такимъ странамъ, въ которыхъ народная масса удалена отъ вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ, и активными дѣятелями въ общественной жизни являются лица культурнаго слоя. Въ такихъ обществахъ, въ извѣстномъ періодѣ ихъ развитія, главною цѣлью дѣятельности выставляется не удовлетвореніе потребностей массы, какъ совокупности живыхъ чувствующихъ и мыслящихъ индивидовъ, а—благо страны, интересы государства и т. п.; средства удовлетворенія постав-

[1]) Вѣстн. Евр. 1884 г., II, ст. г. Пыпина: „Народничество“.

ленной цѣли ищутся не въ опытѣ народа и выработанныхъ имъ формахъ жизни, а въ сознаніи и опытѣ верхнихъ слоевъ общества; избранныя мѣропріятія проводятся въ жизнь не путемъ народной самодѣятельности, а при помощи особаго персонала, набраннаго изъ среды того же, культурнаго общества. Такимъ образомъ, и задачи государственной дѣятельности, и содержаніе мѣропріятій, и средства приведенія ихъ въ исполненіе — все въ такихъ обществахъ естественно опредѣляется высшими, образованными слоями, причемъ обыкновенно обращается лишь небольшое вниманіе на то, что въ этомъ отношеніи можетъ дать народная жизнь, опытъ и сознаніе массы. Зато такія общества сравнительно легко производятъ заимствованія у сосѣднихъ народовъ, дальше подвинувшихся на пути прогресса и выработавшихъ готовый арсеналъ знаній и формъ, способныхъ служить для удовлетворенія сознанныхъ потребностей прогрессирующихъ обществъ. Къ числу такихъ странъ принадлежитъ Россія, и все вышесказанное примѣнимо къ извѣстному моменту ея историческаго существованія.

Съ распространеніемъ образованія и выдѣленіемъ изъ среды культурнаго общества слоя лицъ, живущихъ по преимуществу интеллектуальными интересами и воспитывающихся подъ преобладающимъ вліяніемъ болѣе развитой мысли тѣхъ же сосѣднихъ народовъ,—въ обществѣ появляется критика направленія, господствующаго какъ въ государственной практикѣ, такъ и въ области науки и литературы. Раздаются голоса, что народная масса не есть сырой матеріалъ, годный лишь для того, чтобы придать бо́льшую или меньшую устойчивость зданію государства; что у нея есть свои потребности и желанія, которыя должны преслѣдоваться на ряду, а можетъ быть и впереди другихъ. Общественная наука обвиняется въ односторонности содержанія, въ которомъ все занято внѣшними формами и явленіями и гдѣ не видно народа, хотя онъ-то и составляетъ основную причину изучаемыхъ феноменовъ. Изящная литература подвергается такому же осужденію за узость поля художественнаго воспроизведенія, не выходящаго за предѣлы культурнаго общества и т. д. Такъ какъ это критическое направленіе появляется въ интеллигентной части *культурнаго* общества, т.-е. въ слоѣ, который

лично не испытываетъ большихъ неудобствъ отъ существующихъ въ дѣйствительности неустройствъ, а имѣетъ скорѣе многія отъ того выгоды, но который зато, по своей интеллигентности, особенно заботится о логической правильности построенія, то и неудивительно, если критика и послѣдующее творчество по данному вопросу выразились и развились по преимуществу въ сферѣ теоретическихъ, а не практическихъ идей, если въ итогѣ получались гораздо больше философскія системы, нежели важныя и разностороннія практическія программы. Къ тому же, до освобожденія народа отъ крѣпостной зависимости и невозможно было построеніе практическихъ программъ, въ которыхъ много мѣста было бы отведено народному началу. Поэтому развитіе новаго міросозерцанія выражалось, главнымъ образомъ, построеніемъ философско-историческихъ системъ, развивавшихъ одну и ту-же основную идею съ различныхъ сторонъ. Одни изъ этихъ построеній противуставляли господствовавшей системѣ бюрократизма, пользующагося въ значительной степени для своихъ цѣлей готовыми формами другихъ странъ, идею народности, какъ принципа, дѣлающаго излишними заимствованія извнѣ и различныя кабинетно-бюрократическія измышленія и способнаго дать самостоятельное содержаніе идеѣ общественности. Другіе брали „народъ“ не какъ принципъ, не какъ идею, а какъ собраніе живыхъ, чувствующихъ личностей, считали удовлетвореніе потребностей массы главною цѣлью государственной дѣятельности, и мѣру пригодности какого-либо средства, отвѣчающаго поставленной цѣли, искали не въ его національности или самобытности, а въ соотвѣтствіи потребностямъ массы, будь это соотвѣтствіе достигнуто подражаніемъ чужому образцу или развитіемъ мѣстной національной формы.

Оба теченія общественной мысли привели интеллигенцію къ сознанію необходимости внимательнѣе присмотрѣться къ явленіямъ народной жизни съ цѣлью лучшаго изученія народнаго духа—говорили одни, его нуждъ и потребностей—формулировали другіе. Изученіе обнаружило въ народной средѣ наличность такихъ формъ быта и такихъ воззрѣній, которыя лучше другихъ, доселѣ осуществлявшихся въ жизни, соотвѣтствуютъ требованіямъ, какія можно предъявить обществу съ точки зрѣ-

нія идеальныхъ представленій о правдѣ и справедливости. Это повело къ сближенію двухъ главныхъ направленій общественной мысли, о которыхъ сказано выше, и къ дальнѣйшему выясненію идеи народничества. Прежде въ глазахъ одного направленія народъ являлся только въ качествѣ фактора, опредѣляющаго задачи общественныхъ преобразованій; средства же, отвѣчающія потребностямъ массы, оно готово было искать всюду и надѣялось всего болѣе на сосѣднія страны, какъ достигшія высшей ступени развитія и тѣмъ приготовившія пути, по которымъ можетъ слѣдовать и Россія. Послѣ же того, какъ ближайшее изученіе европейской цивилизаціи обнаружило слабыя стороны ея новѣйшей конструкціи, а наблюденіе русской народной жизни показало существованіе въ ней зачатковъ болѣе высокаго строя—подражательное направленіе общественной мысли и въ другой части своихъ построеній, относящейся къ формамъ удовлетворенія потребностей народа, стало ближе примыкать къ народу же, больше и больше останавливаться на мысли, что масса населенія не только выскажетъ свои потребности, но и покажетъ средства, какими всего лучше доставить имъ удовлетвореніе. Еще шагъ, и новое направленіе мысли коснулось третьяго момента сознательныхъ измѣненій въ общественной жизни—механизма, которымъ производятся послѣднія.

Въ крѣпостную эпоху всѣ общественныя мѣропріятія зарождались, разрабатывались и приводились въ исполненіе исключительно силами культурнаго общества; въ освобожденной Россіи масса крестьянства призвана къ участію въ общественной жизни на ряду съ такъ-называемыми образованными классами. Отнынѣ, слѣдовательно, власть нашла нужнымъ раздѣлить завѣдываніе извѣстною частью общественныхъ дѣлъ между высшими и низшими сословіями, что открываетъ возможность бо́льшаго вліянія крестьянскихъ интересовъ и его міровоззрѣнія на общее направленіе жизни, чѣмъ это было раньше. Это произошло не случайно, а было естественнымъ результатомъ какъ требованій жизни, такъ и развивающагося въ обществѣ сознанія, что правильное теченіе общественной жизни требуетъ систематическаго участія въ ней не одного класса, а всѣхъ слоевъ населенія. Принимая это положеніе за основное, неизбѣжно придти къ за-

ключенію, что задачей текущаго момента должно быть доставленіе народу такого развитія, которое дѣлало бы его участіе въ общественной жизни болѣе широкимъ и плодотворнымъ.

Итакъ, — интересы народа, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективною мыслью или другія, соотвѣтствующія его желаніямъ, какъ средство, и самодѣятельность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи — таковы три положенія, характеризующія народничество, какимъ оно опредѣлилось въ пореформенную эпоху нашей исторіи. Практическое осуществленіе этихъ pia desideria требуетъ умственнаго подъема массы, который поэтому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента.

Изъ сказаннаго видно, что народничество — движеніе въ средѣ интеллигенціи, что оно имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока привилегированное общество является главнѣйшимъ факторомъ общественной эволюціи, а его интеллигенція — авангардомъ прогрессивнаго движенія и потеряетъ свой raison d'être послѣ того, какъ культурные классы раздѣлятъ свою миссію съ остальною частью населенія. Тогда общественная группа, составляющая нынѣ народничество, разобьется, вѣроятно, на нѣсколько, сообразно тѣмъ задачамъ и интересамъ, которыя будутъ выдвинуты на сцену новымъ широкимъ потокомъ, призваннымъ къ сознательному участію въ прогрессивномъ развитіи страны. До наступленія же этого момента народничество будетъ составлять самостоятельное направленіе нашей общественной мысли, имѣющее свои теоретическія и практическія задачи, частью совпадающія, частью существующія рядомъ съ задачами другихъ общественныхъ теченій.

Настоящая работа не имѣетъ цѣлью полное обоснованіе разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли, которое представляется тѣмъ затруднительнѣе, что во многомъ это направленіе сближается съ другими теченіями среди нашей интеллигенціи. Выросши постепенно путемъ естественной эволюціи русской общественной мысли, являлясь продуктомъ совокупной работы теоретической и практической мысли многихъ поколѣній, интересующее насъ теченіе представляется однимъ изъ этаповъ на пути нашего общественнаго развитія. По высказаннымъ при-

чинамъ въ дѣлѣ теоретическаго обоснованія этого направленія наибольшую важность имѣютъ тѣ его особенности, которыми оно отличается отъ другихъ теченій и которыя заставляютъ признать его, какъ новый шагъ въ нашемъ развитіи. Не слѣдуетъ ожидать, чтобы эти его особенности были непремѣнно чѣмъ-то въ родѣ новаго откровенія: поколѣніе, давшее извѣстную формулировку практическимъ общественнымъ идеямъ своего времени, могло и не внести въ постановку вопроса новыхъ принциповъ, а лишь перемѣстило центръ его тяжести, заявляя этимъ, что главная работа настоящаго времени должна идти въ томъ направленіи, которое въ предшествующія эпохи замѣнялось другими задачами, больше соотвѣтствовавшими условіямъ переживавшихся моментовъ.

Главною цѣлью настоящей работы поэтому будетъ не систематическое изложеніе матеріальнаго содержанія всей совокупности соціально-политическихъ воззрѣній извѣстнаго направленія нашей общественной мысли (какъ мы его понимаемъ), и не обоснованіе всего этого содержанія (которое было дѣлаемо очень многими русскими писателями за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ), а выясненіе и обоснованіе той черточки, того штриха, какой новѣйшая исторія нашего общественнаго развитія прибавила къ картинѣ общественнаго міросозерцанія, постепенно слагавшагося мыслящими русскими людьми въ теченіе того столѣтія болѣе или менѣе сознательной интеллектуальной работы, какимъ можно измѣрять возрастъ русской интеллигенціи, какъ самостоятельнаго агента въ нашемъ общественномъ развитіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сословный характеръ исторической интеллигенціи.

I.

Изученіе духовнаго міра человѣка и его производнаго—соціальныхъ отношеній — такъ мало подвинулось впередъ, что еще невозможно говорить о построеніи научнымъ путемъ такого соціально-этическо-бытового міросозерцанія, которымъ опредѣлялось бы поведеніе каждаго отдѣльнаго лица и путь развитія цѣлаго общества. Несмотря на это, люди живутъ, прогрессируютъ и создаютъ абстрактныя этическія и соціальныя построенія, считаемыя ими за истинныя въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ люди стали сознавать себя людьми; вырабатываютъ болѣе или менѣе цѣлесообразныя формы существованія, въ основѣ которыхъ нерѣдко оказываются лежащими принципы, вовсе неизвѣстные массѣ, создавшей эти формы. Все это доказываетъ, что образованіе общественныхъ отношеній и ихъ измѣненіе нельзя считать актами совершенно сознательной дѣятельности людей, что общественныя связи между сталкивающимися индивидами выростаютъ сами собой на почвѣ удовлетворенія каждымъ изъ нихъ своихъ индивидуальныхъ и соціальныхъ потребностей и чувствъ.

И дѣйствительно, хотя бы, вступая въ общеніе съ себѣ подобными, люди преслѣдовали свои личныя цѣли каждый за

свой страхъ, не прибѣгая къ предварительному соглашенію, опредѣляющему нѣкоторыя общія нормы ихъ взаимныхъ отношеній, тѣмъ не менѣе такія нормы скоро устанавливаются сами собой, т.-е. безъ вмѣшательства общественнаго сознанія, которое намѣренно проектировало бы правила, регулирующія дѣятельность членовъ общества. Эти нормы, въ случаяхъ, когда онѣ охватываютъ небольшую группу лицъ, входящихъ въ личныя сношенія, познаются ими непосредственно, могутъ быть легко формулированы и тогда уже обращаются въ акты сознательные; нормы же, регулирующія болѣе сложныя отношенія, обнимающія группы лицъ, дѣйствующихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ различные моменты времени, для своего познанія требуютъ систематическаго изученія, почему они обыкновенно не извѣстны большей части лицъ, участвующихъ въ ихъ созданіи, а меньшинству общества извѣстны не совершенно. Сказанное относится не только къ раннимъ ступенямъ развитія общественности, но, и еще въ большей степени, къ обществамъ, значительно подвинувшимся по пути прогресса.

„Если мы будемъ разсматривать принципіальную сторону явленій культурнаго и соціальнаго свойства у какого-либо народа въ ту или другую эпоху его историческаго быта,—говоритъ пр. Карѣевъ,—то получимъ право говорить о нѣкоторой безсознательной философіи общества, къ которой можно свести эти явленія. Дѣло въ томъ, что, въ силу взаимодѣйствія между членами общества, въ немъ вырабатываются нѣкоторыя распространенныя міровоззрѣнія, нѣкоторыя господствующія моральныя идеи, нѣкоторыя общепринятыя нормы взаимныхъ отношеній между людьми, ихъ поведенія, соединенія въ группы и пр... Часто эти общераспространенныя міровоззрѣнія, господствующія идеи, общепринятыя нормы ясно не формулированы, не приведены въ стройную систему, не объединены въ какомъ-либо общемъ началѣ, и это именно большей частью такъ и бываетъ; но даже ясно не формулированныя, разрозненныя и необъединенныя, они проявляются рѣшительно во всемъ: съ разныхъ сторонъ эти принципы, которыми живетъ общество, мы наблюдаемъ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ философіи, и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ политиче-

скихъ учрежденіяхъ, и въ правѣ, и въ экономическомъ строѣ. Историкъ, дѣлая характеристику какой-либо эпохи, въ сущности только формулируетъ, систематизируетъ, обобщаетъ ея безсознательную философію, пользуясь конкретными явленіями, какъ примѣрами, иллюстрирующими то или другое общее положеніе, ища основные принципы всѣхъ наблюдаемыхъ имъ культурныхъ и соціальныхъ явленій въ мнѣніяхъ членовъ даннаго общества, такъ или иначе выраженныхъ, или въ самихъ фактахъ, такъ или иначе намъ извѣстныхъ“ [1]).

Безсознательность процесса происхожденія соціальной культуры человѣка — почти общепринятое положеніе науки, хотя процессъ этого происхожденія и нельзя считать достаточно выясненнымъ. „Для насъ быть можетъ на вѣчныя времена останется неизвѣстнымъ, какъ произошелъ языкъ, — пишетъ пр. Карѣевъ, — но мы имѣемъ полное право утверждать, что выражая посредствомъ звуковъ и жестовъ свои мысли, чувства и желанія, первобытный человѣкъ ставилъ своей цѣлью каждый разъ именно выраженіе той или другой мысли, того или другаго чувства, того или другаго желанія, а не созданіе языка, которое было уже результатомъ громаднаго количества такихъ актовъ“.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно происхожденія соціальнаго строя. „И въ этомъ случаѣ отдѣльныя личности вели себя одна по отношенію къ другой такъ или иначе въ виду извѣстныхъ единичныхъ жизненныхъ цѣлей, вовсе не имѣя и въ помышленіи тѣхъ соціальныхъ формъ, въ которыя сложатся возникшія такимъ путемъ соціальныя отношенія... Крестьянинъ везетъ на рынокъ продавать корову, чтобы на вырученныя деньги купить принадлежности домашняго обихода, но изъ множества аналогичныхъ актовъ, совершаемыхъ съ аналогичными цѣлями, складываются формы экономическаго оборота цѣлой страны. Не ради ихъ осуществленія, конечно, нашъ крестьянинъ продавалъ корову и покупалъ соль, косу и т. п. Итакъ, человѣкъ говоритъ, поступаетъ извѣстнымъ образомъ, занимается продажею и куплей и т. д., отнюдь не ради творчества языка, обычаевъ, формъ экономическаго оборота и т. п.; онъ ставитъ

---

[1]) Историческое Обозрѣніе, Т. I, стр. 144—5.

себѣ личныя цѣли, достиженіе которыхъ — благодаря психическому взаимодѣйствію, совершающемуся въ обществѣ, и другимъ условіямъ общежитія, — сопровождается такими объективными результатами коллективной дѣятельности, каковы суть формы языка или общественныхъ отношеній“ [1]).

Эта безсознательность происхожденія соціальныхъ отношеній, которыя оказываются соотвѣтствующими извѣстнымъ общимъ цѣлямъ и развиваются какъ бы по опредѣленному плану, не смотря на то, что единичные акты, которыми они образуются, совершались безъ всякой мысли о созданіи извѣстной общей формы,—давно обращала на себя вниманіе философовъ, строившихъ для объясненія этого явленія гипотезы, въ которыхъ человѣкъ являлся безсознательнымъ орудіемъ какой-то силы, направлявшей его поступки такимъ образомъ, чтобы, подъ видомъ удовлетворенія его личныхъ потребностей, они служили извѣстнымъ, преслѣдуемымъ этой силой, абсолютнымъ цѣлямъ. У Гегеля такой силой является всемірный духъ въ процессѣ его самопониманія, у Гартмана — „безсознательное“. „Если,— говоритъ послѣдній изъ названныхъ философовъ, — въ историческомъ развитіи, взятомъ въ его цѣломъ, мы не можемъ не признать извѣстнаго плана, ясно предначертанной цѣли, которой соотвѣтствуютъ всѣ ступени развитія; если мы при этомъ должны допустить, что отдѣльныя дѣйствія, которыми созданы эти ступени, нисколько не имѣли этой цѣли въ сознаніи, но что почти всегда люди хотѣли другаго и дѣлали другое,—то мы должны признать, что въ исторіи скрытно дѣйствуетъ нѣчто иное, чѣмъ случайная комбинація отдѣльныхъ дѣйствій.' Въ этомъ Гартманъ видитъ господство историческаго инстинкта въ дѣйствіяхъ людей до тѣхъ поръ, пока сознательный разсудокъ еще не созрѣлъ настолько, чтобы цѣли исторіи сдѣлать своими цѣлями“ [2]).

Приведенное объясненіе Гартмана планомѣрной эволюціи историческаго прогресса въ сущности ничего не объясняетъ, такъ какъ назвать искомое „безсознательнымъ“ или „инстинктомъ“ еще не значитъ сдѣлать его извѣстнымъ. Но данное явленіе для своего объясненія и не требуетъ предположенія

[1]) Сущность Историч. проц., с. 495—6.
[2]) Id., с, 279.

какой-то спеціальной силы, будто бы направляющей человѣка въ его общественныхъ отношеніяхъ, какъ не требуется предположенія особой „жизненной силы“ для объясненія физіологическихъ отправленій человѣческаго организма, почему указанная біологическая гипотеза, нѣкогда столь распространенная, теперь всѣми оставлена. Выдвиганіе такихъ „силъ“ въ соціальной наукѣ служитъ лишь доказательствомъ сравнительной неразработанности этой болѣе сложной области знанія. Въ дѣйствительности же задачей соціальной науки должно быть объясненіе происхожденія сложныхъ общественныхъ отношеній изъ болѣе простыхъ психологическихъ, подобно тому какъ физіологія ставитъ себѣ задачей сведеніе сложныхъ явленій жизни животнаго на болѣе простые физико-химическіе процессы, свойственные составнымъ частямъ его тѣла.

Все вышеизложенное даетъ намъ право сказать, что такъ какъ принципы или основныя начала какого-либо строя, нормирующія, помимо сознанія людей, ихъ отношенія между собою, не вкладываются въ общество какой-либо внѣ человѣка находящейся силой, а являются результатомъ взаимодѣйствія внутренняго, психическаго содержанія человѣка и внѣшней природы, то значитъ, что, и не имѣя полнаго научнаго познанія себя, какъ активнаго агента культуры, человѣкъ тѣмъ не менѣе обладаетъ средствами для созданія этой культуры, т.-е. для вырабатыванія подходящихъ формъ быта, и для открытія величайшихъ соціально-этическихъ истинъ. Средства эти суть:

во 1-хъ, его чувства, развивающіяся въ опредѣленномъ смыслѣ, помимо участія сознательныхъ стремленій человѣка дать имъ то или иное направленіе, но въ соотвѣтствіи съ тѣми задачами какія ставятся человѣку его положеніемъ среди враждебной природы;

во 2-хъ, тѣ знанія своихъ стремленій, своего духовнаго содержанія, какія даются непосредственно-самонаблюденіемъ, самосознаніемъ;

въ 3-хъ, знанія, пріобрѣтенныя наблюденіемъ внѣшняго міра и общественныхъ отношеній, сначала чисто эмпирическія, а впослѣдствіи пріобрѣтающія все болѣе и болѣе научный характеръ.

Условія органическаго развитія сложились такимъ образомъ, что появленіе альтруистическихъ чувствъ и соціальныхъ инстинктовъ давало преимущество въ борьбѣ за существованіе еще на зоологической ступени развитія животнаго царства, почему эти чувства могли появиться даже на низшихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы. Съ появленіемъ на свѣтъ Божій мыслящаго существа — человѣка — эти чувства не только получили болѣе широкое содержаніе, но и неизбѣжно отразились въ интеллектуальной сферѣ образованіемъ соотвѣтствующихъ имъ представленій и идей, чѣмъ была открыта возможность развитія болѣе или менѣе сознательнаго отношенія къ задачамъ человѣческаго существованія, возможность формулированія идеальныхъ цѣлей общежитія, отвѣчающихъ лучшимъ стремленіямъ природы человѣка.

Взаимная связь лицъ, составляющихъ общество, служитъ такимъ же предметомъ наблюденія, какъ и отношенія человѣка къ внѣшней природѣ, и результатомъ этого наблюденія является понятіе о ней, какъ о связи или соціальномъ законѣ, регулирующемъ людскія отношенія и пониманіе соотвѣтствующихъ нормъ, какъ обладающихъ извѣстнымъ содержаніемъ; т.-е. является болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ общественнымъ явленіямъ со стороны отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ группъ. Это имѣетъ слѣдствіемъ, во 1-хъ, попытки оформленія общественныхъ отношеній; во 2-хъ, попытки дать этимъ нормамъ дальнѣйшее развитіе въ теоріи или на практикѣ.

Въ указанномъ случаѣ выступаетъ на сцену творческая способность человѣка, уже обнаружившаяся въ сферѣ личныхъ отношеній къ окружающему, а теперь направляющаяся на общественныя формы, отчего практическое ея значеніе усиливается и является возможность сознательнаго вліянія на измѣненіе общественныхъ отношеній. Это вліяніе заключается, во 1-хъ, въ измѣненіи дѣйствующихъ нормъ властью; во 2-хъ, въ измѣненіи взглядовъ лицъ на существующія отношенія, отражающемся и на самихъ этихъ отношеніяхъ.

Насколько въ процессѣ измѣненія формъ сложныхъ отношеній участвуетъ сознаніе, его роль сводится къ регулированію частностей, изъ совокупности коихъ, путемъ ихъ взаимодѣйствія, сла-

гается общее. Иначе говоря, сознательныя индивидуальныя или групповыя дѣйствія наблюдаются лишь въ предѣлахъ отдѣльныхъ моментовъ даннаго общественнаго отношенія; измѣненіе же этого отношенія въ цѣломъ является непреднамѣреннымъ результатомъ соотношенія между сознательно измѣненными частными моментами,—результатъ, который и не былъ предвидѣнъ лицами, участвовавшими въ измѣненіи послѣднихъ, или оказался далеко несоотвѣтствующимъ ихъ ожиданіямъ, насколько таковыя руководили ихъ дѣйствіями. . . . .

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ жизни каждаго общества и въ процессѣ его эволюціи слѣдуетъ различать двѣ стороны: 1) органическую, стихійную или безсознательную и 2) телеологическую, сознательно-целесообразную. Подъ первой нужно разумѣть рядъ явленій, служащихъ результатомъ разрозненныхъ, не согласованныхъ намѣренно преслѣдованій отдѣльными членами ихъ частныхъ интересовъ; подъ второй слѣдуетъ понимать факты, вытекающіе изъ дѣятельности организованныхъ группъ, ставящихъ себѣ извѣстныя соціальныя задачи.

Читатель видитъ, что въ сдѣланномъ раздѣленіи явленій общественной жизни на сознательныя и безсознательныя, мы прилагали терминъ „сознательный“ въ условномъ смыслѣ. Собственно говоря, нѣтъ ни одного общественаго отношенія, въ которомъ не участвовало бы сознаніе, такъ какъ эти отношенія обнимаютъ людей въ бодрствующемъ состояніи, а въ этомъ состояніи человѣку присуще сознаніе. Такимъ образомъ, любое общественное явленіе слагается изъ ряда сознательныхъ дѣятельностей участвующихъ въ немъ лицъ. Но находимое нами здѣсь сознаніе не обнимаетъ разсматриваемое общественное явленіе, какъ таковое; оно относится не къ совокупности актовъ, составляющихъ явленіе, а къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Общее же, явившееся результатомъ единичныхъ сознательныхъ актовъ, есть уже явленіе, для сознанія совершенно новое, раньше имъ не предусматривавшееся и обыкновенно простому сознанію даже не извѣстное. Оно явилось такъ-же органически изъ столкновенія отдѣльныхъ сознательныхъ актовъ, какъ органически изъ лѣца, поставленнаго въ извѣстныя условія, развивается заро-

дышъ; его происхожденіе такъ же безсознательно, какъ безсознательно развитіе какого-либо физическаго процесса.

Какъ на образецъ стихійно слагающагося общественнаго процесса мы укажемъ на случай регулированія дѣятельности общества по производству матеріальныхъ предметовъ потребленія человѣка. Въ первобытной общинѣ или въ экономіи помѣщика эпохи крѣпостного права, когда господствовало натуральное хозяйство, и всѣ продукты потребленія производились каждымъ для себя, распредѣленіе производительныхъ силъ между различными промышленными отраслями дѣлается сознательно, по извѣстному плану, основанному на учетѣ потребныхъ для даннаго общества предметовъ разнаго рода съ одной стороны и количества силъ, какое по техническимъ условіямъ необходимо затратить для полученія извѣстнаго результата — съ другой. Такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ, разсматриваемый общественный актъ является результатомъ сознательно-планомѣрной дѣятельности, относится къ области сознательныхъ явленій соціальной жизни: вы можете сказать, кто и какъ регулируетъ здѣсь производство предметовъ потребленія.

Но если тѣмъ-же вопросомъ—кто и какъ регулируетъ производство продуктовъ—вы зададитесь по отношенію къ современному обществу, которое въ интересующемъ насъ дѣлѣ есть общество международное — то вы должны будете дать отвѣтъ, что *никто* этого важнѣйшаго для существованія человѣка акта не регулируетъ, что распредѣленіе производительныхъ силъ международнаго общества между отдѣльными промышленными отраслями не есть процессъ, сознательно кѣмъ-либо направляемый; что онъ относится къ области явленій стихійнаго характера. Отвѣтъ этотъ означаетъ, что если вы желаете познать порядокъ регулированія производства въ современномъ обществѣ, т.-е. если желаете опредѣлить тотъ рядъ сознательныхъ актовъ, совокупность которыхъ образуетъ это регулированіе—вы должны отрѣшиться отъ представленія, что сознательное вмѣшательство человѣка обнимаетъ весь процессъ въ совокупности, что сознаніе,—по сколько оно участвуетъ въ этомъ дѣлѣ — имѣетъ въ виду общественную цѣль регулированія производства ради потребностей всего общества; вамъ предстоитъ искать рядъ со-

знательныхъ актовъ, преслѣдующихъ другія цѣли, или совершенно личнаго характера, или если и общественнаго, то не ту все-таки цѣль, какая составляетъ предметъ вашего изслѣдованія.

Вы здѣсь замѣтите, что отдѣльныя лица устраиваютъ свои промышленныя предпріятія, сознательно руководствуясь личной цѣлью полученія дохода; что они сознательно переносятъ свои капиталы изъ одной отрасли промышленности въ другую въ зависимости оттого, гдѣ они надѣются скорѣе достигнуть той же, личной цѣли—полученія наибольшаго дохода. Вы увидите далѣе, что о степени выгодности различныхъ промышленныхъ дѣлъ каждый предприниматель судитъ по цѣнамъ товаровъ и въ этихъ видахъ внимательно слѣдитъ за рыночными ихъ колебаніями. Отсюда вы заключаете, что цѣна товара играетъ важную роль въ дѣлѣ регулированія общественнаго производства, что она указываетъ отдѣльнымъ предпринимателямъ, въ какомъ продуктѣ чувствуется недостатокъ, и какой произведенъ въ избыткѣ. Но еслибы и здѣсь вы задались старымъ вопросомъ: кто устанавливаетъ связь между цѣною разныхъ товаровъ и процессомъ ихъ производства,—то опять получили бы прежній отвѣтъ, что объ установленіи этой связи никто не думаетъ, что она образуется сама собой, безсознательно, стихійно; сознательными же актами въ этомъ дѣлѣ являются опять-таки акты отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои личные интересы и въ этихъ цѣляхъ старающихся взять за свой товаръ возможно высшую цѣну и дать за чужой—низшую.

Результатомъ вашего анализа весьма сложнаго общественнаго акта, притомъ международнаго характера, было бы констатированіе ряда весьма простыхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, сознательно преслѣдующихъ только личные интересы и вступающихъ для этого только въ личныя отношенія съ контрагентами. Здѣсь мы имѣемъ низшую стадію сознательности общественнаго процесса и высшую—его стихійности. Участіе сознанія не пошло здѣсь дальше руководительства отдѣльныхъ лицъ въ дѣйствіяхъ, имѣющихъ совершенно индивидуальныя цѣли и характеръ. Слѣдующія ступени въ развитіи сознательности разсматриваемаго процесса наблюдаются въ тѣхъ случахъ, когда принимаются особыя мѣры къ облегченію отдѣльнымъ лицамъ достиженія ихъ

цѣли—полученія наибольшаго дохода,—путемъ созданія организацій для сознательно систематическаго выполненія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ функцій, совокупность которыхъ имѣетъ результатомъ общее регулированіе производства и которыя прежде исполнялись каждымъ для себя. Принятіе такихъ мѣръ дѣлается возможнымъ послѣ болѣе или менѣе тщательнаго изученія процесса, изученія, выходящаго за предѣлы тѣхъ представленій, какія составляютъ о немъ отдѣльные контрагенты. Къ числу такихъ общественно сознательныхъ актовъ, относится, напр., организація кредитныхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью облегченіе доставленія кредита, устройство биржъ для объединенія цѣнъ, постройка желѣзныхъ дорогъ и т. п. Сознательное принятіе перечисленныхъ мѣръ не касается существа отношеній, которыя остаются, какъ и были, индивидуалистическими, почему и процессъ регулированія общественнаго производства продолжаетъ быть непреднамѣреннымъ результатомъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои частные интересы. Но эта послѣдняя дѣятельность, прежде совершавшаяся индивидуально, теперь идетъ въ извѣстныхъ рамкахъ организованно; т.-е. сознательно—планомѣрная дѣятельность вышла за предѣлы индивидуальныхъ актовъ. Промежуточные моменты всего процесса, имѣвшіе по существу общественный характеръ, а по формѣ бывшіе результатомъ индивидуальныхъ дѣятельностей, принимаютъ теперь характеръ сознательно общественныхъ, сознательно организованныхъ, вслѣдствіе чего и стихійно выростающій на почвѣ этихъ отношеній процессъ регулированія международнаго производства совершается глаже.

Еще шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія сознательности разсматриваемаго процесса является устройство синдикатовъ предпринимателей съ цѣлью прямого регулированія производства какого-либо предмета потребленія, устройство, напр., синдиката русскихъ сахарозаводчиковъ, ежегодно опредѣляющаго, какое количество названнаго продукта имѣетъ право произвести каждый заводъ. Но и на этой ступени развитія разсматриваемый процессъ, какъ актъ, отвѣчающій извѣстнымъ цѣлямъ всего общества, не теряетъ вполнѣ своей стихійности и не пріобрѣтаетъ совершенно сознательнаго характера, потому что указан-

ное регулированіе процесса союзами предпринимателей не имѣетъ цѣлью удовлетвореніе общественной потребности, а средства нормированія производства не приноравливаются къ этой цѣли. Сознательность участвуетъ въ этомъ дѣлѣ, насколько оно отвѣчаетъ личнымъ цѣлямъ предпринимателей, и общественный результатъ процесса, какъ и прежде, выростаетъ стихійно. Вполнѣ сознательно-общественнымъ актомъ регулированіе производства сдѣлалось бы въ томъ случаѣ, еслибы всѣ отдѣльные его моменты были установлены планомѣрно, сообразно той роли, какую они играютъ во всемъ процессѣ, имѣющемъ цѣлью распредѣленіе производительныхъ силъ страны между различными промышленными отраслями такимъ образомъ, чтобы было достигнуто наилучшее удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей всѣхъ членовъ общества.

Степень сознательности отношенія людей къ извѣстному общественному явленію и степень развитія сознательно-планомѣрнаго его регулированія зависитъ, между прочимъ, отъ большей или меньшей простоты явленія. Такъ, регулированіе производства при господствѣ натуральнаго хозяйства совершается сознательно при помощи учета потребностей хозяйственной единицы съ одной стороны, ея производительныхъ силъ — съ другой. Съ усложненіемъ общественныхъ отношеній отдѣльныя единицы начинаютъ уже выполнять только частныя функціи цѣлаго процесса, вслѣдствіе чего послѣдній перестаетъ быть, во-первыхъ, зависимымъ отъ ихъ усмотрѣнія, во-вторыхъ, доступнымъ непосредственному наблюденію каждаго, отъ чего составленіе правильнаго о немъ понятія невозможно безъ спеціальнаго его изученія. Сказаннымъ объясняется, почему въ исторіи общественныхъ наукъ иногда наблюдается не послѣдовательное уясненіе, а затемнѣніе пониманія какого-либо общественнаго феномена. Это мы наблюдаемъ, напр., въ ученіи о цѣнности.

Какъ мы говорили выше, — распредѣленіе производительныхъ силъ при натуральномъ хозяйствѣ между отдѣльными промышленными отраслями совершается на основаніи учета количества труда, необходимаго для производства единицы каждаго рода потребляемыхъ обществомъ продуктовъ, т.-е. для производства извѣстнаго количества пищи, одежды, орудій, при по-

мощи которыхъ добываются различные предметы, и т. п. Лишь основываясь на томъ количествѣ труда, какое овеществляется въ каждомъ предметѣ, можно правильно распредѣлить данную сумму рабочей силы между всѣми промышленными отраслями; и на оборотъ, устраненіе изъ числа факторовъ, вліяющихъ на организацію производства, количества труда, требуемаго для производства вещи, дѣлаетъ абсолютно невозможнымъ цѣлесообразное распредѣленіе рабочихъ силъ страны между различными отраслями промышленности. Отсюда слѣдуетъ, что въ процессѣ регулированія производства въ новѣйшихъ обществахъ какими путями совершается учетъ рабочей силы, необходимой для пр изводства каждаго предмета; а такъ какъ единственнымъ общ ственнымъ феноменомъ, коимъ руководствуются въ своихъ дѣ ствіяхъ всѣ участники въ процессѣ, служитъ цѣна предме то въ этой цѣнѣ и слѣдуетъ видѣть выраженіе трудовой сто мости вещи. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключен что цѣнность предмета есть отраженіе количества труда, зат ченнаго на его производство.

Это представленіе о цѣнности, для вывода котораго п ходится вести сложное теоретическое разсужденіе, при на ральномъ и слабо развитомъ денежномъ хозяйствѣ, состав лось непосредственно, вслѣдствіе чего писатели 17 и 18 строили болѣе правильныя теоріи цѣнности, нежели многіе э номисты 19 в.

Итакъ, оставаясь въ сферѣ экономическихъ отношеній, можемъ сказать, что соотвѣтствующая организація современн обществъ основана на принципѣ индивидуализма. Это значи что весь процессъ производства и распредѣленія продукт не подчиняется общественному регулированію въ цѣляхъ общаго блага; что сознательная планомѣрность наблюдается въ д тельности отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ организацій, и послѣднемъ случаѣ имѣется въ виду регулированіе лишь от ныхъ моментовъ общественнаго экономическаго процес ство банковъ, биржъ и т. п.). При этомъ слѣдуетъ что это расширеніе сознательно-планомѣрной дѣятельно дѣлы дѣятельности индивидуальной не всегда сопр улучшеніемъ всего общественнаго процесса, какъ та

всегда ведетъ къ тому, чтобы потребности общества въ матеріальныхъ предметахъ удовлетворялись лучше, чѣмъ прежде. Такъ, напр., союзы предпринимателей для регулированія производства, имѣющіе цѣлью удержаніе цѣны продукта на высокомъ уровнѣ, вредны для потребителей. Происходитъ это потому, что планомѣрное регулированіе общественнаго процесса обыкновенно направляется не на тѣ стороны послѣдняго, которыя имѣютъ наибольшую важность для массы, а на тѣ, которыя представляютъ интересъ для извѣстной группы лицъ, что въ свою очередь обусловливается не одинаковою степенью развитія всего народа и не одинаковой степенью его самостоятельности и активности въ общественной жизни страны. На зарѣ исторіи человѣчества,—когда общественныя отношенія охватывали небольшую территорію и небольшую группу лицъ, и войны еще не привели къ рѣзкому раздѣленію общества на классы съ несходными или даже противуположными интересами и правами,—сознательное вмѣшательство въ общественный процессъ производства совершается во имя интереса всѣхъ (общее производство продукта и распредѣленіе его между семьями по ихъ потребностямъ или участію въ производствѣ). До извѣстной степени то-же самое наблюдается и въ средніе вѣка въ сферѣ обрабатывающей промышленности (сохранившей мелкую форму), представители которой играли и нѣкоторую политическую роль. „Отдѣльный человѣкъ казался слишкомъ слабымъ, слишкомъ поддающимся обману и беззащитнымъ отъ него. Оттого въ средніе вѣка тѣ задачи, которыя нынѣ достигаются индивидуальною дѣятельностью, считались общественной функціей. Промышленность и торговля признавались такимъ же общественнымъ дѣломъ, какъ и государственная служба; онѣ совершались подъ постояннымъ и всесторонним контролемъ общества. Главная цѣль этого контроля заключалась въ томъ, чтобы приноровить раздробленное производство къ интересамъ потребленія, чтобы координировать совмѣстную работу отдѣльныхъ отраслей производства и, главное, чтобы обезпечить спокойное и безбѣдное существованіе спеціализировавшимся производителямъ“ [1]).

---

[1]) А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи, с. 22—23.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества масса населенія постепенно отступала на задній планъ. Съ усложненіемъ общественныхъ отношеній и сведеніемъ роли отдѣльнаго индивида до положенія небольшого винтика сложной машины, пониманіе общественныхъ отношеній сдѣлалось затруднительнымъ и требовало извѣстнаго образованія, пріобрѣтеніе котораго было доступно только зажиточной части населенія. Это обстоятельство недавало мелкимъ самостоятельнымъ земледѣльцамъ возможности объединить свою индивидуальную дѣятельность, вносить сознательно планомѣрность въ стихійно-развивающійся процессъ эволюціи экономическихъ отношеній или противуставлять сознательно-предпринимаемымъ актамъ въ интересахъ крупнаго хозяйства такія же дѣйствія въ своихъ собственныхъ. Въ обрабатывающей промышленности положеніе мелкаго производителя было еще затруднительнѣе, такъ какъ онъ не выдерживалъ конкуренціи съ крупнымъ на почвѣ исключительно индивидуальной дѣятельности, и масса населенія могла бы сохранить свою самостоятельность лишь при условіи кооперативной организаціи производствъ, для осуществленія каковой,—при тѣхъ быстро усложняющихся отношеніяхъ, которыя характеризуютъ исторію экономической жизни послѣдняго столѣтія,—требовалось высокое умственное развитіе, массѣ не доступное.

Такимъ образомъ, постепенно, самостоятельную, распорядительную роль въ экономической жизни стала играть небольшая группа лицъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалась представителемъ образованности и политической силы. Внесеніе свѣта сознанія въ стихійно-текущіе общественные процессы совершалось этой же группой; мотивомъ къ замѣнѣ индивидуально сознательной дѣятельности общественно сознательною, т.-е. мотивомъ къ тому, чтобы при помощи планомѣрной группировки дѣятельностей лицъ достичь болѣе цѣлесообразнаго выполненія извѣстныхъ функцій, были видимыя практическія потребности текущаго дѣла, т.-е. въ сущности интересы той же группы лицъ. Въ силу сказаннаго отдѣльные моменты индивидуальной сознательной дѣятельности лицъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, стали регулироваться извѣстными организаціями, черезъ что удовлетвореніе соотвѣтствующихъ потребностей этой группы сдѣла-

лось болѣе совершеннымъ. Само правительство, насколько оно считало нужнымъ вмѣшиваться въ развивающіяся отношенія, дѣйствовало обыкновенно въ интересахъ той же группы, такъ какъ рядъ моментовъ экономической жизни въ ея цѣломъ представлялся ему въ той перспективѣ, какая явилась, благодаря руководительству дѣломъ господствующаго класса. Въ силу сказаннаго задачи жизни, созданныя интересомъ извѣстнаго класса, представлялись власти, какъ задачи общегосударственныя, а предпринимая рядъ мѣропріятій, въ удовлетвореніе будто-бы общаго интереса, государство въ дѣйствительности облегчало господствующему классу достиженіе его цѣлей. Заботясь о томъ, чтобы нѣкоторые винты и колеса въ экономической организаціи общества изъ актовъ индивидуально-сознательныхъ превратились въ планомѣрно-общественные, выполняемые, между прочимъ, при пособіи государства, послѣднее шло на встрѣчу стремленіямъ господствующаго класса, присоединяло свои силы къ его заботамъ о достиженіи наилучшаго удовлетворенія интересовъ отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ этого послѣдняго.

Такой же ходъ дѣлъ наблюдается и въ области не экономической. Спрашивается, какую роль въ этомъ процессѣ играла наука и представитель ея — интеллигенція? Совершался ли вышеуказанный подмѣнъ общаго интереса частнымъ, вопреки противодѣйствію передовыхъ представителей общества, или лепта, вносимая послѣдними въ общественное дѣло, толкала его въ томъ же направленіи, въ какомъ оно развивалось подъ вліяніемъ другихъ активныхъ силъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить анализъ тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ человѣкъ пріобрѣтаетъ систематическое познаніе общественныхъ отношеній.

II.

Интеллигентые представители общества приступаютъ къ изученію общественныхъ явленій съ цѣлью познанія истины и въ видахъ благотворнаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Сообразно психической природѣ человѣка, они при этомъ стре-

мятся систематизировать наблюдаемые факты, объединить ихъ идеей, оцѣнить явленіе съ точки зрѣнія общаго блага, истины и справедливости, предугадать грядущія событія и, наконецъ, проектировать цѣлесообразныя мѣропріятія. Такъ какъ общественныя отношенія являются производнымъ чувствъ человѣка, служащихъ выраженіемъ его потребностей, то эти чувства и вызываемыя ими абстрактныя идеи суть одинъ изъ элементовъ познанія общественныхъ отношеній. Такъ какъ затѣмъ ближайшей причиной поступковъ человѣка служатъ его конкретныя представленія, образовавшіяся на почвѣ настроенія, свойственнаго ему, какъ члену своего времени, своей націи и своего класса, то это настроеніе и представленія самого интеллигента, окрашенныя цвѣтомъ обстановки, среды, служатъ другимъ элементомъ познанія общественныхъ отношеній. Данныя наблюденія самихъ отношеній есть третій элементъ познанія.

Такимъ образомъ, на образованіе соціальныхъ воззрѣній интеллигента вліяютъ индивидуальныя чувства и характеръ даннаго лица, какъ опредѣленная форма проявленія его общечеловѣческой природы, затѣмъ его національныя и сословныя чувства и представленія и объективныя, фактическія данныя. Такъ какъ объективныя данныя обнимаютъ лишь ничтожную долю возможнаго существованія человѣчества, и чѣмъ раньше живетъ человѣкъ, тѣмъ сфера его наблюденій ограниченнѣе, то интеллигенція никогда не имѣетъ для своихъ построеній всего матеріала, касающагося жизни общества и для образованія понятія о послѣдней должна довольствоваться фактами, доступными наблюденію въ данное время, а недостатокъ объективныхъ свѣдѣній для составленія цѣльнаго представленія о предметѣ пополнять изъ другихъ источниковъ познанія, т.-е. субъективными данными, которыя, какъ мы видѣли, сводятся къ чертамъ общечеловѣческимъ, индивидуальнымъ, и къ представленіямъ, чувствамъ и настроенію, заимствованнымъ изъ окружающей среды. Въ силу сказаннаго, интеллигенція, какъ принадлежащая къ опредѣленной націи и опредѣленному классу, въ своихъ научныхъ общественныхъ построеніяхъ обыкновенно бываетъ представителемъ не только своего времени или націи, но и опредѣленнаго класса.

Итакъ, вслѣдствіе основныхъ психическихъ свойствъ человѣка, интеллигенція стремится обнять соціальныя явленія съ точки зрѣнія общей, идеальной, а по ограниченности знаній и подъ вліяніемъ личнаго интереса и среды она ихъ понимаетъ въ духѣ господствующаго класса; т.-е. сознательно ставитъ изученію общія, идеальныя задачи, а безсознательно подмѣняетъ ихъ частными, классовыми. Вслѣдствіе ограниченности средствъ для изученія соціальныхъ явленій и невозможности примѣненія въ данной области точныхъ методовъ наблюденія и опыта, познаніе общихъ законовъ соціальной жизни идетъ крайне медленно, и интеллигенція, сознательно стремясь охватить всю сумму соціальныхъ отношеній общимъ закономъ, на самомъ дѣлѣ обыкновенно охватываетъ ихъ формулою, вытекающей или изъ господствующихъ, или изъ стремящихся къ господству отношеній.

Изучая систематически соціальныя отношенія, возводя разрозненные факты въ цѣльную систему, интеллигенція дѣлаетъ возможнымъ систематическое сознательно-цѣлесообразное воздѣйствіе на соціальную жизнь, причемъ, въ зависимости отъ того, интересы какого класса—отживающаго или возникающаго—она выражаетъ, ея вліяніе бываетъ или консервативное, или прогрессивное, т.-е. способствующее болѣе быстрому развитію новаго строя; но всегда оно бываетъ въ духѣ какой-либо соціальной группы, активно участвующей въ общественной жизни. Если же нѣкоторыя лица остаются на высотѣ общаго интереса, то, не находя въ окружающей жизни матеріала для построенія практически осуществимыхъ представленій, они создаютъ утопіи.

Ученіе Томаса Мора было первой настоящей работой по соціальной философіи на англійскомъ языкѣ, носящей на себѣ черты истинной геніальности, оригинальности и пониманія вѣчной истины — моральной и соціальной — говоритъ профессоръ Грэгамъ. Другіе философы (Компанелла, Фенелонъ, Гофранъ, Бэконъ) также посвящали свои силы построенію схемъ идеальныхъ обществъ, и вообще созданіе политическихъ утопій было любимой формой литературы и первой формой политическаго умозрѣнія въ продолженіе болѣе, чѣмъ ста лѣтъ. Фантастиче-

скій характеръ этихъ умозрѣній, — продолжаетъ Грэгамъ, — былъ результатомъ частью уваженія писателей къ существующему порядку вещей и опасенія оскорбить сильныхъ міра сего, частью—недостатка матеріала для научнаго трактованія предмета и невыработанности пріемовъ философскаго обобщенія [1]).

Указанное обстоятельство, т.-е. преимущественная связь проповѣдываемыхъ интеллигенціей идей съ интересами сильнаго класса и крайняя трудность для нея построенія такихъ практическихъ соціологическихъ заключеній, которыя отвѣчали бы интересамъ устраненной отъ активной общественной жизни массы болѣе, чѣмъ интересамъ привилегированнаго класса—что вмѣстѣ съ тѣмъ больше соотвѣтствовало бы тому, что мы считаемъ соціальной истиной,—находитъ себѣ безчисленныя подтвержденія въ исторіи развитія общественной мысли.

Анализируя содержаніе продуктовъ этого развитія въ различныя историческія эпохи, мы прежде всего убѣдимся въ томъ, что самыя общія соціально-этическія истины,—которыя не могли быть получены анализомъ окружающей общественной дѣйствительности, а были въ гораздо большей степени результатомъ общечеловѣческихъ чувствъ, заложенныхъ въ каждомъ индивидѣ, — въ основныхъ чертахъ открыты человѣчествомъ очень давно, и мало подвергались измѣненіямъ,—что дало поводъ нѣкоторымъ писателямъ настаивать на неподвижности человѣчества въ развитіи его нравственныхъ идей. Что же касается претворенія этихъ абстрактныхъ идей въ конкретныя, вывода изъ теоретическихъ положеній соотвѣтствующихъ практическихъ заключеній, которыя служили бы мѣрою раціональности существующихъ общественныхъ отношеній и указателемъ того, въ какомъ направленіи надлежало бы вести дальнѣйшее ихъ развитіе—въ этомъ отношеніи интеллигенція обыкновенно уклонялась отъ правильнаго, т.-е. логическаго развитія основныхъ идей, ведущаго къ отрицанію существующей неправды и къ требованію переустройства общества въ такомъ смыслѣ, чтобы оно въ равной мѣрѣ служило интересамъ всѣхъ людей; она вступала на путь примиренія главнѣйшихъ недостатковъ общественной орга-

---

[1]) Socialism new and old, c. 32.

низаціи, всего болѣе невыгодныхъ для массы простого народа, съ своими абстрактными принципами и въ руководство для общественныхъ дѣятелей строила такія конкретныя формулы, которыми существующій режимъ или совершенно оправдывался, или отрицался въ пользу класса, еще не признаннаго въ своихъ правахъ, но уже настолько сильнаго и образованнаго, что онъ выступалъ на борьбу за мѣсто въ привилегированномъ слоѣ общества.

Такъ, мыслящіе представители человѣчества давно стали признавать въ теоріи принципъ равенства всѣхъ людей, но лишь немногіе изъ нихъ, и притомъ недавно, выводили изъ этого принципа кроющіяся въ немъ практическія заключенія.

„Первыми провозвѣстниками идеи равенства всѣхъ людей были религіозныя ученія, отрѣшившіяся отъ національныхъ рамокъ, чтобы говорить всему человѣчеству. Такими ученіями были на востокѣ буддизмъ, на западѣ—христіанство“. Но эти религіи проповѣдывали свободу и равенство религіозное. „Рабство противорѣчило этой идеѣ, но не во внѣшнемъ, матеріальномъ смыслѣ была понята здѣсь свобода, а во внутреннемъ, моральномъ смыслѣ свободы отъ грѣха, отъ рабства страстямъ“. О равенствѣ всѣхъ людей учили также философы древности—стоики, но и для нихъ наиболѣе важное значеніе имѣла свобода внутренняя, и вмѣсто требованія освобожденія рабовъ, стоицизмъ совѣтовалъ послѣднимъ „подняться выше своего состоянія, бывшаго въ его глазахъ простою безразличною случайностью и неспособнаго угнетать духъ мудреца... Поэтому и Сенека, и Эпиктетъ одинаково заявляютъ, что ихъ ученіе (о естественномъ равенствѣ людей) вовсе не клонится къ уничтоженію рабства, такъ что равенство людей, о которомъ они учили, было болѣе теоретическимъ. Это особенно видно у римскихъ юристовъ временъ имперіи. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ стоической школы, они, подобно философамъ, признавали равенство всѣхъ людей и естественную ихъ свободу, но, подобно же философамъ—не выводили отсюда практическаго результата—освобожденія рабовъ... Уча о равенствѣ людей, и юристы, признававшіе свободу всѣхъ людей въ теоріи, и моралисты, говорившіе о свободѣ внутренней, были далеки отъ мысли провести въ

дѣйствительность то, что существовало въ умозрѣніи и свободу внутреннюю дополнить свободою внѣшнею“ [1]).

Точно также „средневѣковый католицизмъ, мирившійся на практикѣ съ крѣпостничествомъ, выгодами коего пользовалось само духовенство, съ своей аскетической точки зрѣнія не придавалъ особаго значенія матеріальному благу народа. Въ гуманизмѣ было слишкомъ много умственнаго аристократизма и слишкомъ мало альтруистическаго настроенія, чтобы онъ могъ обратить серьезное вниманіе на народныя нужды. Религіозное движеніе XVI в. ближе стало къ народу и само въ нѣкоторыхъ государствахъ охватило народныя массы, но за исключеніемъ всюду подавлявшагося сектантства, получившаго демократическій характеръ, протестантизмъ былъ далекъ отъ того, чтобы взять подъ свое покровительство низшіе классы общества, тѣмъ болѣе, что самъ онъ нерѣдко принималъ аристократическій характеръ. Въ частности стоитъ вспомнить отношенія Лютера къ крестьянскому возстанію или же, какъ смотрѣли на народъ политическіе писатели изъ кальвинистовъ и даже индепендентовъ“ [2]).

Юристы, изучавшіе римское право, прямо способствовали закрѣпощенію народа. Въ Германіи XV в. они оказывались помощниками феодальныхъ господъ, толкуя разныя формы крестьянской зависимости отъ землевладѣльцевъ въ смыслѣ римскаго рабства, и уча, что земля принадлежитъ господамъ на правахъ полной собственности, а крестьяне являются пользователями своихъ участковъ.

Съ развитіемъ въ концѣ XVI и XVII в. крѣпостного права и для оправданія этихъ отношеній создавались юридическія теоріи. Знаменитый Пуффендорфъ, напр., объяснялъ происхожденіе крѣпостного права такимъ образомъ, что нуждаясь въ защитѣ богатыхъ и сильныхъ, крестьяне будто бы сами отдавались лицамъ, захватившимъ землю. „Но такъ какъ землевладѣлецъ прокармливалъ не только родителей, но и дѣтей, то право господина распространяется и на потомство людей, ставшихъ въ

---

[1]) Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи, стр. 262—4.

[2]) Карѣевъ. Исторія Западной Европы, т. III, стр. 248.

крѣпостныя отношенія". Такъ же дѣйствовали ученые и во Франціи... „Такимъ образомъ, заключаетъ проф. Карѣевъ, старая юридическая наука проповѣдывала теоріи, крайне неблагопріятныя для крестьянъ,—разрабатывали ли ее февдисты (знатоки феодальнаго права, бывшіе во Франціи защитниками сеньеральныхъ правъ), или легисты, изучавшіе римское право, или же наконецъ, философы, теоретики естественнаго права. Нормы феодальнаго права, толкованіе римскихъ законовъ не въ пользу крестьянъ, теоретическія соображенія оставалось только подкрѣпить исторіей, ея фактами и выводами, за чѣмъ дѣло также не стало" [1]).

Нужно было много столѣтій для того, чтобы лучшіе умы человѣчества совершили одинъ логическій актъ, нынѣ доступный всякому школьнику. „До самаго 18 в. не раздавалось во Франціи почти ни одного голоса противъ рабства". Но и додумавшись до идеи правомѣрности юридическаго освобожденія рабовъ, передовые мыслители Франціи принимали ее съ большими ограниченіями и всегда были готовы, такъ сказать, отсрочить выполненіе ея на практикѣ.

„Если мы обратимся къ нѣкоторымъ мѣстамъ о незаконности рабства въ сочиненіяхъ французскихъ писателей 18 в., то увидимъ, что они представляютъ изъ себя иногда какъ бы дословную передачу того, что говорили римскіе юристы классической эпохи юриспруденціи... Сходство простиралось до того, что, какъ у римскихъ юристовъ нерѣдко естественное право было само-по-себѣ, а системы положительнаго права сами-по-себѣ, такъ и у французскихъ писателей теоретическія положенія, выведенныя изъ естественнаго закона, не обязывали часто ни къ какимъ практическимъ выводамъ". Различіе съ писателями древности заключалось въ томъ, что „если стоики, напр., говорили, что внутренней свободѣ человѣка не противорѣчитъ внѣшнее рабство, то многіе писатели 18 в. полагали, что внѣшнее, юридическое освобожденіе человѣка имѣетъ смыслъ только тогда, когда онъ достоинъ этой свободы, освободившись морально... Если такъ говорили философы 18 в., то, хотя и опередившіе

---

[1]) Ibid., стр. 112.

стонковъ, они становились въ противорѣчіе съ собственнымъ принципомъ, требовавшимъ юридической свободы не какъ награды за хорошее поведеніе, а какъ осуществленіе естественнаго, прирожденнаго права человѣческой личности".

Такое противорѣчіе теоретическихъ и практическихъ идей наблюдается не у какихъ-нибудь второстепенныхъ писателей, а у корифеевъ французской просвѣтительной философіи. Король философовъ, Вольтеръ, въ сочиненіи, написанномъ на премію, назначенную императрицей Екатериной II, проповѣдуетъ слѣдующее. „Справедливость требуетъ, чтобы государь освобождалъ только церковныхъ сервовъ и своихъ собственныхъ. Но что касается сеньеровъ, которымъ давнее пользованіе предоставило крѣпостныхъ въ вотчину, то, кажется нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по собственному усмотрѣнію. Это уже ихъ дѣло, послѣдовать ли при примѣру государя... они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны" [1]).

Другая знаменитость 18 в., Руссо, другъ человѣчества вообще, бѣдныхъ по преимуществу, проповѣдникъ прелестей первобытнаго равенства и свободы, относительно реальныхъ попытокъ осуществленія этой свободы высказываетъ такія мысли. „Свобода — пища добросочная, но трудная для пищеваренія, нужны крѣпкіе желудки, чтобы ее вынести. Я смѣюсь надъ тѣми погрязшими въ униженіи народами, которые, паущенные демагогами, смѣютъ говорить о свободѣ, не имѣя о ней никакого понятія и съ сердцемъ, исполненнымъ всѣми пороками рабовъ, воображаютъ, что для того, чтобы стать свободными, достаточно быть бунтовщиками!" Въ заключеніе онъ рекомендуетъ польскимъ панамъ отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого хорошимъ поведеніемъ... „Не освобождайте ихъ тѣлъ, не освободивши сначала ихъ душъ!" [2]).

Описываемый нами классовой характеръ европейской интел-

---

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, стр. 62.
[2]) Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи, стр. 268.

лигенціи, въ идеѣ представляющей цѣлый народъ, прекрасно иллюстрируется исторіей того, что можно бы назвать крестьянскимъ вопросомъ во Франціи.

Извѣстно, въ какомъ печальномъ положеніи находилось французское крестьянство въ прошломъ вѣкѣ. По словамъ Вобана, почти десятая часть населенія нищенствовала, изъ остальныхъ девяти частей только пять въ состояніи были подавать милостыню, три совершенно стѣснены долгами и процессами, и лишь около ста тысячей семей дворянъ, чиновниковъ, богатыхъ купцовъ и отдѣльныхъ лицъ войска, судебнаго сословія и духовенства пользовалось благосостояніемъ. Такимъ образомъ, вопросъ о положеніи крестьянъ повидимому „былъ поставленъ самою жизнью: настоятельно требовалась реформа крестьянскаго быта, всѣми чувствовалась необходимость перемѣнъ“, и тѣмъ не менѣе „еслибы стали искать во французской литературѣ прошлаго вѣка выраженіе „крестьянскій вопросъ“, то поиски наши оказались бы тщетными: крестьянскій вопросъ, какъ таковой, какъ вопросъ о крестьянскомъ сословіи, его бытѣ, нуждахъ, интересахъ и т. п., не существовалъ... Сельскимъ населеніемъ занимались большею частью попутно, при разсмотрѣніи другихъ общественныхъ вопросовъ, такъ что элементы, которые могли бы составить изъ себя крестьянскій вопросъ, не выдѣлялись изъ другихъ вопросовъ, чтобы соединиться въ одинъ, крестьянскій“ [1]).

Причины этого явленія могутъ заключаться лишь въ томъ, что, по своей принадлежности къ привилегированному классу, слишкомъ разобщенному съ массою крестьянства и имѣвшему интересы, отличные и даже противуположные интересамъ послѣдняго, французская интеллигенція помимо своего сознанія замѣчала главнѣйшимъ образомъ и подвергала соотвѣтствующей разработкѣ тѣ стороны общественной жизни, которыя представляются особенно важными для дворянства или буржуазіи. „Борцы 18 в. инстинктивно стояли за народъ всюду, гдѣ они могли понять его страданія, но всѣ привычки жизни и ихъ мысли отталкивали ихъ отъ вѣрнаго и всесторонняго пониманія при-

---

[1]) Карѣевъ. Ibid., стр. 230, 218—219.

чинъ народныхъ бѣдствій. Притомъ у нихъ было столько вопросовъ, волновавшихъ ихъ собственный кругъ, культурный слой общества, что только порывами, случайно они становились на защиту страдающаго народа, которому были чужды всѣми частностями своей культуры“ [1]).

„Лабораторіею новыхъ моральныхъ и политическихъ идей были кружки свѣтскихъ людей. Эти кружки слишкомъ далеко отстояли отъ народа, чтобы его знать, слишкомъ его игнорировали, чтобы имъ интересоваться... Они видѣли въ народѣ матеріалъ, изъ котораго построено государство, силу, создающую національное богатство, почву, необходимую для развитія культурныхъ цвѣтковъ свѣтскаго общества, а при такомъ взглядѣ на народъ или отдѣльные его классы, ни этотъ народъ, ни эти классы не могли стать самостоятельнымъ предметомъ изученія; могли быть вопросы финансовый, агрономическій, коммерческій и т. п., но не было ни крестьянскаго, ни рабочаго вопроса, хотя жизнь уже ихъ поставила, какъ нѣчто, требующее разрѣшенія“.

Писатели теоретики ставили общественно-политическіе вопросы такъ широко, что и въ ихъ рѣшеніяхъ не видно было вопроса крестьянскаго. Пр. Карѣевъ приписываетъ это обстоятельство отвлеченному направленію ихъ мысли; съ нашей же точки зрѣнія это объясняется естественной близорукостью сословной интеллигенціи въ отношеніи того, что имѣетъ важное значеніе для другого сословія. Сказанное подтверждается тѣмъ, что и писатели, имѣющіе дѣло съ явленіями текущей дѣйствительности, точно также игнорировали интересы крестьянъ и разсматривали жизнь съ такой точки зрѣнія, которая теоретически представлялась широкой и безсословной, а по своимъ практическимъ послѣдствіямъ приносила слабаго въ жертву сильному, крестьянина—буржуазіи. Такъ, экономисты „стараются доказать, что между отдѣльными классами господствуетъ гармонія, самая совершенная и умилительная. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ выдѣлять интересы одного класса для спеціальнаго изученія?“ Производя же анализъ экономическихъ отношеній,

---

[1]) Карѣевъ. Новая исторія Западной Европы, т. III, стр. 251.

ученые игнорировали юридическую и соціальную сторону вопроса и „дѣлили общество не по способу участія въ производствѣ землей, капиталомъ и трудомъ (на землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ), а на лицъ, такъ или иначе принимающихъ участіе въ земледѣліи или обработывающей промышленности. Къ первой категоріи могли относиться и крупные, и мелкіе хозяева, и фермеры, и управляющіе, и половники, и поденщики“.

Писатели, занимавшіеся болѣе частными, практическими вопросами, точно также видѣли только отношенія, а не рабочихъ людей, обнимаемыхъ ими; это были „агрономы, видѣвшіе только поля и луга, но незамѣчавшіе тѣхъ людей, которые пахали, сѣяли, жали, косили; финансисты, придумывавшіе способы обогащенія государства, но не заглядывавшіе никогда въ карманы плательщиковъ, и пр. и пр.“. Въ силу сказаннаго исходной точкой напр., богатой и вліятельной сельско-хозяйственной литературы XVIII вѣка „было не бѣдственное состояніе народа, а печальное положеніе сельскаго хозяйства, и авторы этихъ сочиненій на вопросы, которые могли рѣшаться главнымъ образомъ на основаніи соображеній соціальнаго характера, смотрѣли исключительно съ второстепенной точки зрѣнія сельскаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи агрономическіе авторы уподоблялись остальнымъ писателямъ 18 в., безсознательно исповѣдывавшимъ доктрину человѣка для субботы, съ тѣмъ лишь различіемъ, что та суббота, которая у другихъ писателей являлась въ видѣ государственныхъ интересовъ, національнаго могущества и богатства, у агрономовъ называлась успѣхами сельскаго хозяйства“ [1]).

Въ силу такого направленія общественной мысли, неудивительно если мѣры, предлагавшіяся французскими писателями прошлаго вѣка для упорядоченія общественно-экономическихъ отношеній, въ родѣ развитія крупнаго хозяйства,—должны были бы имѣть непремѣннымъ слѣдствіемъ обезземеленіе массы населенія, отчего, впрочемъ, въ выигрышѣ осталась бы не только „суббота“ агрономіи, но и герой этой субботы—буржуа; иначе говоря

[1]) Карѣевъ, крестьяне и пр., стр. 223, 225, 236.

интересы одного человѣка были бы здѣсь принесены въ жертву другому человѣку же, а не субботѣ. Такой практическій результатъ „отвлеченнаго“ направленія мысли не былъ непріятной неожиданностью для теоретиковъ прошлаго вѣка. „Нужны люди, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли,—пишетъ Вольтеръ,—но даже и они, хотя и кажутся пасынками фортуны, будутъ участвовать въ благополучіи другихъ. Они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплотитъ, и это замѣнитъ имъ собственность“ [1]). „Отождествляя нерѣдко землю и землевладѣльца, интересы земледѣлія и интересы сельскихъ хозяевъ, экономисты часто, говоря объ интересахъ производительнаго класса, имѣютъ въ виду именно только фермеровъ“ [2]). Доводы физіократовъ относительно необходимости отдѣленія собственности отъ „труда до того показались убѣдительными, что Мирабо, *другъ людей*, подъ ихъ вліяніемъ отказался отъ своего прежняго мнѣнія о причинахъ обѣднѣнія Франціи, выраженнаго въ такой формѣ: большія щуки опустошаютъ пруды, крупные собственники давятъ мелкихъ“ [3]).

Могутъ сказать, что такія мнѣнія лучшихъ умовъ европейской интеллигенціи были законнымъ результатомъ ихъ высшаго знанія, что въ этомъ выражалось ихъ историческое предвидѣніе того явленія, что, по законамъ историческаго развитія, Францію ожидали именно тѣ порядки, какіе ими проповѣдывались, а не другіе. Однако, это возраженіе отпадаетъ, разъ мы знаемъ, что въ эпоху великой революціи сельско-хозяйственный вопросъ получилъ разрѣшеніе въ значительной степени противорѣчащее ожиданіямъ предшествующихъ писателей, такъ какъ крестьяне получили въ это время хотя часть земли, которая раньше предназначалась для буржуазіи, и эту часть они благополучно удержали въ своихъ рукахъ и въ послѣдующее время. Не слѣдуетъ однако полагать, что подобнымъ результатомъ крестьяне обязаны интеллигентнымъ дѣятелямъ революціи. Послѣдніе, какъ представители сословной интеллигенціи, были послѣдовательны

---

[1]) Семевскій, id., I, стр. 62.
[2]) Карѣевъ, Исторія Европы, III, 258.
[3]) Карѣевъ, крестьяне и проч., стр. 256.

въ забвеніи крестьянскихъ интересовъ, какъ таковыхъ, и если крестьяне что-либо выиграли въ революціонную эпоху, то это или благодаря ихъ собственному поведенію, или потому, что борющіяся между собою партіи временами вспоминали о народѣ, когда чувствовали потребность опереться на какую либо новую силу.

Такъ, брошюрная пресса перваго революціоннаго года „служитъ доказательствомъ того, какъ мало въ сущности интересовались вообще самими крестьянами и какъ въ частности несовершенно понимали свою задачу тѣ публицисты, которые брали на себя роль адвокатовъ крестьянскаго сословія. Учредительное собраніе даже какъ бы забыло о существованіи всеобщей просьбы крестьянъ облегчить тяжесть феодальнаго гнета; только когда запылали замки и феодальные документы, собраніе вспомнило, какая была главная просьба приходскихъ наказовъ и рѣшилось для прекращенія волненія удовлетворить этой просьбѣ: дворяне и духовные увидѣли, что нужно пожертвовать частью правъ, чтобы сохранить другую, а каждое сословіе порознь нашло средство подставить ногу другому предложеніемъ отмѣны такихъ правъ, которыми оно само не пользовалось. Таковъ смыслъ ночного засѣданія 4 августа. Декретъ, отмѣняющій съ выкупомъ или безвозмездно разныя феодальныя права, не могъ успокоить разъ начавшагося волненія, тѣмъ болѣе, что скоро неопредѣленные принципы декрета 4 августа были изложены въ точныхъ законахъ, которые расширили область правъ, объявленныхъ выкупаемыми (на счетъ уничтожаемыхъ безвозмездно), и дѣлали почти невозможнымъ самый выкупъ, благодаря особенной заботливости объ интересахъ сеньеровъ. Крестьяне тогда начинаютъ протестовать противъ законовъ, составленныхъ собраніемъ, въ которомъ третье сословіе [1]) представлено было горожанами. Когда собралась легислатива, эти протесты особенно усилились, и одинъ аргументъ долженъ былъ сильнѣе другихъ подѣйствовать на чиновъ законодательнаго собранія: крестьяне вѣрность свою конституціи ставятъ въ зависимость отъ лучшихъ законовъ, а тѣ люди, въ пользу которыхъ рѣшенъ былъ во-

[1]) Куда по идеѣ входилъ и простой народъ.

просъ конституантой, были въ рядахъ эмиграціи. Это политическое соображеніе заставило легислативу связать свое дѣло съ интересами народа и нанести ударъ своимъ политическимъ врагамъ: законодательство было измѣнено въ смыслѣ ограниченія случаевъ и облегченія способовъ выкупа. Конвентъ, конечно, уничтожилъ и самый выкупъ. Такимъ образомъ, рѣшеніе этой стороны крестьянскаго вопроса, рѣшеніе, къ которому не были подготовлены теоретически, отъ начала до конца вытекало не изъ сознанія необходимости этого дѣла, а представляло изъ себя рядъ политическихъ мѣръ: декретъ 4 августа, лежащій въ основѣ конституанты, долженъ былъ прекратить волненіе въ деревняхъ; законы легислативы и конвента должны были усилить оба собранія сочувствіемъ народа и нанести ударъ врагамъ". Это касается феодальной стороны крестьянскаго вопроса.

„Не иначе отнеслись и къ другой сторонѣ дѣла. Конституанта дала санкцію раздѣленію крестьянъ на хозяевъ и батраковъ, назвавъ однихъ активными, другихъ пассивными гражданами, и въ планы ея не входило устроеніе аграрнаго быта на принципахъ развитія мелкой собственности: распродажа національныхъ имуществъ была для конституанты мѣрой, исключительно финансовой; политики не видѣли возможности воспользоваться представившимся случаемъ развить мелкую собственность распродажей земель небольшими участками. Если потомъ и заходила рѣчь въ этомъ смыслѣ, то лишь для того, чтобы создать этимъ новое политическое средство въ борьбѣ съ противными партіями".

„Съ этой стороны аграрныя отношенія Франціи доселѣ покоятся на той же основѣ, какъ и въ прошломъ вѣкѣ: экономическій процессъ, указанный выше, продолжается и теперь, несмотря на такое множество политическихъ перемѣнъ, бывшихъ во Франціи съ 1789 г.... Интересъ общества къ деревнѣ не получалъ болѣе пищи, а, кромѣ того, его слишкомъ приковывала къ себѣ та смѣна разныхъ политическихъ направленій, которая характеризуетъ исторію Франціи въ 19 в. [1])". Съ нашей точки зрѣнія такое направленіе политики привилегированнаго обще-

[1]) Карѣевъ, id. стр. 489—491.

ства объясняется съ одной стороны безмолвіемъ деревни, съ другой—выступленіемъ на арену политической жизни рабочаго городского класса, который и заставилъ французскую демократію обратить на него свое вниманіе. „Только введеніе всеобщей подачи голосовъ и замѣчаемое усиленіе дробленія мелкой собственности на невозможно мелкіе участки заставило французовъ еще разъ обратиться къ деревнѣ; но тотъ фактъ, что судьба крестьянъ менѣе всего останавливала на себѣ вниманіе французскихъ историковъ, писавшихъ о 18 вѣкѣ и тотъ, что французская статистика даетъ весьма неопредѣленное понятіе о теперешнемъ бытѣ крестьянъ — указываютъ, какъ доселѣ слабъ во французской наукѣ и публицистикѣ интересъ къ судьбамъ сельскаго населенія Франціи“—такъ заключаетъ свою книгу русскій изслѣдователь крестьянскаго вопроса во Франціи.

Прибавимъ отъ себя: все это доказываетъ, какъ безсильна человѣческая мысль, несмотря на видимую широту и внѣшную научность ея теоретическихъ построеній,—подняться выше простого эмпиризма, возвыситься надъ эгоистическими инстинктами животной природы человѣка, оторваться отъ субъективной основы своей логической работы и достигнуть настоящаго объективизма, пріобрѣсти способность работать на пользу не того или другого класса, милаго ея сердцу или насильно навязывающагося ея вниманію (въ чемъ она, однако, не хочетъ сознаться и потому считаетъ себя въ правѣ претендовать на несвойственную ей объективность), а на пользу цѣлаго народа. Это ея безсиліе есть результатъ неустранимой никакими средствами недостаточности матерьяла для соціологическихъ построеній, обусловливаемой ограниченностью поля наблюденія, охватывающаго лишь ничтожный уголокъ человѣческой исторіи. И нужно, чтобы человѣкъ убѣдился въ этой ограниченности объективныхъ данныхъ для его построеній, чтобы онъ призналъ преобладаніе въ обращающихся въ обществѣ идеяхъ субъективной основы и согласился съ тѣмъ, что его „научныя“ построенія, охватывающія прошедшее, настоящее и будущее, съ объективной стороны составляютъ не болѣе, какъ маленькій камешекъ для возведенія великаго зданія исторіи человѣческой жизни, которое нельзя считать еще и намѣченнымъ; и что главное значеніе этихъ по-

строеній въ настоящее время заключается не въ ихъ объективной будто бы непреложности, которая, повторяемъ, имъ не свойственна, а въ томъ, что этой мнимой „научной“ непреложностью они располагаютъ общественное мнѣніе въ пользу притязаній одного класса, укрѣпляютъ его партійную программу, подставляя подъ нея якобы научную основу.

Извѣстно, напр., какую пользу вѣра въ непреложность идей просвѣтительной философіи 18 в. оказала буржуазіи въ ея борьбѣ съ королевской властью и, такъ сказать, въ дѣлежѣ наслѣдства великой французской революціи, совершавшейся подъ знаменемъ свободы, равенства и добродѣтели—между буржуазіей и народомъ. Извѣстна и роль „научныхъ законовъ“ классической политической экономіи въ исторіи развитія буржуазныхъ порядковъ и борьбы буржуазіи съ пролетаріатомъ. Бѣдствія рабочихъ классовъ, какъ результатъ ничѣмъ не регулируемаго развитія капиталистическихъ отношеній, наука объясняла дѣйствіемъ неотвратимаго закона Мальтуса о народонаселеніи; требованіямъ рабочими возвышенія заработной платы она противопоставляла „законъ“ постоянства фонда, распредѣляемаго между рабочими въ видѣ платы и т. д. „Старые экономисты, говоритъ Тойнби, дѣйствительно вѣрили, что законы распредѣленія богатствъ, въ томъ числѣ и законъ заработной платы, такъ же неизмѣнны и вѣчны, какъ, напр., законъ тяготѣнія. Это убѣжденіе господствовало какъ въ ученомъ мірѣ, такъ и среди общественныхъ дѣятелей англійской буржуазіи, которые противуставляли его всякой попыткѣ рабочихъ тѣмъ или другимъ путемъ добиться возвышенія заработной платы и пользовались имъ для того, чтобы, въ случаѣ столкновеній съ нанимающимися, склонять общественное мнѣніе въ свою пользу, представляя послѣднихъ сопротивляющимися необходимому закону природы“ [1]). Несмотря на постоянно повторявшіяся со стороны разныхъ лицъ (преимущественно соціалистовъ) возраженія противъ положеній буржуазной экономіи, авторитетъ ея въ общественномъ мнѣніи образованнаго класса Англіи оставался непоколебленнымъ до тѣхъ поръ, пока рабочіе не вынудили общество обратить на нихъ свое

[1]) Новые англійскіе экономисты, Сѣв. Вѣстн., 1887 г. № 12.

вниманіе. Англійская политическая экономія, говоритъ Тойнби, преобразована рабочими классами. „Настойчивое стремленіе послѣднихъ найти разрѣшеніе вопросовъ, объявленныхъ абстрактной наукой неразрѣшимыми, обратило экономистовъ отъ абстракцій къ давно пренебрегаемымъ фактамъ“ [1]). При этомъ всѣмъ сдѣлалось яснымъ, что стройная система „законовъ“ политической экономіи, такъ хорошо согласованныхъ и объединенныхъ немногими простыми принципами, не была не только научной теоріей экономическихъ отношеній вообще, но не могла быть названа и вѣрной теоріей опредѣленнаго частнаго строя, такъ какъ заключала въ себѣ много положеній, желательныхъ для ликующихъ представителей этого строя, но не соотвѣтствующихъ дѣйствительности. И вотъ въ теченіи немногихъ лѣтъ общество отвернулось отъ той самой „науки“, которую еще такъ недавно считало безусловно истинной.

Обстоятельства, способствовавшія столь быстрому паденію авторитета классической экономіи въ Англіи, по словамъ Тойнби, были аналогичны съ тѣми, которыя подняли ея престижъ въ предшествующую эпоху: вѣчно развивающаяся жизнь переросла тѣсныя рамки теоріи. Въ то время, когда задачей момента было уничтоженіе узаконеній и обычаевъ, сковывавшихъ промышленную дѣятельность страны, политическая экономія съ ея основнымъ принципомъ—невмѣшательства правительства въ экономическія отношенія — естественно была признаваема слоемъ общества, въ пользу котораго совершалась экономическая эволюція,—за науку непреложную и благодѣтельную. Но когда всѣ стѣсненія были уничтожены, а общественныя неустройства продолжали существовать попрежнему — и ссылаться на необходимость отмѣны регламентирующихъ мѣръ, какъ на средство выйти изъ затрудненій, не представлялось возможнымъ,—тогда общество сдѣлалось склоннымъ слушать тѣхъ лицъ, которыя давно проповѣдывали необходимость созидательной, а не только разрушительной работы, и старая наука потеряла свой престижъ.

Такимъ образомъ, общественная наука съ своими постро-

---

[1]) Id., Сѣв. Вѣстн., 1887 г. № 8.

ніями практическаго характера идетъ позади жизни. Она не даетъ намъ ничего существенно новаго, а лишь уясняетъ существующее, систематизируетъ и распространяетъ то, что чувствовалось и частью сознавалось раньше практическими дѣятелями: принципъ laisser faire положенъ былъ въ основу политической экономіи послѣ того, какъ борьба противъ промышленныхъ стѣсненій загорѣлась въ дѣйствительной жизни; низложеніе этого принципа произошло равнымъ образомъ вслѣдъ за отрицаніемъ его, высказаннымъ людьми жизни, а не науки, людьми чувствующими на себѣ прелесть „свободы“ и видящими ее на другихъ, а не присяжными учеными, наблюдающими явленіе со стороны и способными поэтому замѣтить его, лишь когда оно приняло очень широкіе размѣры.

Вѣра въ положенія абстрактной науки, какъ въ надежный руководитель развитія общества — не впервые проявилась въ случаѣ, о которомъ было говорено выше. Вѣра въ сознательную систематическую работу разума, какъ главнѣйшій источникъ исторической эволюціи человѣчества вообще и надежнѣйшую опору прогрессивнаго его развитія въ частности, особенно характеристична для европейской интеллигенціи прошлаго вѣка, господствующимъ направленіемъ мысли которой былъ—раціонализмъ.

Это направленіе, „ничего, повидимому, не принимавшее на вѣру, для всего требовавшее доказательства, основаннаго на доводахъ разума, само покоилось на вѣрѣ, именно вѣрѣ въ силу разума, въ его всемогущество, въ его способность все объяснить въ области теоретическаго мышленія и все создать въ области практической дѣятельности; это была вѣра въ творческія (мы сказали бы—въ сознательно-творческія) силы человѣка, вѣра въ самое творчество, руководимое сознаніемъ“. По господствовавшему воззрѣнію все въ исторіи создается сознательной дѣятельностью разума, хотя сама эта дѣятельность, по причинѣ невѣжества первобытнаго человѣка, не всегда приводитъ къ благодѣтельнымъ результатамъ: общество создалось соглашеніемъ отдѣльныхъ единицъ наложить на себя нѣкоторыя стѣсненія въ видахъ обезпеченія правильнаго хода жизни; религія изобрѣтена жрецами въ цѣляхъ держать массу въ своихъ рукахъ; языкъ изо-

брѣтенъ же по соглашенію людей для лучшаго пониманія другъ друга и т. д. При отсутствіи научно-систематизированнаго знанія такія изобрѣтенія человѣчества въ прошедшемъ были далеко недостаточны для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, но современное состояніе науки даетъ возможность указать раціональныя средства такого удовлетворенія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, раціонализмъ 18 в. „отрицалъ все исторически сложившееся, какъ искусственное, придуманное и созданное человѣкомъ, которому были еще неизвѣстны законы природы, и этому искусственному противупоставлялъ естественное, открываемое разумомъ и жаждущее только своего возстановленія въ жизни. „Естественная религія“ деистовъ, „естественное право“ юристовъ и политиковъ, „естественный порядокъ“ экономистовъ, „естественный человѣкъ“ морали и педагогики — всѣ эти и иныя, имъ аналогичныя, понятія хорошо характеризуютъ одну изъ наиболѣе распространенныхъ въ 18 в. концепцій. Въ немногихъ словахъ она сводится къ такому разсужденію: человѣкъ создалъ сознательно всю свою культуру, но онъ сдѣлалъ это крайне искусственно, такъ какъ, не руководимый просвѣщеннымъ разумомъ, уклонялся отъ велѣній природы; но разумъ вступилъ въ свои права, открылъ, что все естественное есть именно то, что сообразно съ его требованіями и тѣмъ самымъ указалъ на то, какъ долженъ поступать человѣкъ въ дальнѣйшемъ сознательномъ творчествѣ культуры. Съ этой точки зрѣнія исторія культуры представляется исторіей сознательныхъ изобрѣтеній или открытій въ области разныхъ „искусствъ“, принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ“ [1]).

XVIII вѣкъ не довольствовался проповѣдью идеи о всемогуществѣ разума, а пытался дать ей практическое осуществленіе, причемъ испробовалъ оба пути послѣдняго: путь осуществленія сверху и снизу.

Философы 18 в. думали, что лучшими проводниками ихъ идей въ жизнь могутъ быть правительства и прежде всего абсолютные монархи. „Въ глазахъ политиковъ государство всемогуще и государственная польза преобладаетъ надъ всѣмъ. Вся

---

[1]) П. Карѣевъ, Сущность историч. процесса, с. 398—9.

политика философовъ сводится къ тому, чтобы всемогущество государства подчинить непогрѣшимости разума... Пусть философамъ дадутъ власть только на нѣсколько часовъ, и силою государственной благодати совершится одно изъ чудесъ, надъ которыми они такъ охотно глумятся, но которыя кажутся имъ въ этомъ случаѣ вполнѣ естественными: измѣнится не только лицо земли, но и самая душа человѣка. Они полагаютъ, что все возможно для власти и все легко для тѣхъ, кто обладаетъ ею". Поэтому они стали проповѣдывать свои идеи монархамъ. „Свобода, собственность—это англійскій крикъ, это крикъ природы—говоритъ Вольтеръ; но онъ понимаетъ свободу, регулируемую властелиномъ и собственность, обезпеченную сильнымъ правительствомъ. Его политическій идеалъ — деспотизмъ, умѣряемый терпимостью и просвѣщеніемъ". „Идите во главѣ королей Европы — восклицаетъ Шиллеръ; одинъ почеркъ пера этой руки — и земля создана вновь... Государь, вы сдѣлаете вашъ народъ счастливѣйшимъ изъ народовъ, и тогда вашей обязанностью будетъ покорить міръ". Король долженъ царить не только надъ имуществомъ и жизнью, но и надъ мнѣніями, пишетъ Мирабо. Проповѣдникъ народовластія, Руссо, понималъ послѣднее также въ смыслѣ государственномъ: „дѣло не въ томъ, чтобы заставить государство поступиться своимъ могуществомъ въ пользу свободы гражданъ, а въ томъ, чтобы во имя этого всемогущества принудить гражданъ принять крещеніе новой религіи". Поэтому Руссо готовъ примириться со всякой формой правленія, если она обѣщаетъ осуществленіе его идей. „Учредите европейскую республику на одинъ день — говорилъ онъ,—и этого достаточно, чтобы она вѣчно продолжалась... пусть намъ вернутъ Генриха IV и Сюлли, и вѣчный миръ можетъ назваться осуществимымъ проектомъ!"

Такое понятіе о государствѣ и власти ведетъ фисософовъ къ презрѣнію къ англійскому представительному правленію. „Здѣсь, говоритъ Летронн, можно совершить реформы моментально измѣняющія положеніе страны, между тѣмъ у англичанъ такія реформы могутъ быть всегда задержаны партіями". „Идея представительства,—пишетъ Руссо,—вытекаетъ изъ феодальнаго управленія, изъ того нелѣпаго и несправедливаго правленія,

которое унизило человѣческій родъ". „Онъ осмѣиваетъ глупость англійской націи и ставитъ ее въ видѣ пугала для своихъ современниковъ" [1]).

Государи охотно слушали проповѣдь новыхъ идей и пытались по мѣрѣ возможности дать имъ практическое осуществленіе. Наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ духа времени явился императоръ Австрійскій, Іосифъ II, и онъ же потерпѣлъ наибольшую въ своихъ попыткахъ неудачу. Руководствуясь указаніями „разума", какъ онъ самъ понималъ ихъ, Іосифъ „начинаетъ реформы повсюду и разомъ. Для него исторіи не существуетъ, традиціи и историческій опытъ не дѣйствительны. Нѣтъ ни расы, ни времени, ни среды; есть одно государство, и оно всемогущее: „въ государствѣ, управляемомъ согласно съ моими принципами,—говоритъ онъ,—должны исчезнуть предразсудки, фанатизмъ, рабство духа, и каждому изъ моихъ подданныхъ будутъ возвращены его естественныя права". Между прочимъ „императоръ былъ противникомъ сословныхъ привилегій и стремился къ установленію гражданскаго равенства среди своихъ подданныхъ, главнымъ шагомъ къ чему должна была служить отмѣна крѣпостничества" [2]).

Рядъ деспотическихъ и энергическихъ мѣръ въ духѣ этой программы вооружилъ противъ императора одни классы общества и націи, вызвалъ преувеличенныя ожиданія въ другихъ, и дѣло кончилось общимъ недовольствомъ, возстаніемъ нѣкоторыхъ провинцій, и отмѣной большей части продиктованныхъ „разумомъ" декретовъ.

Извѣстно, что и попытка осуществить идеи XVIII вѣка воздѣйствіемъ снизу потерпѣла такую же неудачу (не въ смыслѣ безрезультатности движенія, а въ смыслѣ несоотвѣтствія этихъ результатовъ ожиданіямъ руководителей революціи), а также что главнѣйшимъ орудіемъ революціонной политики, въ противорѣчіе съ абстрактно исповѣдываемыми мнѣніями ея дѣятелей, сдѣлалось насиліе, при помощи котораго хотѣли предписать народу и формы быта, и образъ мыслей, и даже религію. Но ставъ

---

[1]) Сорель, Европа и французская революція, т. I, с. 85—86, 80.
[2]) Карѣевъ, Исторія и т. д. III, 358.

въ противорѣчіе съ абстрактными принципами своего времени, революція своими пріемами вполнѣ отвѣчала тѣмъ идеямъ и тому настроенію, которыя выработались въ европейцахъ ихъ многовѣковымъ подчиненіемъ извѣстному режиму. И опытъ осуществленія просвѣтительныхъ идей 18 в., при помощи такъ наз. просвѣщеннаго деспотизма и путемъ революціоннымъ, даетъ прекрасный случай для выясненія относительнаго значенія въ эволюціи общества чистой идеи и полусознательныхъ продуктовъ духовной жизни человѣка.

„Принципы французской революціи были отвлеченны и всеобщи,—говоритъ Сорель,—это способствовало ихъ быстрому распространенію, и это же было причиной того, что они принесли результаты столь различные, смотря по той средѣ, въ которой они распространялись. Эти прекрасныя идеи сохраняютъ свою метафизическую чистоту только въ сознаніи философа или въ разумѣ математика. Малѣйшее вліяніе со стороны жизни видоизмѣняетъ и разлагаетъ ихъ. Тотъ, кто желаетъ примѣнить ихъ къ дѣлу—отождествляетъ ихъ съ собой и, присваивая ихъ себѣ, извращаетъ. Діалектика ускользаетъ отъ большой массы людей. Они не принимаютъ идею какъ законъ, по которому обязаны мыслить, они принимаютъ ее за форму, въ которую безпорядочно бросаютъ всѣ тѣ инстинкты, чувства, знанія, предразсудки и заблужденія, которые накопились въ нихъ вслѣдствіе плохого воспитанія, отрывочнаго опыта, соединеннаго вліянія семьи и отечественныхъ условій“ [1]).

Въ этой тирадѣ Сорель какъ бы противуставляетъ массу народа его интеллигентнымъ представителямъ, считая, что послѣдніе понимаютъ идею въ ея первоначальной чистотѣ, а первая искажаетъ ее своими инстинктами, чувствами и предразсудками. Эта мысль должна быть принимаема съ большими ограниченіями. Мы имѣли уже случай убѣдиться въ томъ, что если мнѣніе Сореля о сохраненіи чистоты мысли въ сознаніи философа и имѣетъ основаніе, то это относится только лишь къ метафизической чистотѣ мысли, т.-е. къ абстрактной идеѣ, еще не приложенной къ дѣйствительности. Коль скоро же на-

[1]) Сорель, id. c. 5—6.

чнется второй актъ въ развитіи идеи—ея примѣненіе къ окружающей жизни, превращеніе абстрактной ея формы въ конкретную,—философъ обыкновенно идетъ тѣмъ же путемъ, что и обыкновенный смертный и впадаетъ въ тѣ же ошибки.

Это сдѣлается совершенно понятнымъ—разъ мы вспомнимъ, что великій человѣкъ воспитывается и живетъ подъ тѣми же неблагопріятными условіями, какъ и обыкновенный смертный. Поэтому то Вольтеръ напр. — главное содержаніе проповѣди котораго опредѣляется, по выраженію г. Карѣева, словами „разумъ и терпимость“, Вольтеръ—борецъ за духовную свободу и человѣческое достоинство, абстрактно признающій, что „свобода, собственность, это крикъ природы“—переводитъ эти абстрактныя идеи въ такія конкретныя формулы. „Разумъ восторжествуетъ у порядочныхъ людей, а сволочь (т.-е. простой народъ) вовсе не для него созданъ. Католицизмъ нужно уничтожить у порядочныхъ людей, оставивъ его у сволочи (это—конкретная формула абстрактной идеи духовной свободы!). „Я понимаю подъ народомъ, пишетъ онъ, чернь, у которой есть руки, чтобы жить. Я опасаюсь, что этотъ народъ никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться; мнѣ кажется необходимымъ, чтобы существовали невѣжды“ (это—конкретная формула абстрактной идеи о господствѣ разума!). „Порицая“ ворчливыхъ бѣдняковъ, кричащихъ противъ роскоши“, онъ находилъ нужнымъ, чтобы въ государствѣ существовали люди, у коихъ были бы лишь руки да охота работать, при свободѣ продавать свой трудъ, такъ какъ, эта свобода должна замѣнять имъ собственность (такова конкретная формула абстрактнаго положенія, что „свобода и собственность, это—крикъ природы“!)“.

Опредѣляя связь этихъ конкретныхъ положеній Вольтера съ исходными посылками его абстрактнаго міросозерцанія, вы можете сказать, перефразируя слова Сореля, что „прекрасныя идеи не сохранили свою метафизическую чистоту въ сознаніи философа. Діалектика ускользнула отъ него. Онъ не принимаетъ идею, какъ законъ, по которому обязанъ мыслить, онъ принимаетъ ее за форму, въ которую бросаетъ всѣ тѣ инстинкты, чувства, знанія, предразсудки и заблужденія, которые накопились въ немъ вслѣдствіе плохого воспитанія, отрывочнаго опыта,

соединеннаго вліянія семьи и отечественныхъ условій". А пр. Карѣевъ даетъ нѣкоторое поясненіе относительно тѣхъ чувствъ и предразсудковъ, созданныхъ вліяніемъ извѣстной обстановки, которыя заставили Вольтера извратить абстрактныя положенія своей философіи: „въ данномъ случаѣ въ его взглядахъ выражался своего рода аристократизмъ интеллигентности и обезпеченности".

Если привилегированное и оторванное отъ народа положеніе служитъ причиною того, что самые передовые вожди человѣчества весьма часто высказываютъ нелѣпѣйшія соціальныя идеи, то условія существованія массы простого народа—трудовая основа его матеріальной обезпеченности и извѣстная однородность соціальнаго состава — благопріятствуютъ, напротивъ того, появленію въ его сознаніи раціональныхъ элементарныхъ соціальныхъ идей, въ каковомъ отношеніи невѣжественная масса народа нерѣдко стоитъ впереди интеллигентныхъ представителей общества.

III.

Все, изложенное въ настоящей главѣ, даетъ намъ право сказать, что хотя по мѣрѣ историческаго развитія человѣчества интеллектуальный факторъ эволюціи общества получаетъ огромное развитіе сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, но отъ этого еще далеко до того, чтобы радикально измѣнилась форма отношенія человѣка къ цѣлямъ его собственнаго существованія, методы выясненія ближайшихъ соціально-этическихъ задачъ, способы вырабатыванія соотвѣтствующихъ конкретныхъ организацій, — формы и методы, основанные на полусознательныхъ стремленіяхъ, на столкновеніи отдѣльныхъ личныхъ и классовыхъ интересовъ. Наука-же въ этомъ процессѣ играетъ подсобную роль, дополняя безсознательную игру страстей, подчиняя своему руководству частныя проявленія историческаго процесса и притомъ руководя имъ съ точки зрѣнія чьего-либо интереса. Для того, чтобы измѣнился прежній, медленный и неправильный ходъ развитія человѣчества, основанный на борьбѣ отдѣльныхъ интересовъ, настроеній, отчасти идей, изъ взаимодѣйствія ко-

торыхъ образуются формы жизни, вовсе непредвидѣнныя тѣми, кто былъ ихъ дѣйствительнымъ строителемъ, почему главными общечеловѣческими факторами, опредѣляющими то или иное этическое значеніе вновь возникающихъ формъ, продолжаютъ быть основные соціальные инстинкты сталкивающихся группъ населенія, ихъ соціально-этическое настроеніе и степень осознанности такового; чтобы этотъ, такъ сказать, эмпирическій методъ прогрессивнаго развитія общества замѣнился раціональнымъ, заключающимся въ научно-правильной оцѣнкѣ различныхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности, въ научно-правильномъ выводѣ изъ нихъ идеаловъ и указаніи формъ для ихъ фактическаго осуществленія—требуется такая огромная предварительная работа изученія внѣшняго міра и самого человѣка, что она составляетъ главное содержаніе интеллектуальной дѣятельности какъ современнаго, такъ и неопредѣленнаго числа будущихъ поколѣній. Это накопленіе знаній дало человѣку огромную силу для преодолѣнія различныхъ техническихъ затрудненій, а также для осуществленія сознанныхъ частныхъ соціальныхъ задачъ,—національныхъ или сословныхъ. Что же касается порожденія самихъ задачъ, ихъ формулированія и даже опредѣленія общаго направленія путей ихъ осуществленія—все это продолжаетъ совершаться тѣмъ же запутаннымъ, эмпирическимъ путемъ: главными факторами процесса продолжаютъ быть чувства, инстинкты, настроеніе массы (всего народа или господствующаго класса) и большая или меньшая степень сознательнаго съ ея стороны къ нимъ отношенія. Высокое интеллектуальное развитіе способно играть огромную роль въ процессѣ, но эта его роль опредѣляется (при настоящемъ состояніи знаній) не внесеніемъ новыхъ посылокъ и методовъ построенія общественныхъ формъ,—избавляющимъ отъ необходимости основываться на чувствахъ и настроеніи массы,—а предоставляемой имъ возможностью яснѣе формулировать идеи, вытекающія изъ настроенія массы и его выраженія въ общественныхъ отношеніяхъ, анализировать эти настроенія, представленія и идеи, отдѣлять въ нихъ плевела отъ пшеницы и этимъ выясненіемъ безсознательной философіи общества способствовать ясной постановкѣ практическихъ задачъ, лучшему ихъ осуществленію въ дѣйствительности, что

не можетъ не оказать обратнаго вліянія и на чувства, инстинкты и все то, что составляетъ соціально-этическое содержаніе данной группы населенія.

Изъ всего доселѣ сказаннаго слѣдуетъ, что безусловно плодотворное вліяніе высоко-развитой интеллигенціи на прогрессивное развитіе общества обезпечено лишь въ томъ случаѣ, когда эта интеллигенція не будетъ оторвана отъ массы населенія, когда ея задачей сдѣлается внесеніе свѣта во внутренній міръ этой массы, съ цѣлью выясненія тѣхъ задачъ соціально-бытовыхъ отношеній, какія должны или могутъ быть поставлены на очередь по законамъ развитія этого міра. Подъ указаннымъ внесеніемъ свѣта во внутренній міръ массы мы разумѣемъ не только распространеніе просвѣщенія, результатомъ котораго была бы сознательная постановка массою такихъ вопросовъ, которые, при отсутствіи просвѣщенія, разрѣшаются болѣе или менѣе стихійно. Внесеніе свѣта въ міръ идей и чувствъ массы можетъ быть сдѣлано и отдѣльными лицами, достаточно связанными съ нею для того, чтобы знать эти чувства и идеи, переживать ихъ вмѣстѣ съ нею, и достаточно развитыми для того, чтобы съумѣть выполнить нужную задачу анализа и синтеза и чтобы умѣть чувства и идеи общечеловѣческаго характера отличить отъ сословныхъ, классовыхъ и т. п. Великіе реформаторы, открывавшіе новые пути развитія, успѣвали въ этомъ не столько въ силу своего развитого интеллекта, сколько потому, что умственное превосходство соединялось у нихъ съ высоко-развитымъ чувствомъ дѣйствительности, что ихъ интеллектъ оперировалъ не надъ отвлеченными научными положеніями, а надъ ихъ собственными чувствами и идеями, общими у нихъ съ современниками. Тамъ же, гдѣ за выясненіе очередныхъ соціальныхъ задачъ берутся люди, хотя бы высоко-ученые и интеллигентные, но не связанные интимно съ жизненными источниками чувствъ и идей современниковъ, гдѣ поэтому соціологическія построенія дѣлаются путемъ оперированія надъ отвлеченными идеями, путемъ яко бы научнаго предвидѣнія,—тамъ обыкновенно получается доктрина, имѣющая крупицу практической, жизненной истины, которая загромождена массою надстроекъ отвлеченно

логическаго характера, дѣлающихъ эту доктрину весьма мало пригодной для практическаго, такъ сказать, употребленія.

Мы сказали, что внесеніе свѣта въ міръ идей и чувствъ массы можетъ быть сдѣлано отдѣльными лицами, жизненный пульсъ которыхъ бьется въ тактъ съ пульсомъ ихъ современниковъ, и,—если эти лица обладаютъ достаточной общественной силой,—выработанныя ими идеи могутъ получить практическое осуществленіе безъ того, чтобы сама масса, если она оторвана отъ историческаго кормила, принимала въ дѣлѣ активное участіе. Такъ какъ историческое развитіе человѣчества совершалось путемъ раздѣленія его на классы, съ устраненіемъ народныхъ массъ отъ активной роли и сосредоточеніемъ накапливаемой соціальной энергіи въ привилегированномъ слоѣ общества,—вслѣдствіе чего и появившаяся въ этомъ слоѣ интеллигенція жила чувствами и идеями меньшинства,—то понятно, почему великія историческія перемѣны, связанныя съ именемъ того или другого соціальнаго реформатора или группы таковыхъ, обыкновенно отвѣчали непосредственно интересамъ, отражали идеи и чувства не народной массы, а привилегированнаго меньшинства, доставившаго реформаторамъ матеріалъ для ихъ построеній.

Если высказанныя соображенія имѣютъ извѣстную степень вѣроятія, если построенія чистой мысли непригодны для непосредственнаго осуществленія въ дѣйствительности, если въ основѣ соціальной эволюціи лежатъ чувства, настроенія и вытекающія изъ нихъ конкретныя идеи массы лицъ, складывающіяся подъ вліяніемъ фактическихъ отношеній, а работа чистаго интеллекта и создаваемыя имъ обобщенія служатъ, главнымъ образомъ, для систематизированія и сознательнаго формулированія этихъ идей; если весь этотъ психологическій арсеналъ историческаго движенія создается на почвѣ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, если въ то же время историческое движеніе осуществлялось путемъ распаденія общества на классы, причемъ активная соціальная энергія сосредоточивалась въ той или другой изъ привилегированныхъ группъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и опредѣляющими направленіе развитія, а народная масса играла роль матеріала, надъ которымъ соверша-

лись разнообразныя операціи, интересы котораго всегда были на заднемъ планѣ; если все это, повторяемъ, происходило такъ, какъ мы выражали, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при всей чистотѣ происхожденія абстрактныхъ соціальныхъ принциповъ, постепенно заносимыхъ на страницы исторіи человѣческой мыслью, эти принципы, претворяясь въ конкретныя формулы, способныя опредѣлить направленіе общественнаго движенія эпохи, обыкновенно должны были пріобрѣтать содержаніе, находившееся въ соотвѣтствіи съ интересами господствующаго или возвышающагося класса и способствовавшее дальнѣйшей эволюціи общественныхъ отношеній въ смыслѣ этихъ интересовъ.

То, что мы развивали на предыдущихъ страницахъ, даетъ намъ право сдѣлать нижеслѣдующія заключенія.

Имѣя въ виду дѣтское состояніе соціологіи, какъ науки, нужно быть очень осторожнымъ въ томъ, что касается признанія нашихъ соціологическихъ обобщеній за непреложные законы общественныхъ отношеній. Нужно помнить, что главнѣйшимъ соціальнымъ агентомъ является самъ человѣкъ съ его потребностями, страстями и сознаніемъ, и что главнѣйшая функція интеллигенціи заключается въ усиленіи вліянія на соціальные процессы общественнаго сознанія вообще, сознательнаго воздѣйствія общественныхъ организацій въ частности. Что же касается содержанія сознанія,—таковымъ не могутъ быть объективныя положенія, не мотивированныя субъективными моментами, потому что въ основѣ и представленій человѣка объ обществѣ, и самихъ соціальныхъ явленіяхъ лежатъ потребности, чувства, идеи, т.-е. явленія субъективной жизни. Сообразно направленію исторіи, по которому на арену общественно-политическаго вліянія выступали послѣдовательно различные классы, общественное сознаніе оцѣнивало явленія и воздѣйствовало на нихъ по преимуществу въ интересахъ одного класса. „Объективныя“ же, научныя формулы, насколько онѣ оказывали вліяніе на развитіе общественныхъ отношеній, играли такую роль, благодаря тому, что практическія слѣдствія, изъ нихъ вытекавшія, отвѣчали болѣе или менѣе ясно сознаннымъ потребностямъ вліятельнаго класса; т.-е. эти формулы въ практическомъ отношеніи служили для законнаго, такъ сказать, обоснованія тре-

бованій, удовлетворяющихъ интересамъ этого класса, для стиранія съ программы господствующаго или возвышающагося слоя признаковъ ея узко-классоваго происхожденія. Въ новѣйшее время, когда на историческую сцену выступилъ фабрично-заводскій пролетаріатъ, во всѣхъ сферахъ сознательной жизни, гдѣ это возможно, замѣчается усиленіе представленій, истекающихъ изъ потребностей или уясняющихъ потребности этого соціальнаго класса, а наука поспѣшила съ своей стороны оправдать требованія рабочихъ, покрывъ ихъ объективно якобы построеннымъ закономъ (научный соціализмъ). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ почему либо выдвинулся сельскій работающій классъ (Ирландія), общественное сознаніе начинаетъ работать въ духѣ его интересовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ такъ называемые законы соціальной жизни въ сознаніи дѣятелей играютъ служебную роль. Оцѣнка окружающей жизни совершается съ точки зрѣнія неудовлетворенныхъ потребностей класса, задачи воздѣйствія на нее диктуются прежде всего выяснившимися на этотъ счетъ представленіями класса. Законы же соціальной жизни привлекаются или для оправданія и систематизированія реальныхъ, жизненныхъ потребностей класса, или для того, чтобы указать, какія практическія мѣры цѣлесообразнѣе всего принять въ видахъ разрѣшенія задачи, продиктованной потребностями реально-существующихъ общественныхъ слоевъ.

Такъ, съ выступленіемъ на арену сознательной общественной жизни фабрично-заводскаго пролетаріата, общественное сознаніе, больше чѣмъ когда бы то ни было, занялось вопросами объ удовлетвореніи потребностей этого класса въ отношеніи безопасности работы и улучшенія матеріальной и моральной обстановки его быта. Для этихъ цѣлей сознаніе рабочихъ и лицъ, имъ сочувствующихъ, указало, между прочимъ, на задачи возвышенія заработной платы и сокращенія времени работы, а также на принятіе фабрикантами извѣстныхъ мѣръ предосторожности при устройствѣ приспособленій для работы. Соотвѣтствуютъ ли эти требованія объективнымъ законамъ соціологіи или нѣтъ (ученые когда-то доказывали, что возвышеніе заработной платы усиліями рабочихъ невозможно, такъ какъ уровень ея опредѣляется неотвратимыми соціальными законами, и эти „законы“ были

отвергнуты лишь вслѣдствіе того, что „невѣжественные“ рабочіе игнорировали ихъ и фактически доказали ихъ несостоятельность), нужна ли для успѣховъ развитія промышленности страны полная во всѣхъ этихъ отношеніяхъ свобода дѣйствій капиталистовъ (послѣдніе не разъ доказывали, что многія проектированныя для защиты рабочихъ мѣропріятія поведутъ къ упадку промышленности), — эти вопросы, при вышеуказанныхъ условіяхъ, общественнымъ сознаніемъ игнорируются, и возникаетъ только вопросъ еще о томъ, какими практическими мѣрами всего легче придти къ поставленной цѣли. И вотъ, обезпеченіе здоровья и жизни при работѣ на фабрикахъ достигается при посредствѣ законодательства, возвышеніе заработной платы—организованной борьбой классовъ, сокращеніе времени работы на фабрикахъ—тѣмъ и другимъ способами. Объективныя условія не остались безъ вліянія на формулированіе задачъ, подлежащихъ разрѣшенію при помощи сознательнаго воздѣйствія общественныхъ организацій: рабочіе, напримѣръ, не требуютъ въ настоящее время уничтоженія машинъ или немедленнаго переустройства промышленности на совершенно новый ладъ, какъ это нерѣдко имѣло мѣсто въ предшествующей исторіи пролетаріата. Но это произошло путемъ отраженія объективныхъ условій въ сознаніи класса, котораго они касаются, и служитъ лишь свидѣтельствомъ того, что при проектированіи задачъ, подлежащихъ разрѣшенію для удовлетворенія субъективно поставленныхъ требованій рабочаго класса, приходится считаться съ условіями мѣста и времени, а не доказываетъ, что сами задачи диктуются не потребностями реально существующихъ группъ населенія, а какими-то объективными представленіями объ отношеніяхъ, осуществляющихся или подлежащихъ осуществленію въ будущемъ. Обязанность интеллигенціи, между прочимъ, и состоитъ въ томъ, чтобы указать объективныя условія, ограничивающія и опредѣляющія мѣру удовлетворенія субъективно сознанныхъ потребностей класса, а не въ томъ, чтобы эти субъективно продиктованныя задачи замѣнить объективно яко-бы полученными формулами.

Непригодность этихъ послѣднихъ, какъ главнѣйшаго указателя очередныхъ задачъ общественной дѣятельности, доказы-

вается явленіями современнаго же общественнаго движенія на Западѣ.

Если по отношенію къ современнымъ требованіямъ фабрично-заводскаго пролетаріата объективныя условія ставятъ ограниченія, удерживающія мѣры удовлетворенія ихъ на почвѣ существующаго экономическаго строя, то для земледѣльческаго населенія Англіи и Ирландіи эти условія не имѣютъ такого значенія. Возбужденное къ дѣятельности сознаніе земледѣльческаго класса, послѣ оцѣнки существующихъ порядковъ съ точки зрѣнія интересовъ этого послѣдняго, выставило требованіе полнаго измѣненія этихъ порядковъ, не справляясь съ тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли это требованіе какой либо соціологической формулѣ или нѣтъ и, насколько извѣстно, эти требованія не встрѣчали возраженія съ точки зрѣнія ихъ противорѣчія объективнымъ законамъ исторіи, — хотя они и игнорируютъ идею о фатальности въ экономическомъ развитіи обществъ, — признаны какъ либеральной, такъ и консервативной партіями за подлежащія удовлетворенію, которое, вѣроятно, и не замедлитъ осуществиться въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

И такъ, повторяемъ еще разъ, что въ историческомъ развитіи общества можно различать движеніе стихійное и сознательное. Первое состоитъ изъ нѣсколькихъ борющихся теченій, и, въ большинствѣ случаевъ, побѣда остается за тѣмъ изъ нихъ, на сторону котораго станетъ общественное сознаніе, т.-е. въ пользу котораго предпринимается рядъ сознательно-цѣлесообразно проектированныхъ мѣропріятій со стороны правительства и интеллигенціи. Обыкновенно вмѣшательство сознанія общества усиливало то стихійное теченіе, которое выгодно для привилегированныхъ классовъ, такъ какъ сама выразительница общественнаго сознанія, интеллигенція, принадлежала именно къ этому классу. Но, съ распространеніемъ образованія за предѣлы небольшаго слоя и съ выступленіемъ на сцену активной исторической жизни трудящейся массы, сознательная дѣятельность общества направляется въ пользу теченія, болѣе выгоднаго для послѣдней, что можетъ имѣть слѣдствіемъ измѣненіе направленія, въ какомъ до этого времени происходила эволюція общественныхъ отношеній. Такое вмѣшательство общественнаго сознанія

ставитъ въ настоящее время и ставило иногда въ прошедшемъ преграды стихійному развитію капитализма. Не говоря о всемъ прочемъ, укажемъ только на аграрное движеніе, обнаружившееся въ послѣднее время во многихъ странахъ цивилизованнаго міра, и въ частности въ Ирландіи. Смыслъ этого движенія весьма далекъ отъ соціалистическаго: оно игнорируетъ вопросъ о кооперативномъ производствѣ, а имѣетъ цѣлью обезпечить самостоятельное положеніе трудящагося, для чего представляется необходимость въ раздробленіи крупныхъ индивидуальныхъ хозяйственныхъ единицъ на болѣе мелкія. Такимъ образомъ, благодаря измѣненію въ направленіи общественнаго сознанія, мы присутствуемъ при такомъ моментѣ экономической эволюціи общества, когда процессъ организаціи крупной формы производства подъ руководствомъ капитала, совершающійся частью стихійно, частью сознательно, въ одной огромной сферѣ приложенія труда прерывается, и организація будетъ продолжаться инымъ, не капиталистическимъ путемъ.

Конечно, сила общественнаго сознанія не безграничпа, и оно не можетъ идти противъ законовъ природы. Но дѣло въ томъ, что по отношенію къ явленіямъ соціальной жизни эти такъ называемые непреодолимые законы въ большинствѣ случаевъ являются законами отношеній, развивавшихся при извѣстной комбинаціи производящихъ причинъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднюю роль играетъ воздѣйствіе на процессъ общественнаго сознанія, направляемаго одностороннимъ интересомъ привилегированныхъ слоевъ общества. Съ появленіемъ на аренѣ общественной жизни безсословной интеллигенціи (если такой фактъ возможенъ), способной оцѣнить совершающіяся вокругъ пея явленія съ точки зрѣнія интересовъ массы и отвлеченныхъ идей правды и справедливости (мы говоримъ о странахъ, гдѣ, по причинѣ невѣжества народа, послѣдній не участвуетъ активно въ историческомъ движепіи), вліяніе на соціальные процессы сословнаго сознанія, лишеннаго поддержки лучшей части интеллигенціи, ослабляется, отчего равнодѣйствующая стихійныхъ процессовъ измѣняетъ направленіе, и, при извѣстной силѣ вліянія безсословпой интеллигенціи, можетъ значительно отклонить общество отъ того пути, по которому опа его вела

раньше. Но безсословность интеллигенціи, въ смыслѣ чистоты ея сознательныхъ мотивовъ и сознательно преслѣдуемыхъ цѣлей, какъ это слѣдуетъ изъ вышеизложеннаго, еще не обезпечиваетъ народной массѣ,—если она не играетъ активной роли въ историческомъ процессѣ,—удовлетворенія ея законныхъ потребностей. Интеллигенція можетъ не понять потребностей и настроенія народа или увлечься стремленіемъ къ достиженію такихъ цѣлей, которыя, будучи весьма благовидными въ принципѣ, имѣютъ гораздо большее значеніе для привилегированныхъ классовъ, нежели для массы населенія и, такимъ образомъ, формулируетъ задачи даннаго момента въ смыслѣ, неблагопріятномъ для интересовъ массы или игнорирующемъ послѣдніе.

Народная масса Западной Европы можетъ не опасаться того или другого направленія мысли привилегированной интеллигенціи вообще, господства среди ея представителей различныхъ соціологическихъ доктринъ въ частности, потому что она сама является активнымъ общественнымъ агентомъ и имѣетъ собственную интеллигенцію. Съ своей стороны, и привиллегированная интеллигенція можетъ съ болѣе или менѣе спокойной совѣстью отдаваться тѣмъ или другимъ теоріямъ, зная, что вліяніе этихъ послѣднихъ на общественную жизнь страны будетъ, если нужно, дополнено противодѣйствующимъ вліяніемъ народа и его интеллигенціи. Иное слѣдуетъ сказать о тѣхъ странахъ, гдѣ народныя массы недоразвились до активнаго участія въ общественной жизни и гдѣ поэтому главнымъ агентомъ по формированію общественнаго самосознанія, которое такъ или иначе отражается на судьбѣ народа, является интеллигенція привилегированнаго класса. Въ этихъ случаяхъ попытки строго держаться объективныхъ формулъ, „законовъ“ исторіи и всякихъ другихъ схемъ, — выражающихъ въ сущности лишь порядокъ смѣны формъ, имѣвшій мѣсто въ нѣкоторыхъ странахъ, при извѣстной, обыкновенно трудно повторяющейся, комбинаціи производящихъ причинъ, съ преобладающимъ вліяніемъ факторовъ, истекающихъ изъ интересовъ одного класса,—не встрѣчая противовѣса во вліяніяхъ, исходящихъ изъ реальныхъ потребностей реальнаго населенія, будутъ имѣть лишь то послѣдствіе, что стихійное теченіе, выражающее интересы массы, не получитъ поддержки сверху и,

можетъ быть, уступитъ въ борьбѣ другому теченію, въ то время, какъ при иномъ отношеніи интеллигенціи оно привело бы къ созданію формъ, лучше отвѣчающихъ идеѣ общаго блага, правды и справедливости. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что интеллигенція такихъ странъ несетъ за свои дѣйствія нравственную отвѣтственность, неизвѣстную интеллигенціи болѣе цивилизованныхъ народовъ, и что она должна возможно осторожнѣе произносить сужденіе о предметахъ, затрогивающихъ отношенія, выработанныя народной жизнью для удовлетворенія потребностей массы, которыя не можетъ защитить самъ народъ.

Такимъ образомъ, чтобы удержаться на высотѣ своего отвѣтственнаго положенія, интеллигенція тѣхъ націй, гдѣ народъ еще не вошелъ въ число активныхъ общественныхъ силъ и его интересы не представлены непосредственно, въ своей дѣятельности должна по возможности соблюдать слѣдующія условія.

Нужно стремиться къ возможному систематическому детальному изученію народа, какъ въ его духовной физіономіи, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ и этимъ путемъ пріобрѣсти объективныя данныя для сужденія о потребностяхъ народной жизни и средствахъ наилучшаго ихъ удовлетворенія.

Вмѣстѣ съ этимъ и еще настоятельнѣе необходимо приближеніе интеллигенціи къ народу, установленіе непрерывнаго между ними общенія, постоянное участіе первой въ радостяхъ и заботахъ послѣдняго. Этимъ путемъ пріобрѣтаются свѣдѣнія о сознательныхъ стремленіяхъ народа и его безсознательной философіи и, до извѣстной степени, парализуются недостатки организаціи интеллигенціи, заключающіеся въ отсутствіи въ ея средѣ представителей народнаго интеллекта. Черезъ посредство лицъ, живущихъ по возможности жизнью массы, культурное общество будетъ имѣть возможность, съ одной стороны, получать такія впечатлѣнія отъ того, что происходитъ въ народномъ быту, которыя поставятъ его до извѣстной степени au courant съ развитіемъ народной жизни и міросозерцанія, съ другой — передавать массѣ средства, выработанныя культурой для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ потребностей личной и общественной жизни. Сказанное имѣетъ примѣненіе даже къ такимъ передовымъ націямъ, какъ англійская. Высшее образованіе, говоритъ

Тойнби, потеряло „животворный источникъ соприкосновенія съ реальной жизнью. Носители его поэтому должны устремиться въ народную среду не для того только, чтобы развивать ее своимъ разумомъ, но чтобы почерпнуть также у народа знакомство съ реальной стороной проблемы, называемой жизнью, послѣ чего только ихъ образованіе можетъ пріобрѣсть надлежащую всесторонность и истинную глубину“ [1]). Тѣмъ необходимѣе такое отношеніе къ дѣлу въ странахъ, подобныхъ Россіи.

Нужно быть очень осторожнымъ въ отношеніи построенія цѣльной системы, охватывающей соціальную жизнь такихъ странъ въ прошедшемъ и предрѣшающей путь ихъ развитія въ будущемъ, а слѣдовательно, и тѣ средства, которыми въ этомъ развитіи будетъ участвовать интиллигенція. Въ особенности слѣдуетъ воздерживаться отъ стремленія облегчить трудъ по систематизаціи воззрѣній заимствованіемъ схемъ эволюціи общественныхъ формъ, выработанныхъ на Западѣ, памятуя, что эти схемы получены обобщеніемъ фактовъ, относящихся даже далеко не ко всей Западной Европѣ, не говоря о цѣломъ человѣчествѣ; что соціальная наука, констатируя извѣстную связь явленій, этимъ самымъ не только указываетъ на ихъ послѣдовательность или сосуществованіе, но и учитъ, какъ избѣгать того или другого нежелательнаго положенія, и что, если современное состояніе интеллектуальнаго развитія просвѣщенной части человѣчества и допускаетъ болѣе или менѣе ясное указаніе этаповъ смѣны *идейнаго* содержанія исторіи, то это никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ *конкретнымъ формамъ* жизни, такъ какъ конкретная форма составляетъ наиболѣе непостоянную категорію соціальныхъ явленій, такъ какъ и самое ея назначеніе заключается въ томъ, чтобы дать идеѣ, ею представляемой, выраженіе, наиболѣе соотвѣтствующее всѣмъ частнымъ условіямъ мѣста и времени.

---

[1]) Гольдшейдеръ, Соціальныя теченія и реформы XIX столѣтія въ Англіи, с. 102.

Но если русская интеллигенція не должна гнаться за формами, выработанными чужою жизнью, за то ей тѣмъ болѣе слѣдуетъ усвоить идеи общечеловѣческаго развитія, выработать при ихъ помощи въ самыхъ общихъ чертахъ, но ясные и прочные идеалы, и ими же руководствоваться при оцѣнкѣ всякаго, предлагаемаго къ осуществленію въ окружающемъ, мѣропріятія. Обладаніе интеллигенціей ясными, широкими, обоснованными субъективно и по возможности объективно, идеалами представляется имѣющимъ гораздо болѣе важное значеніе для Россіи, нежели для другихъ, болѣе цивилизованныхъ странъ Европы. Идеалы, достойные девятнадцатаго вѣка, имѣютъ въ виду благо всѣхъ и соотвѣтственно этому должны отражаться въ дѣйствительности такими поправками ея организаціи, которыя расширяютъ сферу участія въ благахъ цивилизаціи,—прежде бывшихъ доступными одному классу, — трудящейся массы населенія. Но тотъ же практическій результатъ можетъ быть достигнутъ и помимо идеальныхъ представленій интеллигенціи о болѣе справедливомъ и высокомъ, — если активнымъ агентомъ въ общественной жизни становится сама трудящаяся масса, стремящаяся къ участію въ пользованіи плодами цивилизаціи по непосредственному, эгоистическому побужденію и способная достичь этого участія, не строя широкихъ идеаловъ, а лишь цѣлесообразно пользуясь средствами, уже выработанными исторіей. Сказаннымъ объясняется, почему послѣднее 20—30-лѣтіе Европы характеризуется одновременно пониженіемъ идейнаго уровня интеллигенціи (буржуазной, въ предшествовавшій періодъ стоявшей въ первыхъ рядахъ прогрессивной части общества) и улучшеніемъ соціальнаго положенія трудящейся массы. Иныя отношенія наблюдаются въ Россіи, гдѣ народъ въ дѣлѣ общественныхъ преобразованій игралъ пассивную роль, и гдѣ факелъ, освѣщающій путь прогресса, находится въ рукахъ привиллегированнаго слоя. При такихъ обстоятельствахъ, если и возможно не запутаться въ массѣ переплетающихся путей, пролагаемыхъ неполнымъ знаніемъ народнаго быта, сословными предразсудками и интересами, традиціей, доктринерствомъ, подражательностью готовымъ образцамъ и т. п., если мыслимо достичь того, чтобы

свѣточъ, находящійся въ рукахъ интеллигенціи одного класса населенія, освѣщалъ приблизительно правильное направленіе пути развитія цѣлой страны, то лишь при условіи, чтобы ея привиллегированная интеллигенція имѣла широкіе идеалы и этими идеалами — а не посредствующими между ними и текущей жизнью формулами — оцѣнивала и свои конкретныя построенія, и проектируемыя мѣропріятія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Характеръ русской интеллигенціи.

I.

По обширности и своеобразности народной беллетристики наша литература не имѣетъ себѣ подобія въ Европѣ, говоритъ г. Скабичевскій. Романы и повѣсти изъ народной жизни на Западѣ являются обыкновенно случайно и преслѣдуютъ господствующія психологическія и художественныя цѣли. Немногіе же писатели, спеціально посвятившіе свою дѣятельность изображенію народнаго быта, являются не объективными его изслѣдователями, а лицами, преслѣдующими извѣстныя партійныя цѣли, сообразно которымъ и народъ они изображаютъ тѣми или другими красками. Въ противуположность этому, въ Россіи за послѣднія 40 лѣтъ явились десятки беллетристовъ, стремящихся постичь соціальныя основы народнаго быта, проникнуть въ сокровенные изгибы народной души [1]).

„Для будущаго историка русской жизни наше время будетъ, вѣроятно, казаться очень оригинальнымъ; быть можетъ даже оно представитъ зрѣлище, единственное въ своемъ родѣ, пишетъ г. А. В-нъ. Мы разумѣемъ ту роль, какую въ теченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ „народъ“ занялъ и въ ли-

---

[1]) „Исторія новѣйшей русской литературы“, с. 223.

тературѣ, и въ общественныхъ вопросахъ, и въ мечтаніяхъ молодыхъ поколѣній. Влеченія къ народному не единичны въ нашей литературѣ; они становились не однажды господствующимъ мотивомъ и въ литературахъ европейскихъ, тѣмъ не менѣе у насъ они остаются весьма своеобразны“ [1]).

Г. А. В-нъ пытается и формулировать разницу въ положеніи народнаго начала въ нашей и иностранной литературахъ.

„Стремленіе къ народному или національному проявилось, напр., еще во второй половинѣ 18 в. въ Германіи, когда молодыя поколѣнія мечтали о возвращеніи древне-греческаго вѣка и молодые поэты воображали себя бардами; нѣсколько позднѣе, въ философско-поэтическихъ воззваніяхъ Гердера, „народное“ указывалось какъ истинное начало просвѣщенія и поэзіи, и изученіе поэзіи народной и возвращеніе къ ней указывались какъ средства обновленія. Но здѣсь, какъ и въ позднѣйшихъ романтическихъ обращеніяхъ къ народному, это послѣднее понималось обыкновенно почти только теоретическимъ образомъ, какъ нѣчто, логически недостававшее въ *историческихъ и эстетическихъ построеніяхъ*, чѣмъ надо было бы оправдать философскую цѣльность этихъ построеній. Въ развитіи національной идеи, которое совпадаетъ съ эпохой романтизма и переживаетъ ее, народное опять является въ широкомъ объемѣ національнаго, понимается, какъ самое общее представленіе національнаго духа, и практическія примѣненія идеи національности приводили къ исканію политическаго освобожденія національностей, гдѣ онѣ подавлены были чужимъ господствомъ. Можно было бы ожидать, что „народное“ скажется въ томъ новѣйшемъ демократическомъ движеніи, которое выразилось рабочимъ вопросомъ; но здѣсь шло дѣло о чисто экономическихъ отношеніяхъ, которыя опять получали политическій характеръ, потому что экономическій споръ для своего разрѣшенія требовалъ и извѣстной политической реформы. Рабочій вопросъ, несомнѣнно, касался близко народа, изъ котораго выходила рабочая масса; но послѣдняя все-таки не отождествлялась съ народомъ, и въ рабочій вопросъ не замѣшивались тѣ соображенія

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1891 г., II. Народники и народъ.

о народномъ началѣ, къ которымъ мы такъ привыкли въ своей литературѣ". Всѣ эти направленія встрѣчаются и у насъ, но они не составляютъ главнаго содержанія народнаго начала въ русской литературѣ.

„Нѣсколько иначе „народное" поставлено было въ славянскомъ возрожденіи: дѣятелямъ этого возрожденія нужно было опереться на народъ, потому что только въ народной средѣ и сохранилась та національная сторона, которая являлась фундаментомъ для національнаго возрожденія... Чтобы пробудить въ массѣ племенное сознаніе, съ которымъ должна была возникнуть и окрѣпнуть мысль политическая, нужно было начать вновь или возстановить литературу на народномъ языкѣ, изучить этнографическій образъ племени, реставрировать исторію и пр. Такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ приходилось обращаться къ народному, вызывать его жизненныя начала, отождествлять дѣло національнаго возрожденія съ исконными началами народной жизни"... Но все это дѣлалось постольку, поскольку было нужно для возрожденія *національной* идеи, вслѣдъ за чѣмъ „народъ" отступалъ на задній планъ, и литературныя направленія примыкали къ романо- и германо-европейскимъ, отражали на себѣ общія всей Западной Европѣ соціальныя отношенія. „Дѣло въ томъ, что возрожденіе славянскихъ племенъ совершалось среди безусловнаго господства европейскаго просвѣщенія и *крѣпко установившихся формъ общественности.* Когда возрождались славянскія племена и когда требовалось разработать ихъ историческое прошедшее, основать ихъ новѣйшее просвѣщеніе, искать средствъ для укрѣпленія ихъ національнаго чувства,—во всѣхъ этихъ случаяхъ надо было пользоваться установившимися условіями жизни и европейской науки, *европейскими формами общественности:* эта наука помогала изучить и объяснить факты историческаго прошедшаго и сдѣлать изъ нихъ выводы; формы и содержаніе европейской литературы помогли создать образовательную народную книгу; *формы общественности цѣликомъ перенимались*".

„Иначе складываются народныя стремленія въ нашей литературѣ, съ ихъ послѣднимъ исходомъ въ народничествѣ разныхъ оттѣнковъ. Первые опыты этихъ стремленій съ конца

18 в. были непосредственнымъ интересомъ къ народному быту, черты котораго еще въ бо́льшей степени сохранились и въ быту у самаго образованнаго класса. Позднѣе, и особливо въ 40-хъ гг., онѣ получаютъ прямо соціальный характеръ: изученіе народа и народной жизни сопровождается мыслью, что народъ есть основа націи, сопровождается сочувствіями къ его гражданскому положенію и желаніями, чтобы это положеніе было улучшено, чтобы народъ пріобрѣлъ гражданскія права; затѣмъ эти сочувствія все больше возрастаютъ въ теоретическое и, наконецъ, въ полумистическое представленіе о томъ, что именно въ народѣ хранится та глубокая идея, которой принадлежитъ и все нравственное содержаніе національнаго цѣлаго, и та сила развитія, которая создала его внѣшнее государственное могущество. Словомъ, народныя стремленія въ нашей литературѣ заключали въ себѣ нетолько потребность научнаго изслѣдованія народнаго преданія (гдѣ мы были учениками европейской науки, особливо нѣмецкой), нетолько потребность найти для литературы болѣе реальное содержаніе и болѣе естественную форму (гдѣ опять наша литература находила опору въ европейскомъ движеніи, напр., въ романтизмѣ), но и нѣчто другое: глубокій соціальный вопросъ и національную вѣру. Правда, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи стремленія нашей литературы вырабатывались подъ сильными вліяніями западнаго просвѣщенія—именно, германской философіи, соціалистическихъ ученій, самыхъ политическихъ событій; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ развивался по своему въ условіяхъ русской жизни, доходя, наконецъ, до своеобразной постановки, гдѣ становился всеобъемлющимъ, нравственнымъ вопросомъ, какъ у Л. Н. Толстого“.

Не считая эту характеристику русской интеллигенціи въ ея отношеніи къ „народному“ совершенно полной, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что всякій непредубѣжденный читатель, прочтя приведенныя строки, естественно выведетъ заключеніе, что указанная характерная особенность русской литературы не можетъ быть считаема явленіемъ случайнымъ: она должна быть органически связана съ соціальнымъ бытовымъ строемъ нашего отечества, какъ составляющимъ почву, на которой выросла интеллигенція, и въ свою очередь свидѣтельствуетъ о томъ, что, по

соціально-бытовымъ условіямъ, русская жизнь рѣзко отличается отъ западно-европейской. Продолжая логически развивать ту же мысль, читатель считалъ бы себя въ правѣ сказать далѣе, что такъ какъ литература служитъ выраженіемъ общественнаго самосознанія и въ свою очередь оказываетъ сильное вліяніе на формированіе послѣдняго, а черезъ него и на фактическія отношенія въ обществѣ, то — доколѣ основной ея мотивъ будетъ отличаться вышеуказаннымъ характеромъ—такой же характеръ будетъ стремиться принять и общественная жизнь. Все вышеизложенное должно бы привести къ практическому заключенію, что насущной задачей исторіи нашего общественнаго развитія должно бы быть изслѣдованіе причинъ особеннаго характера русской литературы, изученіе взаимодѣйствія этой литературы и жизни и указаніе тѣхъ особенностей въ дальнѣйшемъ развитіи страны, какихъ естественно ожидать при данной комбинаціи стихійно и сознательно дѣйствующихъ въ указанномъ направленіи силъ русскаго общества... Такое изслѣдованіе, такъ сказать соціально-литературное, имѣло бы огромное значеніе для правильнаго развитія русской общественной мысли.

Нѣтъ сомнѣнія, что и внѣшнія, и внутреннія (соціально-бытовыя) условія этого развитія крайне неблагопріятны, и потому пособіе, получаемое нашей интеллигенціей отъ болѣе развитыхъ европейскихъ литературъ, имѣетъ особенное значеніе. Въ этихъ литературахъ русская интеллигенція видитъ послѣдовательные шаги въ развитіи идеи,—шаги, которые въ большинствѣ случаевъ и ей предстоитъ сдѣлать, и такимъ образомъ имѣетъ часть необходимой работы выполненную другими. Въ теоретическомъ отношеніи, слѣдовательно, ей остается только усвоивать уже открытыя идеи, и самостоятельную работу мысли проявлять лишь въ дѣлѣ приложенія послѣднихъ къ русской дѣйствительности. Но указанное пособіе западной литературы русская интеллигенція получаетъ лишь въ отношеніи общихъ той и другой идей. Въ томъ же, что наша интеллигенція представляетъ оригинальнаго — ей приходится работать одной, и здѣсь-то неблагопріятныя условія оказываютъ полное свое вліяніе и приводятъ къ тому, что правильное, логическое развитіе идеи, выражающей особенныя условія русской жизни, дѣлается

невозможнымъ. Идея эта необходимо является въ сознаніи русскаго интеллигента то въ формѣ полуинстинктивнаго стремленія, то въ болѣе или менѣе сознательномъ примѣненіи къ какой-либо частной сферѣ жизни или мысли, то какъ выводъ изъ положеній, повидимому, относящихся къ совершенно иной категоріи явленій. Она рвется наружу, стремится занять въ общей суммѣ нашихъ идей соотвѣтствующее мѣсто; но ей весьма трудно получить надлежащую теоретическую разработку, подняться на такую высоту, съ которой она освѣщала бы истинный путь всѣмъ, слѣдующимъ за нею. Въ силу сказаннаго, частныя примѣненія идеи весьма часто будутъ носить узкій, уродливый характеръ; въ одномъ и томъ же теченіи, рядомъ съ здоровымъ потокомъ, встрѣтятся мутныя струи, и отрицательная критика найдетъ въ исторіи идеи богатый для себя матеріалъ.

Вотъ здѣсь-то соціально-литературное изученіе явленія и такая же его критика имѣли бы огромное значеніе для правильнаго развитія идеи, показывая корни ея въ тѣхъ или другихъ соціальныхъ отношеніяхъ, объясняя происхожденіе прямыхъ и кривыхъ ея вѣтвей, помогая пониманію того, гдѣ истинный соціальный смыслъ идеи, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать пути правильнаго ея развитія, чѣмъ объясняются уклоненія отъ этого пути. При подобномъ содѣйствіи со стороны критики, оцѣнка отрицательныхъ проявленій идеи, конечно, имѣла бы другой характеръ и значеніе, чѣмъ безъ него; теоретическое обоснованіе идеи поставлено было бы солиднѣе; ея воздѣйствіе на различныя научныя области было бы рѣшительнѣе и плодотворнѣе; практическія ея примѣненія—цѣлесообразнѣе.

Къ сожалѣнію, такой исторіи нашего общественнаго развитія еще не написано, такой критики нашихъ общественно-политическихъ идей не существуетъ, и причинъ этого явленія, по нашему мнѣнію, между прочимъ, слѣдуетъ искать въ двухъ обстоятельствахъ. Во-1-хъ, въ общемъ неразвитіи ученія о зависимости идей, циркулирующихъ въ обществѣ, отъ соціально-бытоваго его строя; во-2-хъ, въ неправильномъ представленіи нашихъ писателей о законахъ общественнаго развитія человѣчества.

Единство законовъ этого развитія понимается у насъ слишкомъ буквально: не въ смыслѣ сходства мотивовъ этого развитія,

основныхъ соціальныхъ его пружинъ, а въ смыслѣ повторяемости въ одинаковомъ порядкѣ идей, формъ быта и ступеней ихъ развитія. Слѣдуя такому понятію, наши историки-публицисты обращались къ соціально-бытовымъ условіямъ развѣ только затѣмъ, чтобы объяснить, почему русская общественная мысль въ извѣстный періодъ своего развитія не вполнѣ усвоила тѣ или другія западныя идеи и формы, приняла ихъ въ недоразвитомъ состояніи, исказила ихъ. По той же причинѣ рѣзкое уклоненіе русской мысли отъ европейской они склонны объяснять нашею неразвитостью, видѣть въ этихъ уклоненіяхъ признакъ нашего недомыслія, смотрѣть на нихъ, какъ на явленія временныя, ненормальныя, объясняемыя какими-либо переходящими условіями жизни.

Какъ бы, однако, ни было, — остается несомнѣннымъ, что русская прогрессивная интеллигенція, въ отличіе отъ западноевропейской (прошлаго времени, когда народъ еще не выступалъ въ роли активнаго агента исторіи), характеризуется особеннымъ демократизмомъ воззрѣній, большимъ вниманіемъ къ нуждамъ народа и проявляющимся въ ней стремленіемъ отнестись къ народной стихіи, какъ къ основному началу нашего развитія, стремленіемъ искать центръ тяжести или опорную точку развитія не въ привилегированныхъ классахъ, а въ массѣ трудящагося народа.

Это явленіе есть результатъ сложныхъ вліяній: естественное въ развитомъ человѣкѣ чувство состраданія къ угнетенному положенію закрѣпощеннаго народа, проснувшаяся совѣсть въ лицѣ, принадлежащемъ къ привилегированному классу, сознающемъ, что не послѣднюю роль въ этомъ угнетеніи игралъ этотъ именно классъ, и многія другія причины въ совокупности опредѣлили то настроеніе интеллигенціи, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Въ настоящей работѣ мы обратимъ вниманіе не на индивидуально-психологическія, а на соціально-историческія причины этого явленія.

Одна изъ нихъ заключается въ томъ, что русская интеллигенція образовывалась въ такой періодъ исторіи человѣчества, когда абстрактныя положенія общечеловѣческой правды и справедливости могли быть поняты достаточно ясно и не смѣши-

ваемы съ формулами, въ отвлеченномъ выраженіи имѣющими общій характеръ, а фактически представляющими интересы привилегированнаго класса. Въ силу сказаннаго, принимая съ запада просвѣтительныя идеи и освѣщая ими окружающую дѣйствительность, покоющуюся на основѣ крѣпостного права, интеллигенція была почти вынуждена дать этимъ просвѣтительнымъ идеямъ облаченіе въ духѣ интересовъ массы народа.

Вторая причина того же явленія есть слабость нашихъ привилегированныхъ классовъ, какъ самостоятельнаго культурнаго агента, ихъ безсиліе въ качествѣ руководителя общественнаго развитія, неспособность выставить руководящее начало этого развитія, если таковаго нельзя позаимствовать извнѣ, т.-е. отсутствіе въ нихъ соціальнаго творчества и безсиліе въ дѣлѣ проведенія выставленнаго начала въ жизнь. Эта культурная несостоятельность русскихъ привилегированныхъ классовъ объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что цѣнная соціально-политическая идея, объединяющая различныя жизненныя теченія, есть продуктъ столько же самой жизни, сколько и разума. Иначе говоря, прежде чѣмъ получить логическое выраженіе и соотвѣтствующее обоснованіе, эта идея должна уже намѣчаться жизнью, должна чувствоваться лицами, участвующими въ этой жизни, должна пытаться осуществляться въ фактическихъ отношеніяхъ: практическая, соціальная идея сначала намѣчается въ жизни и потомъ уже формулируется интеллигенціей. Успѣхъ подобной идеи, ея быстрое распространеніе и сильное вліяніе на жизнь зависитъ не столько отъ солидности ея логическаго обоснованія, сколько отъ того, что она выясняетъ каждому то, что онъ уже самъ чувствовалъ, чѣмъ онъ безсознательно руководствовался въ жизни: она превращаетъ безсознательную философію даннаго общества въ сознательную. Для того, чтобы интеллигенція могла высказать такую идею, необходимо, чтобы она находилась въ интимнѣйшей связи съ текущею дѣйствительностью, чтобы она сама участвовала въ отношеніяхъ жизни, обнимаемыхъ идеей, чтобы она была признаваема обществомъ, какъ передовая его дружина. При противуположныхъ условіяхъ,—если интеллигенція не составляетъ съ обществомъ одного цѣлаго, если она стоитъ въ сторонѣ отъ развивающихся фактически отношеній, если

массѣ, участвующей въ этихъ отношеніяхъ, она неизвѣстна,— то она или не пойметъ настоящаго момента и неправильно формулируетъ его задачи, или выскажетъ вѣрныя идеи, но онѣ останутся обществомъ неусвоенными и практически почти безплодными. Такимъ образомъ, культурное значеніе интеллигенціи, какъ руководителя страны, обезпечено въ томъ случаѣ, когда она является представителемъ общественнаго класса, составляющаго органическую часть цѣлаго, играющаго въ этомъ цѣломъ самостоятельную и важную роль и способнаго занять фактически руководящее положеніе. Словомъ, интеллигенція, какъ творческій соціальный агентъ, обладаетъ такими силами, какія имѣетъ въ жизни тотъ классъ, къ которому она принадлежитъ. Иначе говоря, прогрессивная роль культурнаго класса какого-либо общества вмѣстѣ съ его интеллигенціей (мало-мальски вліятельную интеллигенцію имѣютъ только культурные классы) опредѣляется тѣмъ, насколько этотъ классъ имѣетъ общественную самостоятельность и каково его значеніе въ фактически развивающихся отношеніяхъ. Если степень самостоятельности его не велика, если его интересы противорѣчатъ прогрессивному теченію жизни, или если въ фактически складывающихся отношеніяхъ, коими памѣчается здоровое зерно будущаго, онъ играетъ не видную роль, — въ такомъ случаѣ этотъ классъ не можетъ сдѣлаться надежнымъ руководителемъ развитія, плоды его соціальной культурной жизни не будутъ обладать достаточной доброкачественностью, проявленія его развитія будутъ возбуждать недовольство, въ обществѣ обнаружатся болѣе или менѣе сознательныя стремленія къ усвоенію другихъ стихійныхъ началъ, стремленія искать болѣе прочную основу для прогрессивнаго развитія въ другихъ классахъ, привлечь къ участію въ культурномъ развитіи эти другіе классы; словомъ, обнаружатся различныя формы тяги къ народу и народному.

Культурный классъ русскаго общества, по своему соціальному составу и по наслѣдію, полученному отъ прошлаго, представляется именно такимъ несамостоятельнымъ, органически маловліятельнымъ общественнымъ элементомъ, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противуположность западно-европейскимъ обществамъ. Западные привилегированные классы имѣли за

собой длинный путь какъ духовнаго, такъ и самостоятельнаго общественнаго развитія, занимали руководящій постъ въ органически совершающейся эволюціи соціальныхъ отношеній, и это дало имъ возможность въ теченіе историческаго процесса выработать положительный психологическій типъ,—нѣкоторыя основныя идеи, которыми опредѣлялось содержаніе формъ духовной и общественной культуры.

Церковь, феодализмъ, буржуазія, это—силы, игравшія въ свое время самостоятельную общественную роль, создавшія опредѣленныя соціальныя отношенія, выработавшія извѣстныя руководящія начала и пріобрѣвшія способность къ руководительству обществомъ въ его историческомъ развитіи. Когда одна сила изпашивалась и начинала утрачивать свое значеніе,—историческій процессъ выдвигалъ ей на смѣну новый классъ, приносившій новыя начала и новыя способности, вслѣдствіе чего интеллигенція находила въ томъ самомъ слоѣ, къ которому принадлежала, все то, въ чемъ она нуждалась для построенія системъ соціальной философіи — теоретическихъ и практическихъ—и не испытывала побужденія искать основаній для своихъ построеній въ чуждомъ ей слоѣ, въ классѣ простого народа. Даже въ то время, когда этотъ классъ, въ лицѣ городского пролетаріата, самъ заявилъ претензію на активное участіе въ общественной жизни, вслѣдствіе чего литература привилегированнаго, буржуазнаго слоя вынуждена была обратить на него особенное вниманіе, эта литература—иначе говоря, интеллигенція страны—не обнаружила потребности искать въ этомъ классѣ соціально-идейной основы для будущаго развитія, такъ какъ сама буржуазія еще не истощила всѣхъ рессурсовъ своего соціальнаго творчества, еще не осуществила всего того, къ чему она была способна. Заявленіе о своихъ правахъ пролетарія вызвало со стороны литературы стремленіе къ изученію этого класса не въ его духовной сущности, а въ отношеніи его экономическаго положенія, въ цѣляхъ улучшенія послѣдняго и возможности обезпеченія прочности существующаго соціальнаго строя. Литература слѣдитъ за рабочимъ классомъ, какъ за новой растущей силой, слѣдитъ за успѣхами его организаціи, за характеромъ его непосредственныхъ практическихъ стремленій; но не

интересуется имъ, какъ представителемъ новой зиждительной идеи, новаго принципа, скрытаго въ его бытовыхъ основахъ, въ его соціально-этическомъ настроеніи. Даже публицисты пролетаріата въ своихъ общественныхъ построеніяхъ исходятъ не изъ положеній, выработанныхъ этимъ классомъ въ его историческомъ развитіи, а изъ общихъ у нихъ съ буржуазіей теоретическихъ посылокъ.

Въ противуположность тому, что было въ Европѣ, главный соціальный элементъ нашего культурнаго общества составляетъ классъ, не имѣвшій въ прошломъ ни экономическаго, ни политическаго самостоятельнаго существованія, не выполнявшій видной и, по условіямъ развитія страны, органически необходимой, экономической или политической, самостоятельной функціи; входившій въ общественно-политическую организацію страны лишь какъ слуга государства, игравшій органически-необходимую роль лишь какъ орудіе власти и развивавшійся подъ огромнымъ вліяніемъ со стороны послѣдней. Въ качествѣ подчиненнаго, служебнаго сословія, этотъ классъ не нуждался въ самостоятельной организаціи, въ самостоятельной, объединяющей его, идеѣ, въ самостоятельной общественной дѣятельности. Онъ не имѣлъ поэтому возможности выработать въ себѣ исторически такія качества духа, и не получилъ такого интеллектуальнаго и этическаго наслѣдства, которыя могли бы служить благопріятной почвой для пышнаго расцвѣта разносторонней духовной культуры; не вынесъ изъ прошлаго ни идей, которыя составили бы первоначальное основаніе и исходную точку возникающаго развитія, ни авторитета, который бы предрасполагалъ страну видѣть въ немъ своего культурнаго представителя. Въ силу сказаннаго, въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ, онъ только отражаетъ чужой свѣтъ; въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ, онъ не занимаетъ руководящаго положенія ни въ фактически развивающихся соціальныхъ отношеніяхъ, ни въ сферѣ сознательно-устанавливаемыхъ политическихъ. Онъ крѣпко держался за свои привилегіи въ то время, какъ жизнь и наука вели къ ихъ упраздненію; а потерявъ однѣ привилегіи, онъ не подумалъ о томъ, чтобы обезпечить свое благосостояніе путемъ занятія въ органически развивающихся порядкахъ новаго

экономическаго строя руководящаго поста, что̀ обезпечило бы ему вмѣстѣ съ тѣмъ и руководящее культурно-соціальное положеніе; вмѣсто этого онъ стремился, вопреки общему направленію жизни, пріобрѣсти новыя привилегіи, стать въ новую зависимость отъ внѣшней силы. Въ прошломъ его интимнѣйшія влеченія стояли въ противорѣчіи съ духомъ принимавшагося имъ просвѣщенія, почему онъ и не былъ въ состояніи на почвѣ этого послѣдняго создать самостоятельную высокую культуру, могущую быть признанной за культуру цѣлой страны; не былъ въ состояніи сдѣлаться настоящимъ представителемъ прогрессивныхъ потребностей своего времени. Оттого-то средній русскій культурный человѣкъ, насколько онъ, дѣйствительно, пріобщается къ просвѣщенію, носитъ такъ мало оригинальныхъ чертъ и такъ много заимствовалъ извнѣ; оттого же и мыслящія или чуткія лица изъ интеллигенціи скоро сознали или почувствовали недостаточность соціальной основы возникавшей русской культуры и въ той или другой формѣ обращали свои взоры на народную стихію.

Весьма интересно было бы прослѣдить историческое развитіе въ русскомъ обществѣ идеи „народа“ и „народнаго“. Не обладая достаточными для этого свѣдѣніями, мы ограничимся приведеніемъ въ послѣдней главѣ мнѣній выдающихся русскихъ дѣятелей о нашемъ привилегированномъ классѣ, какъ активномъ соціально-культурномъ агентѣ. Теперь же остановимся нѣсколько на первой изъ вышеуказанныхъ причинъ различія исторіи русской общественной мысли отъ исторіи мысли западноевропейской.

II.

Давно уже замѣчено, что массамъ народа въ давнопрошедшемъ рисуется золотой вѣкъ, и новѣйшія соціологическія изслѣдованія подтверждаютъ мысль, что такое преданіе не можетъ считаться совершенно неосновательнымъ. Пытаясь воспроизвести по даннымъ археологіи тотъ общественный строй, какой существовалъ на зарѣ исторіи и наблюдая многія первобытныя общества, до сихъ поръ не вступившія въ историческій періодъ

своего существованія, наука дѣйствительно готова признать, что исходной точкой длиннаго пути, пройденнаго человѣчествомъ, были формы общежитія, обезпечивающія индивиду тѣ условія существованія, какихъ онъ тщетно добивается въ настоящее время—экономическое равенство и свободу, —отчего и личныя отношенія членовъ общества отличались большею доброжелательностью, а средній индивидъ тогда (въ границахъ своего общаго развитія) нравственно былъ чище, нежели въ настоящее время. Если признать такое заключеніе имѣющимъ долю истины [1]), то слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться, что, по основнымъ свойствамъ своей природы, человѣкъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ-бы пройти историческій путь, не отказываясь отъ основныхъ чертъ первобытнаго строя, покоящагося на началахъ равенства и свободы, а развивая и совершенствуя ихъ дальше. Сказанное служитъ оправданіемъ того факта, что направленіе, принятое исторіей человѣчества въ дѣйствительности, многими считается болѣзненнымъ [2]), и врядъ-ли можно сомнѣваться, что

---

[1]) Факты, подтверждающіе высказанное заключеніе относительно характера первобытныхъ формъ общежитія, можно найти въ любомъ сочиненіи, посвященномъ вопросу о начальныхъ ступеняхъ исторіи человѣчества. Изъ новѣйшихъ работъ по этому предмету укажемъ на статью („Сѣверн. Вѣстн.“ 1890 г., № 9). Каутскаго: „Общественные инстинкты у людей“ и „Основы народничества“ г. Юзова, часть II. По существу же вопроса сошлемся на заявленіе Уалласа о поученіи, извлеченномъ имъ изъ наблюденія нецивилизованныхъ народовъ, заключающемся въ томъ, что хотя цивилизованное человѣчество далеко опередило дикарей въ отношеніи умственнаго развитія, но въ нравственномъ отношеніи оно, по крайней мѣрѣ въ лицѣ низшихъ классовъ, во многомъ имъ уступаетъ. „Я жилъ,—говоритъ онъ—въ обществахъ дикарей Ю. Америки и на Востокѣ, у которыхъ не было другого закона или суда, кромѣ свободно выраженнаго общественнаго мнѣнія деревни. Каждый отдѣльный человѣкъ вполнѣ уважаетъ права своего собрата, и посягательства на эти права встрѣчаются рѣдко или даже никогда. Въ такомъ обществѣ всѣ приблизительно равны“. (Малайскій архипелагъ, с. 620).

[2]) Въ виду заявленнаго нѣкоторыми критиками недоумѣнія относительно квалификаціи направленія историческаго процесса, какъ ненормальнаго, мы считаемъ не лишнимъ въ доказательство того, что это не наше единоличное мнѣніе — сослаться на проф. Карѣева, говорящаго, напр., слѣдующее: „Подобно тому, какъ въ біологіи признается существованіе здороваго и больного состоянія организма, такъ и въ общест-

такой взглядъ не менѣе основателенъ, чѣмъ причисленіе къ области патологіи акта рожденія человѣка, несмотря на всю біологическую его естественность, принимаемаго однако всѣми, какъ явленіе, могущее окончиться такъ же фатально, какъ и тифъ или другая болѣзнь и требующее соотвѣтствующихъ мѣръ ухода и помощи.

Обращаясь же къ той чертѣ историческаго развитія общества, которая даетъ право считать его явленіемъ ненормальнымъ, не вытекающимъ неизбѣжно изъ положительныхъ свойствъ человѣческой природы, а многимъ обязаннымъ внѣшнимъ условіямъ, причисляя къ таковымъ и столкновенія чуждыхъ другъ другу національностей—мы найдемъ ее въ расчлененіи прежде болѣе или менѣе однородной массы членовъ общества на два слоя. Одинъ изъ нихъ, состоящій изъ сравнительно небольшой группы лицъ, сдѣлался активнымъ агентомъ исторіи, сосредоточилъ въ себѣ на много вѣковъ главнѣйшія прогрессивныя вліянія и получилъ возможность направлять исторію по желательному для него руслу. Другой, въ составъ котораго вошло огромное большинство населенія, спустился до положенія простого механизма, назначеннаго создавать матеріальныя условія, обезпечивающія меньшинству возможность безпрепятственно совершать различные соціологическіе эксперименты, равно какъ и накоплять тотъ запасъ прогрессивной энергіи, который нѣкогда служилъ къ закрѣпленію отношеній, вытекшихъ изъ указаннаго нами первопачальнаго диференцированія общества, а впослѣдствіи сыграетъ обратную роль и поможетъ человѣчеству достигнуть со-

---

венной наукѣ слѣдуетъ изучаемыя явленія раздѣлить на здоровыя и болѣзненныя, называя первымъ именемъ тѣ, которыя удовлетворяютъ потребностямъ человѣка и благопріятствуютъ свободному проявленію его силъ, и причисляя ко вторымъ такія, которыя искажаютъ и сковываютъ это проявленіе, оставлял человѣка неудовлетвореннымъ и задерживал его развитіе". (Основн. начала философіи исторіи, т. I, ст. 244). Здѣсь только заявляется о необходимости подраздѣленія общественныхъ явленій на здоровыя и болѣзненныя; что же касается вопроса относительно причисленія къ той или другой категоріи явленій историческаго прошлаго, нашъ авторъ говоритъ слѣдующее: „Чѣмъ болѣе прогрессируетъ человѣчество, тѣмъ болѣе оно сознаетъ, какой ходъ исторіи былъ бы нормальнымъ". (id. т. II, с. 250).

стоянія, напоминающаго золотой вѣкъ, рисующійся массѣ народа не впереди, а назади.

Но если таковы вѣроятные окончательные результаты историческаго развитія человѣчества, то въ теченіе самаго процесса исторіи направленіе, принятое ею и описанное выше, приводило многіе народы къ застою, къ невозможности дальнѣйшаго движенія впередъ. „Такъ какъ всякое историческое движеніе основано на личной иниціативѣ, говоритъ проф. Карѣевъ, результаты коей дѣлаются сначала достояніемъ нѣкоторыхъ, прежде чѣмъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ, то прогрессируетъ обыкновенно меньшинство, и если большинство продолжаетъ коснѣть въ первобытномъ состояніи, обездоленное въ политическомъ, юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, то между дѣтьми прогресса, и его пасынками постепенно въ силу самаго прогресса образуется пропасть, раздѣляющая единое общество какъ бы на двѣ культурныя группы и двѣ особыя организаціи, вслѣдствіе чего психическая связь между отдѣльными частями общества ослабѣваетъ, т.-е. умепьшается взаимное пониманіе одними другихъ и нарушается всеобщая солидарность. Разъ масса болѣе не понимаетъ культурнаго класса, тяготится привиллегіями меньшинства; разъ духовный прогрессъ одной части общества не сопровождается прогрессомъ соціальнымъ, открывающимъ для всѣхъ дорогу къ развитію, — все, что выработало меньшинство, дѣлается крайне непрочнымъ. Масса, составляющая матеріальную силу общества, не только теряетъ основаніе поддерживать меньшинство, отъ нея изолированное или ее угнетающее, но даже становится въ невозможность это дѣлать: обѣдпѣніе ея отъ эксплоатаціи отражается на томъ, что ея трудами можетъ поддерживаться все меньшій и меньшій культурной слой, который все менѣе и менѣе получаетъ отъ массы средствъ и все больше и больше долженъ отказываться отъ прогрессивной дѣятельности. Культурный слой, т.-е. уровень его развитія, понижается, а большинство, не прогрессировавшее долгое время, оказывается неспособнымъ само поддерживать болѣе высокую степень культуры, выработанной для себя меньшинствомъ. Общій результатъ — паденіе цивилизаціи, регрессъ,

и такое именно явленіе мы наблюдаемъ въ концѣ исторіи античнаго міра“ [1]).

Европа, однако, успѣла болѣе или менѣе благополучно обойти опасности, лежащія на пути развитія общества путемъ дифференцированія его на два слоя, противоположные по своимъ интересамъ и по участію въ плодахъ цивилизаціи, и повидимому приближается къ тому моменту, когда въ этомъ дифференцированіи не будетъ представляться надобности. Но это—удѣлъ будущаго. Что же касается прошедшаго,—то, какъ мы сказали, прогрессивное развитіе общества приняло частичный, такъ сказать, характеръ. Представителемъ цивилизаціи сдѣлалась лишь часть общества, которая пользовалась и львиною долею ея благъ. Участіе въ этихъ благахъ другой части населенія было лишь побочнымъ и потому болѣе или менѣе случайнымъ результатомъ главнаго движенія, имѣющаго въ виду интересы верхнихъ слоевъ общества. Прогрессъ общественной организаціи принялъ характеръ приспособленія послѣдней къ удовлетворенію потребностей меньшинства. Въ экономической области онъ выразился громаднымъ развитіемъ производительности труда на почвѣ разобщенія трудящагося со средствами производства и концентраціи послѣднихъ въ немногихъ рукахъ, которыя тѣмъ самымъ дѣлались и обладателемъ продуктовъ этой развившейся производительности. При этомъ организація новаго промышленнаго строя совершенно игнорировала интересы рабочаго, какъ человѣка; она преслѣдовала исключительно ростъ производительности — элемента, желательнаго прежде всего для группы лицъ, руководившихъ какъ экономическою жизнью страны, такъ и всей ея исторіей—и къ работающему относилась лишь какъ къ части механизма, обезпечивающаго достиженіе названной цѣли. Производительность труда требовала его раздѣленія,—и послѣднее сдѣлалось основнымъ началомъ новой системы, безъ вниманія къ тому обстоятельству, что выросшая на немъ сложная организація производства вела къ съуженію дѣятельности индивида, къ односторонности его развитія и основанной на этомъ деградаціи человѣческаго типа. Успѣшность труда тре-

---

[1]) Основные вопросы философіи исторіи, т. II, с. 247.

бовала примѣненіе машинъ и механическихъ двигателей, — и вотъ трудящійся теряетъ всякую самостоятельность въ производствѣ, всѣ операціи котораго совершаются по мановенію мертваго механизма, а живой человѣкъ превращается въ придатокъ послѣдняго; сфера его дѣятельности съуживается еще болѣе, опасность деградаціи типа значительно усиливается. Введеніе машинъ сдѣлало возможнымъ примѣненіе дешеваго труда женщинъ и дѣтей,—и новая система въ широкихъ размѣрахъ воспользовалась этою возможностью, игнорируя то обстоятельство, что смыслъ дѣтской жизни заключается не въ неустанной работѣ въ душной атмосферѣ фабрики, а въ развитіи организма и образованіи ума и характера подъ присмотромъ и руководствомъ любящей матери. Матеріальныя выгоды производства требовали экономіи во времени, постройкахъ и другихъ условіяхъ промышленной дѣятельности, — и ради этого массы народа скучиваются на ограниченной площади немногихъ городовъ, а въ нихъ тысячи рабочихъ запираются въ тѣсномъ зданіи, безъ вниманія къ тому громадному вреду, какой наносится человѣку лишеніемъ его чистаго воздуха и помѣщеніемъ въ столь негигіеническую обстановку.

Въ сферѣ управленія выработался особый типъ, отвѣчающій цѣли обезпеченія меньшинству возможнаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Это—типъ централизованнаго государства съ громадными средствами приведенія въ исполненіе задумываемыхъ предначертаній, съ небольшой группой лицъ, располагающей этими средствами, и тщательно выработанными способами, связывающими дѣятельность этихъ лицъ съ цѣлями и задачами активнаго меньшинства—бюрократіей, печатью и представительными учрежденіями. Наконецъ, организація образованія, при которой послѣднее становилось доступнымъ только лицамъ привиллегированнымъ и немногимъ исключительнымъ индивидамъ изъ народа, вступавшимъ черезъ него на запретную землю избранниковъ исторіи, вмѣстѣ съ цѣлесообразной организаціей научныхъ изслѣдованій, обезпечивали меньшинству неустанное движеніе впередъ по пути прогресса и укрѣпляли его позицію поддержкой наиспособнѣйшими лицами изъ народа, ко-

торымъ открывался доступъ наверхъ и помогалось стать въ ряды ликующихъ.

Нарисованная картина общаго плана прогресса выражаетъ одну, виднѣйшую сторону движенія; но въ исторіи наблюдается и другое теченіе. Хотя прогрессивная энергія зарождается и первоначально накопляется, какъ мы видѣли, въ небольшой сравнительно группѣ лицъ, но затѣмъ она разрываетъ старыя рамки и распространяется уже въ массѣ населенія. Неизбѣжность такого исхода, — независимо отъ болѣе или менѣе случайнаго проникновенія прогрессивныхъ идей въ массу, равно какъ и роста сознанія послѣдней подъ вліяніемъ перемѣнъ, совершающихся въ общественныхъ формахъ — обезпечивается тѣмъ, что человѣкъ,—къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ—есть въ то-же время мыслящее и нравственно-чувствующее существо и, какъ таковое, не можетъ ограничиться удовлетвореніемъ своихъ личныхъ потребностей, а стремится отнестись къ окружающему съ гораздо болѣе широкой точки зрѣнія достоинства и интересовъ человѣка вообще.

На первоначальныхъ ступеняхъ исторіи, когда человѣчество жило еще на половину зоологически, и подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій (недостатокъ средствъ существованія, вооруженныя столкновенія народовъ) зарождалось и укрѣплялось указанное выше диференцированіе общества на два слоя; въ теченіе того, болѣе или менѣе длиннаго и тягостнаго періода развитія, когда происходила перестройка общества на этотъ новый ладъ, причемъ это сопровождалось обыкновенно жестокой борьбой внутри и внѣ,—вся прогрессивная энергія, съ развитіемъ знаній накоплявшаяся въ средѣ меньшинства, тратилась на борьбу и вырабатываніе формъ жизни и міросозерцанія, соотвѣтствующихъ новому общественному укладу, а впослѣдствіи— когда борьба нѣсколько затихла, черная работа первоначальнаго устроительства закончилась,—прогрессивная энергія направилась главнымъ образомъ на развитіе науки, промышленности и торговли, обѣщающихъ такое широкое удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ потребностей привиллегированнаго меньшинства.

Указанное направленіе прогрессивной мысли въ интересахъ привиллегировоннаго меньшинства, какъ намъ извѣстно, было

естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развившагося дифференцированія общества, въ совокупности съ низкою степенью интеллектуальнаго развитія человѣчества. Такъ какъ за неразработанностью этико-соціальныхъ знаній невозможно было и объективно-научное обоснованіе какихъ бы то ни было соціально-этическихъ системъ,—въ томъ числѣ и системъ, построенныхъ на признаніи естественнаго равенства правъ и одинаковаго человѣческаго достоинства за всѣми людьми, противорѣчащихъ всему тому, что получало господство въ сферѣ дѣйствительныхъ отношеній,—то направленіе теоретической мысли интеллигенціи по необходимости стало опредѣляться субъективнымъ настроеніемъ послѣдней, которое и доставляло посылки для построенія логически-правильнаго міросозерцанія, взамѣнъ отсутствующихъ данныхъ объективнаго характера. Это субъективное настроеніе интеллигенціи опредѣлялось принадлежностью ея къ привилегированному классу, которою же обусловливалось и содержаніе ея интересовъ въ цѣпи взаимно-связанныхъ интересовъ всѣхъ классовъ общества, и элементарныя соціально-этическія представленія, получаемыя ею отъ окружающаго общества и, такъ сказать, всасываемыя съ молокомъ матери. Тѣмъ же соціальнымъ положеніемъ интеллигенціи до извѣстной степени предопредѣлялся и объективный соціологическій матеріалъ для ея логическихъ построеній: наблюденію интеллигенціи были доступнѣе тѣ явленія общественной жизни, въ которыхъ непосредственно участвовали привиллегированные классы и которыя были результатомъ ихъ направляющей роли; внѣ же границъ ея яснаго зрѣнія остались по преимуществу явленія, рисующія положительное содержаніе жизни массы и отраженіе на ея благополучіи экспериментовъ, производимыхъ сверху.

Но вотъ грубая внѣшняя и внутренняя борьба обществъ понемногу затихаетъ, война не отвлекаетъ уже такую массу физической, нравственной и умственной энергіи націй; послѣднія по своимъ наклонностямъ становятся миролюбивѣе; развитіе промышленной техники доставило меньшинству больше досуга; научное изслѣдованіе установило основныя начала естествознанія и достаточно воспитало критическую способность мысли. И эта-то мысль, — освобождавшаяся отъ первоначальной грубой ра-

боты, обострившался на почвѣ научнаго изслѣдованія и успѣвшая добыть нѣкоторыя этико-соціальныя истины, — обратилась къ болѣе систематическому изслѣдованію общественныхъ отношеній, которое могла уже производить съ болѣе широкой точки зрѣнія, въ которое могла внести больше общечеловѣческаго,— а не только сословнаго — идейнаго содержанія. Разъ вступивъ на этотъ путь, человѣческая мысль уже не остановится, пока не произнесетъ окончательнаго суда надъ прошедшимъ и настоящимъ, пока не откроетъ всѣ язвы общества и не отыщетъ средствъ ихъ исцѣленія. Такой ходъ развитія общественной мысли значительно облегчался тѣмъ фактомъ, что соціальный составъ привиллегированнаго класса не оставался неизмѣннымъ, а расширялся включеніемъ въ его ряды новыхъ наслоеній; въ частности облегчился образованіемъ такъ назыв. третьяго сословія — класса, выдѣлившагося изъ низшаго слоя, стремившагося вверхъ, считавшаго за собой всѣ права на привиллегированное положеніе, но недопускавшагося занять это мѣсто и принужденнаго бороться за него не только оружіемъ, но и логикой, что вело къ необходимости защищать свои претензіи ссылкой на общія начала правды и справедливости. Процессъ этой борьбы классовъ, стоящихъ внѣ массы, значительно усилилъ то критическое направленіе общественной мысли, которое служитъ исходной точкой новѣйшихъ движеній уже въ низшихъ слояхъ общества, хотя само третье сословіе, добившись привиллегированнаго положенія, перемѣнило фронтъ.

Принявъ во вниманіе, что за третьимъ сословіемъ эволюція западно-европейской жизни въ число активныхъ агентовъ исторіи выдвинула четвертое, принадлежащее уже къ большинству населенія, мы до извѣстной степени уяснимъ себѣ, какимъ путемъ западно-европейскія общества пришли къ современному положенію, характеристической чертой котораго является стремленіе уничтожить диференцированіе, лежащее въ основѣ общества и опредѣлившее тотъ, а не другой ходъ его исторіи.

Россія развивалась нѣсколько отлично или по крайней мѣрѣ не параллельно съ Западомъ. Борьба съ кочевыми полчищами Азіи затянулась у насъ надолго и замедлила всѣ процессы эволюціи внутреннихъ отношеній, давно совершенные на Западѣ.

Результатомъ сказаннаго было то, что когда русскіе вступили въ болѣе интимныя связи съ Европой, они увидали тамъ осуществившимся многое изъ того, что стояло на очереди въ Россіи, и могли воспользоваться чужой богатой культурой. Именно такимъ образомъ они поступили съ наукой. Главнѣйшимъ насадителемъ ея на русской почвѣ сдѣлалось правительство. Чувствуя потребность въ наукѣ изъ-за ея техническихъ приложеній и понимая невыгоду зависимости въ этомъ отношеніи отъ иностранцевъ, наше правительство энергично принялось за насажденіе знаній внутри страны. Какъ извѣстно, это водвореніе западной науки на русскую почву первоначально совершалось путемъ насилія: нашъ помѣстный классъ не понималъ того оружія въ борьбѣ за существованіе, какое онъ пріобрѣталъ въ знаніи, и всѣми средствами увертывался отъ школы.

Наука въ Россіи водворялась, давала непосредственные практическіе результаты, изъ-за которыхъ она и переносилась на нашу почву; но вмѣстѣ съ тѣмъ проявила и то вліяніе, которое обезпечиваетъ ей всесвѣтную прогрессивную роль — воспитывала способность къ критикѣ, развивала творческую силу мысли. Она дала даже больше — готовую критику нашихъ общественныхъ формъ.

Россія, какъ мы сказали, училась у государствъ, отъ которыхъ она очень отстала въ своемъ развитіи. Поэтому, она тамъ встрѣтила не только науку въ узкомъ смыслѣ слова, за которой собственно и отправилась въ Европу, но и идеи, критикующія общественныя формы, пользовавшіяся у насъ общепризнаннымъ авторитетомъ. Изъ нихъ на первомъ планѣ стояло крѣпостное право — институтъ, въ цѣлесообразности котораго уже стало сомнѣваться правительство. Казалось-бы, распространеніе критическихъ идей въ обществѣ должно было приниматься, какъ желательное явленіе, такъ какъ во 1-хъ, ими прежде всего подрывался авторитетъ крѣпостного права, учрежденія, въ концѣ XVIII вѣка и въ XIX вѣкѣ выгоднаго не для государства, а лишь для одного слоя страны, и во 2-хъ, критическія идеи, какъ-бы широко онѣ ни распространялись, не выходили все-таки за предѣлы привилегированныхъ классовъ (по преимуществу дворянства), а такъ какъ онѣ главнымъ образомъ подрывали осно-

вапія, на которыхъ покоилось благополучіе этихъ послѣднихъ, то, очевидно, что особенно широкаго распространенія въ странѣ онѣ получить не могли, сдѣлаться лозунгомъ какой-либо общественной силы, способной вступить въ серьезную борьбу, было для нихъ немыслимо. Оставалось ихъ истинно просвѣтительное вліяніе, т.-е. критика существующаго не съ точки зрѣнія узкаго интереса одного сословія, а съ высоты понятія о благѣ народа, пользѣ страны и т. п. Еслибы власть была представителемъ привилегированныхъ классовъ, выросла изъ послѣднихъ и въ нихъ почерпала свою силу, въ такомъ случаѣ критика сословныхъ привилегій была бы небезопасна и для правительства. Но такъ какъ послѣднее возникло въ Россіи самостоятельно, привилегированные классы были созданы и поддерживаемы властью, какъ ея орудіе, имѣли силу и значеніе лишь настолько, насколько это допускалось правительствомъ и, — не играя самостоятельной, необходимой для страны, экономической или политической роли,— могли лишиться привилегированнаго положенія по одному мановенію руки послѣдняго, то очевидно, что критика общественныхъ формъ, направлявшаяся главнымъ образомъ на привилегіи дворянскаго сословія и распространявшаяся по преимуществу въ средѣ этого же класса, могла быть только полезна власти, указывая черты организаціи, выгодныя одному слою, но вредныя для страны и государства, разъясняя устарѣлость существующихъ формъ и необходимость замѣны ихъ новыми, лучше удовлетворяющими цѣлямъ, преслѣдуемымъ правительствомъ, какъ представителемъ безсословной государственной идеи. Вѣрность высказаннаго соображенія подтверждается тѣмъ фактомъ, что многіе изъ правителей сами возбуждали прогрессивное движеніе въ обществѣ, сами заботились о распространеніи идей, которыя позже считались опасными. Онѣ дѣйствительно были опасны, но не для власти, а для устарѣлыхъ учрежденій, которыя впослѣдствіи и были уничтожены соединенными силами правительства и интеллигенціи. Однако, этотъ, самый естественный для Россіи, союзъ двухъ великихъ факторовъ общественной эволюціи поддерживался не непрерывно, и власть нерѣдко выказывала недовѣріе къ развитію общественнаго самосознанія.

Итакъ, въ дѣлѣ нашего умственнаго развитія мы видимъ

сложное вліяніе Европы. Мы получили оттуда во 1-хъ, науку въ узкомъ смыслѣ слова, научившую насъ критикѣ и систематическому мышленію, которыя мы стали затѣмъ прилагать къ оцѣнкѣ общественныхъ формъ нашей жизни; во 2-хъ, широкія абстрактныя гуманныя и освободительныя идеи, и въ 3-хъ, конкретное міросозерцаніе, построенное въ періодъ возвышенія буржуазіи, далеко переросшее міросозерцаніе, соотвѣтствующее господствующему въ Россіи общественному строю и относившееся къ послѣднему отрицательно. По отношенію къ первому — нашему образованію оставалось только по мѣрѣ силъ усвоивать плоды работы западной мысли; что же касается второго и третьяго— наше отношеніе къ нимъ въ значительной степени отличалось отъ отношенія европейской интеллигенціи.

Развитіе прогрессивныхъ идей на Западѣ съ одной стороны совершалось постепеннымъ логическимъ процессомъ мысли, съ другой—шло параллельно и находилось въ извѣстной зависимости отъ развивающихся общественныхъ отношеній. Это взаимодѣйствіе идей и фактовъ отразилось на тѣхъ и другихъ: оно въ значительной степени опредѣляло самое содержаніе прогрессивныхъ идей и въ то же время давало нравственную и интеллектуальную санкцію растущимъ соціально-бытовымъ отношеніямъ, вслѣдствіе чего европейскія общества выработали извѣстныя традиціи, за которыми есть почтенное прошлое, которыя поэтому остаются дороги обществу, хотя бы уже и переставали соотвѣтствовать новымъ запросамъ жизни и удовлетворять новому понятію истины и справедливости. Результаты прогрессивной работы мысли принимали въ теоріи форму абсолютныхъ положеній, которыми отрицалась существующая жизненная неправда. Въ извѣстныхъ областяхъ жизни націи (въ области философско-религіозной) эти абсолютныя положенія оказывали свое вліяніе непосредственно, не теряя при этомъ своей теоретической широты и чистоты, насколько это было возможно при наличности того или другого уровня интеллектуальнаго развитія общества. Въ другихъ областяхъ (главнымъ образомъ соціально-политической), преломлялись въ призмѣ практическихъ интересовъ передового класса, онѣ принимали форму, въ которой оказывались представляющими интересы этого послѣдняго, опираясь и въ свою очередь поддерживая ту соціальную

организацію, которая естественнымъ эволюціоннымъ путемъ выростала изъ существующаго и шла на смѣну отживающаго, но еще не получила господства, еще находилась въ полууугнетенномъ состояніи. Эта новая организація потому и выростала рядомъ съ существующими, что она соотвѣтствовала новымъ условіямъ времени; она поэтому являлась новой общественной силой, способной съ честью бороться за новую прогрессивную идею, если найдется возможность связать съ нею свои интересы; являлась силой, жаждущей найти себѣ въ этой идеѣ нравственно-интеллектуальную санкцію. Такимъ образомъ, соціальныя прогрессивныя идеи въ своемъ историческомъ развитіи принимали послѣдовательно форму, подъ которой онѣ могли служить знаменемъ для борьбы монархіи съ феодализмомъ или съ церковью, третьяго сословія съ двумя другими и монархіей, и, наконецъ, въ новѣйшее время подъ ихъ знаменами начинается борьба четвертаго сословія съ буржуазіей. Идеи, служащія выраженіемъ общечеловѣческой правды и справедливости, идеи, по сущности освободительныя, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова,—въ томъ историческомъ облаченіи, въ какомъ онѣ получали господство въ Западной Европѣ,— выражали правду и справедливость относительныя, служили непосредственно и главнымъ образомъ для освобожденія и возвышенія отдѣльныхъ классовъ, отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ, послѣдовательно выступавшихъ въ роли активныхъ агентовъ всемірной исторіи и такъ сказать перехватывавшихъ абстрактную общечеловѣческую идею на ея пути къ конкретному выраженію и облачавшихъ ее въ классовую одежду. Истинный же смыслъ идеи, ея общенародное значеніе оставалось за ней въ отвлеченіи и не получало въ полной мѣрѣ практическаго осуществленія. Послѣднее могло бы имѣть мѣсто лишь въ случаѣ, еслибы активнымъ агентомъ исторіи сдѣлалась народная масса въ цѣломъ.

Такъ какъ это послѣднее явленіе еще не наступило, то очевидно, что формы соціальнаго и преимущественнаго экономическаго быта, выработанныя Европой, не могутъ служить образцами при преобразованіи какой-либо страны, преслѣдующемъ благо трудящейся массы. Не могутъ потому быть приняты за руководящія и господствующія на Западѣ соціальныя теоріи,

такъ сказать, оправдывающія и обосновывающія извѣстныя конкретныя формы, осуществившіяся или намѣчаемыя жизнью. И наша дореформенная прогрессивная интеллигенція съумѣла оцѣнить эти теоріи, отличить въ нихъ плевела отъ пшеницы.

Какъ только просвѣщеніе нѣсколько окрѣпло на русской почвѣ, и интеллигенція выдѣлилась въ самостоятельный общественный слой, она сейчасъ же стала въ противорѣчіе съ нѣкоторыми существующими формами не во имя интересовъ какого-либо привиллегированнаго меньшинства, а во имя идей правды и гуманности. Такимъ образомъ, просвѣщеніе не дало привиллегированнымъ классамъ готовой системы міросозерцанія, достаточно авторитетной для того, чтобы обновить падающіе устои ихъ привиллегій; оно было почти свободно отъ обвиненія въ союзѣ съ противонародными элементами; наша интеллигенція уже вскорѣ послѣ своего образованія отличалась,—въ границахъ, конечно, своего общаго умственнаго развитія,—широтою, а не узостью (сословной) воззрѣній. Названное обстоятельство въ значительной степени обязано своимъ существованіемъ большой отсталости Россіи сравнительно съ Западомъ. Будь мы нѣсколько впереди, еслибы крѣпостное право было уничтожено сотнею лѣтъ раньше,—наше заимствованіе западныхъ идей, совершавшееся въ періодъ развитія въ Европѣ буржуазіи и соотвѣтствующихъ ей общественныхъ формъ жизни, выразилось бы усвоеніемъ нетолько общихъ гуманныхъ принциповъ, но и въ особенности того конкретнаго міросозерцанія, которое въ своихъ интересахъ построила на нихъ буржуазія. Это—потому что, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, въ Россіи открылась бы возможность развитія того промышленнаго строя, какой торжествовалъ на Западѣ и занималъ свои позиціи подъ знаменемъ просвѣщенія и свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта возможность дала бы практическіе результаты, у насъ возникъ бы капитализмъ съ его очаровывающимъ, внѣшнимъ блескомъ; просвѣтительныя идеи явились бы къ намъ въ той буржуазной оболочкѣ, въ какой онѣ торжествовали въ Европѣ..., и русская интеллигенція, разбивъ однѣ цѣпи народнаго рабства, занятнала бы себя наложеніемъ на народъ другихъ.

Но когда, ознакомившись съ просвѣтительными идеями За-

пада, мы обращали свои взоры внутрь страны и здѣсь встрѣчали такую язву, какъ рабство милліоновъ народа, лежащее на пути всякаго преуспѣянія,—неудивительно, если всѣ практическіе принципы, воодушевлявшіе западныхъ прогрессистовъ—въ родѣ роста производительности труда, laissez faire — laissez aller, даже политической свободы (только разъ и то подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ выкинутой на знамени нашей интеллигенціи)—помрачались передъ громаднымъ зломъ земли русской, и наша интеллигенція, не останавливаясь долго на конкретныхъ формахъ западнаго либерализма, неимѣвшихъ для Россіи практическаго значенія и потому не особенно обаятельныхъ, принимала съ Запада главнымъ образомъ чистыя идеи гуманизма и свободы [1]).

И такъ, благодаря тому обстоятельству, что развитіе прогрессивныхъ идей въ русскомъ обществѣ началось въ такое время, когда у насъ царили крѣпостные порядки, русская интеллигенція не могла заимствовать съ Запада идеи въ той оболочкѣ, въ какой онѣ оказывались наиболѣе соотвѣтствующими интересамъ господствовавшаго тамъ буржуазнаго класса, хотя въ этой именно формѣ онѣ пользовались наибольшимъ распространеніемъ въ Европѣ. Еще менѣе она могла дать этимъ идеямъ облаченіе въ интересахъ господствовавшаго у себя сословія, такъ какъ основные принципы соотвѣтствующаго строя уже давно были лишены авторитета, какимъ они пользовались въ средніе вѣка, и находились въ непримиримомъ противорѣчіи съ элементарными положеніями соціальной этики. Такимъ образомъ, наша интеллигенція могла принимать съ Запада прогрессивныя идеи во всей ихъ общечеловѣческой чистотѣ, а, переводя въ практическія формулы, могла дать имъ выраженіе, обнимающее всю массу народа, а не какой-либо привиллегированный и полупривиллегированный классъ. Она не только могла, но и должна была поступать такимъ образомъ.

---

[1]) Это не значитъ, что формы западнаго политическаго строя были для русской интеллигенціи совершенно безразличны; но то или иное отношеніе къ нимъ составляло содержаніе теоретическаго міросозерцанія и въ большинствѣ случаевъ не оказывало большого вліянія на развитіе практической общественной мысли.

Выйдя изъ привиллегированнаго класса, соціальныя начала котораго безповоротно осуждены исторіей, не имѣя передъ собой другого слоя,—въ процессѣ исторіи Запада смѣнившаго собой феодаловъ,—который можно было бы принять за творческій элементъ, несущій на смѣну крѣпостнымъ порядкамъ новый, буржуазный укладъ; сознавая, что и четвертое, городское рабочее сословіе, только что поднимавшее голову на Западѣ, въ Россіи находится въ зачаточномъ состояніи, — наша интеллигенція, усвоивъ общія просвѣтительныя идеи Запада и приступивъ къ переработкѣ отвлеченныхъ началъ въ конкретныя формулы, увидала отсутствіе въ русской жизни тѣхъ соціальныхъ элементовъ, тѣхъ общественныхъ силъ, которыя послѣдовательно, одна за другой поднимали знамя прогресса въ Западной Европѣ, основныя начала которыхъ служили для построенія формулъ, выражающихъ главнѣйшіе результаты работы прогрессивной общественной мысли. Единственный слой, какой она видѣла передъ собой живымъ и сильнымъ, по крайней мѣрѣ въ возможности, была народная трудящаяся масса, и если только интеллигенція не отворачивалась отъ самостоятельной переработки общечеловѣческихъ идей правды и справедливости, если она хотѣла думать о свѣтломъ соціальномъ будущемъ Россіи, она не только *могла*, но и *должна* была въ своемъ соціальномъ міросозерцаніи дать первое мѣсто народу и его интересамъ. Этимъ нашей интеллигенціи гарантировалась неуклонность приложенія къ оцѣнкѣ различныхъ формулъ и идей точки зрѣнія общаго блага, чистой истины; обезпечивалась способность за красивыми вывѣсками разсмотрѣть скрывающійся узкій сословный интересъ; гарантировалось преобладаніе въ ея міросозерцаніи чистыхъ идей правды и справедливости.

Лишь впослѣдствіи, когда крѣпостное право рухнуло, очистивъ почву для возникновенія капиталистическихъ отношеній, русская передовая интеллигенція, до того времени отличавшаяся чистотою своихъ воззрѣній, разбилась на два главныхъ теченія (со многими промежуточными): одно продолжало поддерживать и развивать основныя гуманныя воззрѣнія западной мысли, отстраняясь отъ тѣхъ конкретныхъ формъ, какія построила на нихъ буржуазія и пытаясь взамѣнъ ихъ поставить новыя, удовлетво-

ряющія требованіямъ общенародныхъ интересовъ; другое обнаруживаетъ стремленіе принимать западныя идеи въ той оболочкѣ, въ какой онѣ фигурируютъ въ Европѣ и какая явилась результатомъ господства привиллегированной буржуазіи, умѣряемаго въ послѣднее время возвышеніемъ новой общественно-политической силы—городского пролетаріата.

III.

До 1861 года главнѣйшимъ, можно сказать, всепоглощающимъ практическимъ направленіемъ русской прогрессивной общественной мысли была борьба съ крѣпостнымъ правомъ и его разнообразными проявленіями. Наши прогрессивныя теченія могли сильно расходиться въ теоріи, на практикѣ же ихъ соединяла ненависть къ этому институту. Въ концѣ 50-хъ годовъ мы видимъ рѣдкій случай единенія всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ какъ между собой, такъ и съ властью, результатомъ чего явилась великая реформа 19 февраля и послѣдующія преобразованія въ судебной области, сферѣ самоуправленія и т. д. Этимъ закончилось единеніе нашихъ прогрессивныхъ теченій на почвѣ практической, и расколъ, до того времени господствовавшій по преимуществу въ области умозрѣнія, обнаружился и въ практическихъ построеніяхъ партій.

Пока крѣпостное право было господствующимъ факторомъ нашей жизни, общія просвѣтительныя идеи, заимствуемыя съ Запада, естественно и неизбѣжно претворялись въ практическое міросозерцаніе, приводили къ борьбѣ съ рабствомъ и его естественными проявленіями въ различныхъ областяхъ жизни, т.-е. къ стремленію замѣнить существующія формы такими формами, выработанными на Западѣ, которыми возстановлялись бы естественныя человѣческія права закрѣпощеннаго народа, но которыми не предрѣшалось дальнѣйшее направленіе нашего соціальнаго развитія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи западная жизнь могла бы дать лишь буржуазные образцы, но таковые частью настолько противорѣчили абстрактнымъ положеніямъ общечеловѣческой правды, частью такъ очевидно были неприложимы къ

условіямъ переживаемаго времени, что не могли пользоваться большимъ авторитетомъ въ сознаніи интеллигенціи. Но когда крѣпостное право съ сопутствующими явленіями отошло въ область преданія—нашей интеллигенціи предстала задача, исходя изъ тѣхъ же общихъ просвѣтительныхъ идей, намѣтить конкретную формулу новаго строя, долженствующаго вырости на почвѣ, очищенной отъ рабства. По направленію, какимъ шла европейская исторія, и которое было научно обосновано буржуазными соціологическими теоріями, намъ предстояло теперь усиленно позаботиться о процвѣтаніи національной промышленности, такъ какъ въ предшествующій періодъ несвободнаго труда эта сторона жизни не могла достигнуть значительнаго развитія, а безъ матеріальнаго преуспѣянія невозможно и высокое состояніе другихъ сторонъ общественной жизни. Что же касается способовъ поднятія національной промышленности, то западная жизнь представляла блестящіе образцы быстрыхъ успѣховъ въ этомъ направленіи, основанные, какъ извѣстно, на разрушеніи мелкаго самостоятельнаго производства и организаціи на его мѣсто крупныхъ единоличныхъ или акціонерныхъ предпріятій, съ широкимъ приложеніемъ машинъ и механическихъ двигателей.

Часть нашей интеллигенціи пошла по этому именно пути: съ бо́льшими или меньшими поправками она приняла экономическую (и политическую) программу западной буржуазіи, не обращая вниманія на то, что таковая грозитъ только что освобожденному народу новымъ подчиненіемъ. Отчасти это обстоятельство слѣдуетъ приписать простому недоразумѣнію и смѣшенію понятій. Ослѣпленная блестящей картиной западной культуры, въ сравненіи съ которой наша сѣренькая дѣйствительность казалась еще мизернѣе, часть нашего общества закрыла глаза на оборотную сторону медали, памятуя, что нѣтъ добра безъ худа и что, водворяя новые порядки, можно позаботиться о смягченіи ихъ наиболѣе рѣзкихъ отрицательныхъ проявленій. Если же изъ-за дыму да отвернуться отъ яркаго огня западной культуры, не имѣя взамѣнъ ничего другого, кромѣ фантазій идеалистическаго пошиба, то не значитъ ли это отказаться отъ синицы въ рукахъ ради орла въ небѣ? Такія соображенія имѣли тѣмъ болѣе значенія для робкихъ и не широкихъ, но искреннихъ умовъ,

что въ томъ же направленіи дѣйствовала и другая часть интеллигенціи, явившаяся представителемъ возникавшей буржуазіи и чувствовавшая подъ собой реальную почву для принципіальнаго отрицанія какихъ бы то ни было задатковъ въ русскомъ народѣ выработать самостоятельныя формы промышленнаго прогресса и для преклоненія передъ блестящей культурой запада и его общественными формами.

Зная европейскую жизнь только по ея наиболѣе виднымъ представителямъ, понимая, какая разница въ образованіи лежитъ между западнымъ и нашимъ обществами, наблюдая западнаго рабочаго изъ окна отеля и сравнивая его съ русскимъ дикаремъ, котораго они видѣли не ближе, но о которыхъ наслушались самыхъ страшныхъ разсказовъ, — такіе представители русской интеллигенціи еще углубляли пропасть, и безъ того замѣтно раздѣляющую Россію и Европу, считали, что нужно много вѣковъ отесывать русскаго мужика, пока онъ мало-мальски приблизится къ своему западному собрату и сдѣлается способнымъ къ культурной жизни; до тѣхъ же поръ всѣ культурные успѣхи Россіи ставились ими въ зависимость только отъ дѣятельности привилегированныхъ слоевъ, которые дадутъ народу и образованіе, и высоко развитую промышленную технику, и интензивное хозяйство, и даже свободу. А этимъ слоямъ незачѣмъ да и не изъ чего вырабатывать новыя формы прогресса, когда есть готовыя на Западѣ.

Таковы выводы одной части нашей интеллигенціи: полурабское преклоненіе передъ западной культурой и барское высокомѣріе передъ русскимъ мужикомъ — вотъ характеристическія черты, окрашивающія міросозерцаніе разсматриваемой группы. Крѣпостныя отношенія, не такъ давно проникавшія всѣ сферы русской жизни, слишкомъ въѣлись въ нашу плоть для того, чтобы мы избавились отъ рабской привычки: преклоняться передъ высшимъ и презирать тѣхъ, кто стоитъ ниже насъ.

Другая часть русской интеллигенціи оказалась послѣдовательнѣе и сохранила вѣрность традиціи и основнымъ положеніямъ общечеловѣческой правды. Съумѣвъ приложить общіе гуманныя идеи къ оцѣнкѣ прежнихъ формъ русской жизни и въ этомъ смыслѣ являлась истиннымъ представителемъ какъ за-

паднаго просвѣщенія, такъ и національныхъ потребностей Россіи, указанная часть интеллигенціи и послѣ реформъ 60-хъ годовъ продолжала преслѣдовать ту же цѣль осуществленія гуманныхъ принциповъ, что требовало выработки конкретнаго міросозерцанія, соотвѣтствующаго какъ этимъ принципамъ, такъ и новымъ условіямъ русской жизни и благу народа. На первый разъ роль ея совершенно естественно проявилась критикою формъ европейской жизни, господствовавшихъ на Западѣ, выработанныхъ передовымъ, но все-таки привилегированнымъ третьимъ сословіемъ и естественнымъ образомъ приспособленныхъ къ удовлетворенію потребностей буржуазіи, но не большинства населенія. Эти формы, противъ которыхъ давно уже подымались голоса на Западѣ, начали проповѣдываться и въ Россіи, какъ естественный преемникъ упраздненныхъ порядковъ; тѣмъ настоятельнѣе была потребность указать слабыя ихъ стороны, что и дѣлала наша журналистика, частью самостоятельной аргументаціей, частью пользуясь оружіемъ, выкованнымъ западными антагонистами буржуазіи.

Въ началѣ наша критика стояла на отвлеченной, идеалистической точкѣ зрѣнія, соотвѣтственно какъ идеалистическому, безсословному характеру нашей интеллигенціи, такъ и научной неразработанности вопроса, не дозволявшей постановку его на историческо-реалистическую почву. Критика указывала на противорѣчіе, въ какомъ западныя формы общественной жизни и ихъ формулированіе въ credo либерализма (въ узкомъ смыслѣ слова) стоятъ къ основнымъ идеямъ гуманности и общаго блага; объясняла, что эти формы были результатомъ не непреложныхъ будто бы законовъ соціальнаго развитія, а опредѣленнаго направленія, принятаго европейской исторіей подъ вліяніемъ извѣстныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, условій, направленія, вручившаго руководство развитіемъ привилегированнымъ классамъ; доказывала, что съ обще-философской точки зрѣнія для Россіи необязательно повтореніе формъ, пройденныхъ Европой, коль скоро въ понятіяхъ ея интеллигенціи сложилось опредѣленное представленіе о формахъ, болѣе идеальныхъ, и коль скоро въ русской жизни наблюдается существованіе элементовъ, способныхъ служить исходной точкой для созданія высшихъ

формъ, элементовъ, могущихъ лучше служить прогрессивнымъ цѣлямъ историческаго процесса, нежели принципы индивидуализма и не регулируемой борьбы интересовъ, восторжествовавшіе на Западѣ. Съ теченіемъ времени критика, не теряя, въ общемъ, своего идеализма, все болѣе и болѣе становилась на конкретную и научную точку зрѣнія, по мѣрѣ того, какъ ходъ европейской исторіи и развитія ея научной мысли съ одной стороны, и изученіе русской дѣйствительности и въ особенности народнаго быта съ другой, доставляли матеріалъ для постановки вопроса о цѣлесообразности и неизбѣжности повторенія Россіей западной эволюціи на соціологическо-историческую почву.

При этомъ разсматриваемое направленіе нашей общественной мысли обращало преимущественное вниманіе на экономическій бытъ народа, и не безъ причины. Во 1-хъ, экономическія отношенія гораздо доступнѣе обсужденію и сознательному воздѣйствію въ практической жизни, нежели другія; во 2-хъ, экономическія отношенія имѣютъ въ виду удовлетвореніе самой настоятельной потребности человѣка, и та или другая организація промышленности сильно отражается на физическомъ развитіи населенія; въ 3-хъ, матеріальная независимость массы является залогомъ ея интеллектуальнаго развитія, нравственной самостоятельности, а черезъ то и общественной независимости отъ внѣшнихъ вліяній; между тѣмъ какъ на почвѣ экономическаго подчиненія легко могутъ развиться всевозможныя формы духовнаго искаженія человѣка и зависимости одного класса отъ другаго, отражающіяся во всѣхъ сферахъ общественной жизни; въ 4-хъ, формы экономическихъ отношеній, преобладающія въ нашей странѣ (самостоятельное народное производство и общинное владѣніе землей), будучи цѣнны сами по себѣ, какъ зачатки того строя, широкое развитіе котораго ожидается въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, представляются въ то же время имѣющими весьма благодѣтельное вліяніе на развитіе соціальныхъ инстинктовъ населенія и заслуживаютъ поэтому всяческой поддержки и развитія; въ 5-хъ, въ противоположность политическимъ формамъ, измѣняющимся законодательнымъ порядкомъ и по предварительномъ измѣненіи взглядовъ общества,—перемѣны въ экономической области совершаются ежеминутно (поземельная соб-

ственность одновременно и раздробляется и концентрируется; община въ одномъ мѣстѣ крѣпнетъ, въ другомъ разрушается; хозяйство крестьянъ падаетъ или возвышается и т. д.). Законодательное измѣненіе въ какомъ либо учрежденіи не подкрадывается невидимо и неслышно, ему предшествуетъ всестороннее обсужденіе вопроса, и потому усиленное вниманіе общества на этотъ предметъ можетъ быть обращено лишь въ тотъ моментъ, когда вопросъ поставленъ на очередь. Экономическія отношенія не сходятъ съ очереди: огромныя преобразованія въ этой сферѣ часто совершаются не сразу, однимъ законодательнымъ актомъ, а выростаютъ незамѣтно на почвѣ отдѣльныхъ личныхъ столкновеній, мелкихъ фактиковъ и т. д. Если нежелательно получать въ данной области неожиданные сюрпризы, если пастало время внести свѣтъ знанія и сознательное воздѣйствіе общества въ сферу развитія отношеній, ни минуты не остающихся неподвижными, но измѣняющихся болѣе или менѣе стихійно, — иначе говоря подъ преобладающимъ вліяніемъ индивидуально сильнаго, безразборчиваго въ выборѣ средствъ, знающаго, и въ ущербъ слабому, совѣстливому, необразованному, — необходимо постоянное, неослабное наблюденіе процессовъ экономической жизни, своевременное констатированіе всякаго уклоненія отъ пути, считаемаго правильнымъ, и возникновенія новой потребности, удовлетвореніе которой личными силами индивида невозможно для большинства, а для меньшинства, способнаго справиться съ задачей, создаетъ привиллегіи, небезопасныя для благополучія массы.

Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, во 1-хъ, что политическія формы и ученія достаточно разрабатываются на западѣ какъ жизнью, такъ и теоріей, и намъ остается лишь трудъ простого усвоенія, между тѣмъ какъ по отношенію къ экономическимъ явленіямъ, въ Россіи значительно отличающимся отъ европейскихъ, нашей литературѣ предстоитъ постановка и разработка вопросовъ; во 2-хъ, что новыя политическія формы непосредственно и прежде всего были бы утилизированы привиллегированными, культурными классами и лишь впослѣдствіи отразились бы такъ или иначе на народныхъ массахъ; поэтому, культурное общество является естественнымъ представителемъ,

адептомъ и адвокатомъ этихъ формъ, и потому политическія идеи, насколько это было допускаемо, проповѣдывались и развивались публицистами привиллегированныхъ классовъ общества. Въ иномъ положеніи находится сфера экономическихъ отношеній.

Народная масса заинтересована въ этихъ отношеніяхъ ежедневно и ежеминутно. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ классахъ общества. Интересы обѣихъ указанныхъ сторонъ не всегда солидарны, и очень часто прямо противоположны. При этомъ интересы капитала и крупнаго землевладѣнія представляются въ литературѣ непосредственно, такъ какъ интеллигенція страны принадлежитъ къ одному слою съ собственниками. Интересы же народа, какъ составляющаго не культурную массу, не имѣютъ въ интеллигенціи своихъ естественныхъ выразителей, почему существуетъ опасность, что, при практическомъ разрѣшеніи соотвѣтствующихъ вопросовъ, одна сторона легко потерпитъ ущербъ въ пользу другой. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что русская интеллигенція должна была особенно озаботиться о томъ, чтобы экономическіе интересы народной массы, не могущей самой заявить о себѣ, получили въ литературѣ должную разработку, на ряду съ разработкой, какой подверглись интересы капитала и землевладѣнія; и естественно, если представительство этихъ интересовъ взяло на себя направленіе общественной мысли, всего болѣе тяготѣющее къ народу.

Приложеніе критерія цѣлесообразности и исторической неизбѣжности къ оцѣнкѣ западныхъ формъ, предлагавшихся къ водворенію въ Россіи, и указаніе элементовъ въ русскомъ быту, способныхъ послужить основаніемъ для новаго зданія, лучше удовлетворяющаго требованіямъ правды и потребностямъ страны, составляло одну задачу разсматриваемой фракціи нашей интеллигенціи. На этой почвѣ она стояла въ первый періодъ пореформеннаго существованія Россіи; но спустя нѣкоторое время ея задача расширилась, и ея критика направилась на тотъ механизмъ, которымъ до сихъ поръ совершались прогрессивныя измѣненія въ русской жизни и который она считала при новыхъ условіяхъ развитія страны и недостаточнымъ, и несовершеннымъ.

Всѣ преобразованія, имѣвшія мѣсто за послѣднія 200 л.,— дѣлались ли они въ интересахъ народа или нѣтъ, — проекти-

ровались и приводились въ исполненіе силами культурнаго слоя. Мы принимали западное просвѣщеніе, судили, рядили о прошедшихъ и будущихъ судьбахъ народа, писали проекты и пытались приводить ихъ въ исполненіе, и все это совершалось въ верхнемъ слоѣ общества; масса же народа, безправная и забитая, могла только давать требуемое, принимать даваемое, но не участвовать въ созиданіи. Соотвѣтственно этому и литературныя направленія нашей общественной мысли развивались, главнымъ образомъ, въ направленіи того, каково должно быть содержаніе возможныхъ преобразованій, чьимъ интересамъ они должны по преимуществу служить удовлетвореніемъ; что же касается вопроса о средствахъ ихъ осуществленія — таковой возбуждался болѣе или менѣе случайно и не привлекалъ къ себѣ особеннаго вниманія, такъ какъ всѣ были убѣждены, что имѣющійся въ наличности механизмъ общественной эволюціи соотвѣтствуетъ условіямъ мѣста и времени, и что вопросъ заключается лишь въ томъ, въ какомъ направленіи пустить его въ дѣйствіе. Въ пореформенную эпоху, съ возвращеніемъ крестьянину его естественныхъ личныхъ правъ, открывался путь и для его активнаго участія въ жизни страны. Это новое начало въ общественномъ положеніи массы скоро было признано съ высоты престола привлеченіемъ народа къ завѣдыванію уѣзднымъ и губернскимъ хозяйствомъ и къ выполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Заботы земства объ элементарномъ народномъ образованіи, растущій съ каждымъ днемъ приливъ лицъ податныхъ сословій въ среднія и высшія учебныя заведенія, появленіе на поприщѣ научной и профессіональной дѣятельности разночинца — все это симптомы того же движенія, признаки образованія новой общественной силы, призванной реформами занять мѣсто рядомъ съ тѣми, какія были единственными вершителями судебъ народа въ эпоху крѣпостного права. Несмотря на свою молодость, сила эта успѣла доказать, что ее недаромъ вызвали изъ забвенія, и оправдала довѣріе власти; достаточно указать на тотъ фактъ, что земское хозяйство лучше организовано именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне составляютъ исключительный или главный элементъ земскихъ собраній.

Хотя эта сила даетъ себя знать всюду, и въ земствѣ, на-

примѣръ, ищутъ ея поддержки представители дворянства, но та часть нашей интеллигенціи, которая такъ неудачно копируетъ Европу, продолжаетъ дѣйствовать, какъ будто бы этой силы не существовало, какъ будто народъ попрежнему остается несовершеннолѣтнимъ и неполноправнымъ членомъ общества. Она продолжаетъ теоретизировать на тему, что̀ нужно дать народу, и т. п. Она не поняла существеннѣйшаго смысла реформы, заключающагося въ устраненіи путъ, связывавшихъ самодѣятельность народа; не замѣтила той перемѣны въ чувствахъ и міросозерцаніи массы, которая превращаетъ прежняго раба въ свободнаго гражданина, ищущаго не опеки, а свободнаго развитія кроющихся въ немъ силъ. Ей кажется, что ничего этого въ мужикѣ еще нѣтъ, что крестьянинъ продолжаетъ оставаться взрослымъ ребенкомъ, котораго нужно оберегать, учить, водить на помочахъ, но который неспособенъ къ самостоятельному шагу; и потому эта часть интеллигенціи готова взять на себя обязанность и оберегать его, и учить, и воспитывать для свободной жизни, но не стать въ его ряды и не идти съ нимъ рука объ руку; она рѣшается, какъ въ эпоху рабства народа, все бремя прогресса держать на своихъ плечахъ.

Другая часть интеллигенціи протестуетъ противъ такого униженія народа и непониманія ни духа реформы, ни ея нравственныхъ и интеллектуальныхъ результатовъ. Она находитъ, что уже невозможно игнорировать того факта, что послѣднія реформы освободили крестьянина отъ опеки и вводятъ его въ кругъ дѣйствующихъ общественныхъ элементовъ; коль скоро же это обнаружилось съ достаточной ясностью, интеллигенція должна взять его за отправной пунктъ своихъ послѣдующихъ предположеній. Передъ ней теперь задача, аналогичная той, какая нѣкогда представлялась первымъ піонерамъ западнаго просвѣщенія. Тогда нужно было внести въ невѣжественную массу привилегированнаго общества свѣтъ знанія, съ цѣлью воспитать здѣсь интеллигентный слой, служащій залогомъ непрерывнаго движенія страны по пути прогресса. Хотя слой этотъ количественно невеликъ, но отъ него прежде всего исходятъ новыя идеи, какими живетъ и немыслящее большинство культурнаго общества. Задача образованія интеллигенціи можетъ считаться

законченной тогда, когда будетъ обезпечено непрерывное естественное воспроизведеніе этого важнѣйшаго культурнаго агента, для обезпеченія каковой цѣли необходимо во 1-хъ образованіе достаточно прочной связи между первоисточниками критической и сознательно-творческой мысли,—западной наукой,—и русскимъ обществомъ въ лицѣ его передовыхъ представителей и, во-2-хъ, созданіе, такъ сказать, лабораторіи для производства интеллигенціи, которая поддерживалась бы естественными отношеніями самого общества и не нуждалась бы въ особыхъ попеченіяхъ. Этотъ процессъ образованія привилегированной интеллигенціи тянулся слишкомъ сто лѣтъ; но вѣдь это только начало умственнаго преуспѣянія страны. Если къ образованію впервые призваны были верхніе классы общества, если исходящее отъ интеллигенціи просвѣщеніе такъ долго ограничивалось верхнимъ слоемъ, такъ это — благодаря той сословности, какая характеризуетъ государство на извѣстной ступени его развитія и той загнанности, въ какой въ названныя эпохи находятся народныя массы; но не потому, чтобы принципіально способными къ просвѣщенію считались только верхніе классы общества, а остальное населеніе обрекалось на вѣчное невѣжество. Нѣтъ, какъ только будутъ сдѣланы первыя завоеванія просвѣщенія, его образовательное вліяніе должно распространиться дальше; какъ только процессъ интеллектуальнаго развитія въ верхнихъ слояхъ достигъ извѣстныхъ результатовъ,—когда мы видимъ созрѣвшую интеллигенцію, наблюдаемъ ея просвѣтительное вліяніе въ полной перемѣнѣ идей культурнаго общества и видимъ общегосударственные результаты процесса въ уничтоженіи межсословныхъ перегородокъ и въ привлеченіи къ общественной самодѣятельности народныхъ массъ, — это служитъ доказательствомъ, что первый періодъ умственнаго развитія націи закончился. Онъ выразился созданіемъ науки, воспитывающей критическую мысль общества и обезпечивающей непрерывность развитія знанія,—этого перваго и основнаго элемента прогресса; образованіемъ связи между наукой и массою культурнаго общества, обезпечивающей вліяніе просвѣтительныхъ идей на тѣхъ лицъ послѣдняго, которыя всего болѣе къ нимъ чувствительны и становятся первыми ихъ проводниками въ остальную массу своихъ сочленовъ; иначе говоря,

уже проложены пути естественнаго распространенія просвѣтительныхъ идей въ массу культурнаго общества, гдѣ онѣ производятъ обычное культурное воздѣйствіе съ одной стороны и вербуютъ своихъ дѣятельныхъ адептовъ—съ другой; т.-е. непрерывность процесса естественнаго воспроизведенія европейски образованной интеллигенціи болѣе или менѣе обезпечена. Оставаться въ томъ же общественномъ слоѣ дальше этого просвѣщеніе не можетъ; ему придется въ такомъ случаѣ нагромождать одну идею на другую, не осуществляя ихъ въ жизни, возвышать и отполировывать только одинъ, верхній слой общества и тѣмъ еще усиливать рознь между классами, какая и безъ того достаточно велика и которая поддерживается между прочимъ значительной разницей въ умственномъ развитіи обѣихъ сторонъ. Такой ходъ культуры естественъ въ сословномъ государствѣ, но не въ Россіи и вообще не въ Европѣ, разбивающей сословныя рамки и привлекающей къ прогрессу всѣ слои націи. А если такъ, то за водвореніемъ въ странѣ знаній и образованіемъ привилегированной интеллигенціи, какъ проводника просвѣщенія, долженъ слѣдовать второй періодъ общественно-интеллектуальнаго развитія — распространеніе вліянія науки на умы массы населенія, проложеніе путей естественнаго воздѣйствія знанія на ту жизнь, которая всего больше въ немъ нуждается, стремится къ нему, но до сихъ поръ была разобщена съ нимъ, какъ преданіями старины далекой, такъ и, еще болѣе, незаконченностью образованія привилегированной интеллигенціи — носителя и проводника науки.

Искомое воздѣйствіе знаній на жизнь массы народа только тогда можетъ быть признано правильнымъ, т.-е. соотвѣтствующимъ настоящимъ интересамъ этой массы и духу народа; оно тогда будетъ въ состояніи служить для освѣщенія пути развитія, какой способна проложить нація, обладающая нѣкоторыми духовными соціально-этическими особенностями, пріобрѣтенными ею въ теченіе тысячелѣтняго существованія; лишь тогда русскій народъ уплотитъ долгъ своимъ западнымъ учителямъ внесеніемъ своей лепты въ общее хранилище идей и формъ жизни, составленное изъ вкладовъ различныхъ цивилизованныхъ народовъ,—когда уже установившаяся (будемъ на-

дѣяться, что это такъ!) связь между западнымъ просвѣщеніемъ и русскимъ привиллегированнымъ слоемъ расширится до связи перваго съ русскимъ народомъ вообще. А такъ какъ первая связь основывается въ значительной степени на выдѣленіи изъ среды культурнаго общества интеллигенціи, служащей посредствующимъ звеномъ между этимъ обществомъ и западнымъ просвѣщеніемъ, то и искомая нами связь послѣдняго съ жизнью массы русскаго народа осуществится лишь послѣ того, какъ будетъ создано непрерывное и естественное взаимодѣйствіе привиллегированной интеллигенціи и народа, т.-е. когда между обоими соціальными элементами будетъ создано посредствующее звено въ видѣ интеллигенціи народной.

Несмотря на всю историческую своевременность преслѣдованія указанной задачи, какъ главнѣйшей въ процессѣ нашего развитія, преданія сѣдой старины такъ еще властвуютъ надъ умами, что часть нашей интеллигенціи и притомъ считающая себя всего болѣе оевропеившеюся и наименѣе связанной умственно съ прошлымъ, сама того не предполагая, поддерживаетъ традиціи сословности и вмѣсто главной своей задачи—внесенія свѣта просвѣщенія въ темныя массы народа,—думаетъ о совершеніи еще какихъ-то прогрессивныхъ подвиговъ исключительно силою культурнаго общества; хочетъ и впредь служить народу архаическимъ, сословнымъ способомъ презентованія сюрпризовъ. Другая часть интеллигенціи находитъ, что это несовременно и непослѣдовательно и своей задачею считаетъ проложеніе путей, связывающихъ науку съ мыслью народной массы.

Своевременность пріобщенія къ числу активныхъ силъ новаго общественнаго слоя явствуетъ между прочимъ изъ того, что, по многимъ признакамъ, преобладаніе подражательнаго періода въ исторіи русскаго общества приходитъ къ концу; а вѣдь въ необходимости подражанія и заключается главнѣйшее соціологическое оправданіе того исключительнаго значенія, какое въ ходѣ нашего общественнаго развитія послѣдняго времени имѣло культурное общество.

Естественность связи между необходимостью подражанія чужимъ образцамъ и наличностью руководящаго вліянія на развитіе общественныхъ отношеній культурнаго привиллегирован-

наго класса обусловливается тѣмъ; что подражаніе, какъ преобладающая форма эволюціи, по преимуществу наблюдается тамъ, гдѣ масса народа устранена отъ активнаго участія въ общественной жизни, въ каковыхъ случаяхъ представителемъ образованности является привиллегированный классъ, который одинъ поэтому и можетъ знать тѣ чужія формы, какія подлежатъ водворенію въ данной странѣ. По мѣрѣ же того, какъ путь подражанія перестаетъ соотвѣтствовать условіямъ развивающагося общества, и настаетъ чередъ эволюціи путемъ самостоятельнаго соціальнаго творчества—привиллегированные классы, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ оказаться неспособными быть руководителями въ этомъ процессѣ, и тогда обнаружатся явленія, свидѣтельствующія о своевременности перенесенія центра тяжести историческаго процесса въ новые слои. Такой моментъ переживаетъ въ настоящее время Россія.

Изъ двухъ, такъ сказать, методовъ эволюціи—постепеннаго фактическаго измѣненія извѣстныхъ отношеній и сознательной планомѣрной ихъ перестройки,—послѣдній путь находитъ себѣ примѣненіе по преимуществу въ случаяхъ, когда потребности переживаемаго момента и средства ихъ удовлетворенія совершенно выяснены для всей массы населенія (при народовластіи), или для одного класса и для власти, имѣющей силу для проведенія своихъ начертаній въ жизнь. Въ этомъ второмъ случаѣ, т.-е. когда главнымъ сознательнымъ активнымъ агентомъ общественной эволюціи является только одинъ, привиллегированный классъ, успѣхъ планомѣрнаго сознательнаго воздѣйствія на развивающіяся въ обществѣ отношенія всего болѣе обезпеченъ или при условіи, что названная сила дѣйствуетъ въ своихъ, лучше извѣстныхъ ему интересахъ, нежели въ интересахъ большинства населенія, или когда данная страна значительно отстала отъ общаго культурнаго развитія, такъ что ей остается еще догонять своихъ сосѣдей, т.-е. сознательно примѣнять къ себѣ многое изъ того, что было выработано и испробовано медленнымъ путемъ обычнаго полусознательнаго историческаго процесса. Первый случай представляетъ западная Европа, привиллегированные образованные классы которой были тѣми соціальными силами, которыя, дѣйствуя въ своихъ классовыхъ

интересахъ, вели въ тоже время общество по пути прогресса. Второй случай наблюдается въ Россіи, которой пришлось пережить длинный періодъ исключительнаго преобладанія въ общественной эволюціи власти, задержавшаго организацію высшихъ классовъ населенія въ самостоятельныя общественныя силы. Такое направленіе исторіи нашей страны объясняется, между прочимъ, предстоявшей Россіи задачей сплоченія въ одно государство множества племенъ, разбросанныхъ по огромной территоріи, достиженіе каковой цѣли требовало преимущественнаго развитія, такъ сказать, механической силы государства и задержало эволюцію другихъ соціальныхъ и интеллектуальныхъ процессовъ. Когда же механическая работа была въ главномъ закончена и наступила очередь выполненія другихъ задачъ — Россія увидѣла передъ собой богатый запасъ чужаго опыта, первымъ шагомъ къ пользованію которымъ должно было служить образованіе интеллигенціи.

Такимъ образомъ, по естественному ходу дѣлъ, перенесенію изъ Европы въ Россію подлежали главнымъ образомъ культурныя средства, обезпечивающія прогрессивное развитіе страны, и наиболѣе общіе, наиболѣе элементарные и слѣдовательно несомнѣнно благодѣтельные результаты цивилизаціи, почему сознательно-систематической реформаторской дѣятельности правительства, опиравшагося на создаваемый имъ же образованный привиллегированный классъ, былъ обезпеченъ не только успѣхъ, но и благодѣтельные для общества результаты. Такой характеръ имѣли мѣры Петра I и его преемниковъ по развитію образованія, по смягченію религіозныхъ преслѣдованій, по внесенію законности въ управленіе, по преобразованію судовъ, мѣстнаго управленія и, наконецъ, величайшая реформа XIX вѣка — освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Несомнѣнный успѣхъ и благодѣтельность большей части указанныхъ преобразованій обусловливались тѣмъ, что они касались такихъ отношеній, которыя культурнымъ развитіемъ Запада давно были изъяты изъ сферы подчиненія сословному интересу и поставлены въ несомнѣнную связь съ элементарными представленіями общечеловѣческой правды и справедливости въ теоріи, а въ значительномъ числѣ государствъ и на практикѣ.

Уже не столь очевидны успѣхи и благодѣтельность результатовъ мѣропріятій по измѣненію экономическихъ отношеній, частью включенныхъ въ законодательный актъ Положенія о крестьянахъ, частью проводившихся въ жизнь многими отдѣльными актами законодательнаго и административнаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что эти мѣропріятія касаются такихъ отношеній, которыя затрогиваютъ жизненные, взаимно противоположные интересы различныхъ сословій, и что при готовности примѣнить къ нимъ тотъ же методъ воздѣйствія, какой имѣлъ мѣсто по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ сторонамъ нашего быта, — методъ преобразованія, основаннаго на сознательномъ проведеніи въ жизнь выработанныхъ и испробованныхъ на Западѣ формъ,—образцами могли служить только формы, выросшія на почвѣ интересовъ одного класса и не выдерживавшія критики съ точки зрѣнія болѣе высокаго критерія общечеловѣческой правды и справедливости и даже съ точки зрѣнія практической умѣстности ихъ для всѣхъ способныхъ къ культурѣ народовъ. Вслѣдствіе же безсилія нашего привилегированнаго общества, какъ самостоятельнаго соціальнаго культурнаго агента,—причины коего лежатъ частью въ ихъ несамостоятельной соціально-политической роли въ исторіи страны, частью въ общей современной экономической и интеллектуальной атмосферѣ,—созданіе оригинальныхъ формъ экономической организаціи, удовлетворяющихъ преимущественно интересамъ владѣющихъ классовъ, путемъ самостоятельнаго ихъ творчества, — не представлялось возможнымъ. Оставалось придумывать различныя комбинаціи для отвѣта на важнѣйшіе запросы, которыя, какъ вышедшія изъ кабинетовъ, не могли разрѣшить главнѣйшихъ затрудненій, порожденныхъ естественнымъ ходомъ вещей.

При встрѣчѣ съ такими результатами реформъ, наблюдая тѣ затрудненія, къ какимъ привели перенимаемыя нами формы экономическихъ отношеній на самомъ Западѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безуспѣшность попытокъ сознательнаго противоставленія имъ формъ, абстрактно построенныхъ на противоположныхъ этико-соціальныхъ основаніяхъ, — естественно придти къ заключенію, что есть сфера отношеній (въ томъ числѣ экономическія), гдѣ ни практика болѣе развитыхъ странъ, ни теорія не даютъ въ

настоящее время средствъ для построенія конкретныхъ формъ, подлежащихъ водворенію въ русской жизни, которыя можно было бы признать за безусловно цѣлесообразныя и благодѣтельныя или даже только за способныя укрѣпиться на извѣстной почвѣ; что такія формы и не могутъ быть построены въ кабинетахъ, — а тѣмъ болѣе представителями одного класса, матеріально заинтересованнаго въ вопросѣ и въ тоже время недостаточно вліятельнаго для того, чтобы сдѣлаться опредѣляющимъ факторомъ эволюціи,—почему примѣненіе къ этимъ отношеніямъ метода полнаго и всесторонняго преобразованія по плану, выработанному внѣ жизни, которой онъ касается, должно быть признано нецѣлесообразнымъ; что такой планъ вмѣсто того, чтобы осуществиться въ дѣйствительности и принести ожидаемые плоды, послужилъ бы средствомъ для одной стороны повернуть въ свою пользу отношенія, складывающіяся фактически, и весьма часто, если не всегда, далъ бы результаты, противоположные ожидаемымъ или совершенно непредвидѣнные.

Указанная судьба многихъ преобразованій сверху не связана неизбѣжно и исключительно съ попытками экономическаго характера. Сколько религіозныхъ и нравственныхъ ученій было проповѣдываемо въ твердой увѣренности, что они окажутъ извѣстное вліяніе на мысль и поведеніе людей, и дѣйствительность грубо разбивала мечтанія ихъ основателей! Не мало можно найти случаевъ декретированія и политическихъ системъ извѣстнаго характера, на практикѣ обращавшихся прямо въ противоположныя. Одна великая французская революція представляетъ матеріалъ, достаточный для убѣжденія всякаго въ томъ, что путь измѣненія существующихъ формъ быта путемъ противуставленія имъ образцовъ, построенныхъ абстрактно, весьма шатокъ и ненадеженъ. Но это не исключаетъ возможности построенія правильной теоріи, предрѣшающей еще только назрѣвающіе въ жизни вопросы; и такую теорію даже имѣлъ тотъ соціальный строй, которому тщетно пытается противостать другая, теоретически построенная система. Правильная теорія грядущей дѣйствительности можетъ быть выставлена при условіи, если основы новой формы намѣчены жизнью и если обосновали теоріи принадлежатъ по симпатіямъ и общему своему на-

строепію къ тому именно общественному слою, который является активнымъ агентомъ въ фактически развивающемся процессѣ смѣны одной формы другою; иначе говоря, если теорія лишь систематизируетъ и обобщаетъ то, что создается коллективной дѣятельностью класса.

Такія теоріи мы находимъ въ исторіи западной культуры, руководящія идеи которой отличались за то нетолько раціональностью, въ смыслѣ соотвѣтствія отношеніямъ дѣйствительной жизни, но и классовымъ характеромъ. Послѣдній моментъ этой смѣны идей мы видимъ въ построеніи соотвѣтствующей дѣйствительности теоріи буржуазнаго строя и неопредѣленнаго гипотетическаго представленія о строѣ, имѣющемъ смѣнить существующій и предназначенномъ отвѣчать интересамъ и стремленіямъ трудящейся массы населенія. Самый этотъ строй могъ бы обрисоваться для насъ въ болѣе или менѣе ясныхъ и вѣрныхъ чертахъ лишь въ случаѣ, если бы активнымъ агентомъ экономической эволюціи сдѣлалась народная масса въ цѣломъ. Такъ какъ это послѣднее явленіе еще не наступило, то очевидно, что формы экономическаго быта, выработанныя Европой, не могутъ служить образцами при преобразованіи какой либо страны, преслѣдующемъ благо трудящейся массы. Не могутъ поэтому быть приняты за руководящія и господствующія на Западѣ соціальныя теоріи, такъ сказать, оправдывающія, обосновывающія извѣстныя конкретныя формы, осуществившіяся или намѣчаемыя жизнью. Но эти формы и теоріи тѣмъ не менѣе принимаются за указатель направленія общественной эволюціи Россіи, несмотря на то, что въ ней отсутствуютъ многія условія, способствовавшія развитію этихъ формъ на Западѣ; и нераціональность этого пріема достаточно ясно доказывается какъ затрудненіями, испытываемыми нашей страной въ новѣйшемъ періодѣ ея исторіи, такъ и безсиліемъ культурнаго общества найти выходъ изъ затруднительнаго положенія. Это внутреннее безсиліе общества въ особенности бьетъ въ глаза, если современную прогрессивную интеллигенцію сравнить съ интеллигенціей эпохи реформъ.

Мы знаемъ, что эта послѣдняя интеллигенція, при значительномъ несходствѣ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ ея отдѣль-

ныхъ направленій, была совершенно солидарна въ практическихъ изъ нихъ выводахъ. Освобожденіе крестьянъ, освобожденіе печати, гласный судъ присяжныхъ, мѣстное самоуправленіе — таковы практическія требованія, выставленныя на знамени прогрессивной части общества сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ, независимо отъ того, принадлежала эта часть къ западникамъ, славянофиламъ или среднимъ между ними теченіямъ. Результатомъ этого единодушія было то, что въ теченіе какихъ-нибудь 6—8 лѣтъ юридическая физіономія страны была совершенно преобразована, и послѣдующему времени, повидимому, предстояло только, оставаясь на той же идейной почвѣ, вносить, по мѣрѣ надобности, тѣ или другія поправки въ зданіе, основы котораго, казалось, были такъ прочно заложены. Прошло еще десять лѣтъ, и картина совершенно мѣняется. Прогрессивная часть общества признаетъ, что жизнь требуетъ существенныхъ, если не радикальныхъ, реформъ; что же касается содержанія таковыхъ, то, несмотря на происшедшее, будто бы, сближеніе нашихъ направленій общественной жизни въ теоретическомъ отношеніи — интеллигенція разбилась на множество фракцій, враждебныхъ другъ другу, парализующихъ одна другую, благодаря чему истинно-культурная часть общества не можетъ имѣть и тѣни того вліянія, какимъ обладала интеллигенція эпохи реформъ.

И дѣйствительно, если бы въ наше время явился реформаторъ, готовый на существенныя измѣненія въ общественномъ быту, и ищущій указанія на характеръ этихъ измѣненій въ идеяхъ передовой интеллигенціи, то въ какомъ направленіи долженъ бы онъ повести дѣло реформы?

Конечно, въ направленіи государственныхъ преобразованій, скажетъ иной читатель, потому что общественная жизнь настолько усложнилась, что старыя бюрократическія формы становятся недостаточными.

Нѣтъ, нужны никакъ не политическія реформы, возразитъ опять-таки несомнѣнный прогрессистъ, ибо при невѣжествѣ массы народа привлеченіе общества къ участію въ управленіи равносильно передачѣ послѣдняго въ руки буржуазіи, которая, безъ сомнѣнія, воспользуется властью въ интересахъ своего класса

и въ ущербъ интересамъ народа. Намъ нужны не политическія, а систематическія, планомѣрно проведенныя экономическія мѣропріятія.

Если бы нашъ гипотетическій реформаторъ склонился въ пользу послѣдняго мнѣнія и обратился къ экономистамъ за указаніемъ того плана, согласно которому предстояло дѣйствовать, то онъ встрѣтился бы съ новыми разногласіями. Ему бы весьма основательно доказали, что если Россія не желаетъ вѣчно шествовать въ хвостѣ цивилизаціи, то, въ виду огромныхъ расходовъ, связанныхъ съ принадлежностью къ числу культурныхъ странъ конца XIX вѣка, ей слѣдуетъ позаботиться объ увеличеніи производительности народнаго труда, пользуясь для этого данными науки, каковое увеличеніе съ болѣе или менѣе замѣтной быстротой можетъ быть сдѣлано лишь на капиталистическомъ началѣ, почему правительству слѣдуетъ если не упразднять, то по крайней мѣрѣ оставить на произволъ судьбы мелкое производство и принять рядъ мѣръ, способствующихъ развитію крупнаго.

Но съ не меньшей основательностью выступило бы и другое мнѣніе, утверждающее, что не производство, а человѣкъ долженъ составлять предметъ заботъ правительства; къ тому же капиталистическая организація при современной международной обстановкѣ промышленности не можетъ сдѣлаться господствующей въ странѣ съ стомилліоннымъ населеніемъ; а при надлежащей помощи сверху и народная промышленность можетъ достигнуть высшей степени развитія, не утрачивая своихъ характерныхъ соціальныхъ чертъ. Поэтому представляется необходимымъ игнорировать капиталистическую форму производства и всячески поощрять народную.

Приметъ ли реформаторъ то или другое мнѣніе — его затрудненія еще не разрѣшатся. Желая поощрять крупное производство, онъ будетъ колебаться между мнѣніями о преимущественной важности для Россіи земледѣльческой и заводско-фабричной промышленности, о цѣлесообразности покровительственной таможенной системы или свободы торговли. Выступивъ на путь поощренія самостоятельнаго народнаго производства, онъ встрѣтится съ мнѣніями, настаивающими на необходимости

поощренія личной земельной собственности, и съ другими, требующими сохраненія общины; съ мнѣніями, указывающими, какъ на важнѣйшій шагъ, на возвышеніе культуры мелкаго хозяина, и такими, которыя не считаютъ возможнымъ сдѣлать что-либо безъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и т. д.

Въ пользу каждаго изъ указанныхъ плановъ выскажутся люди несомнѣнно прогрессивные и стоящіе на одинаковыхъ ступеняхъ культурной и общественной лѣстницы. При такомъ разнообразіи совѣтовъ, реформатору осталось бы или принимать взаимно-противорѣчивыя мѣры, или, игнорируя общественное мнѣніе, повести дѣло по собственному разуму, на свой личный рискъ и страхъ, или отдаться болѣе или менѣе случайно одному какому либо направленію общественной мысли. Во всѣхъ этихъ случаяхъ результаты будутъ весьма сомнительны.

Читатель, можетъ быть, скажетъ, что подобное же разнообразіе мнѣній встрѣчается не въ одной Россіи, и оно, однако, не мѣшаетъ правильному теченію общественной жизни; почему же это разномысліе должно быть фатально для нашей страны? На это мы отвѣтимъ, что за важнѣйшими мнѣніями на Западѣ стоятъ общественныя силы, отношеніями между которыми, а не логическими аргументами, главнымъ образомъ, и опредѣляется характеръ измѣненія дѣйствительной жизни; что эти силы выросли органически, обладаютъ поэтому творческими задатками, служатъ носителями извѣстныхъ культурныхъ началъ, стремятся сказать свое слово въ органически же развивающейся эпопеѣ національной культуры. А въ послѣднее время въ число культурныхъ силъ входитъ трудящаяся масса, почему во всякомъ случаѣ торжество не могутъ получить мнѣнія, рѣзко противорѣчащія интересамъ большинства. За нѣкоторыми мнѣніями русской интеллигенціи тоже стоятъ... не такія силенки, которыя сами по себѣ рѣшительно ничего не опредѣляютъ, почему характеръ слѣдующаго нашего шага на пути прогресса въ значительной степени зависитъ отъ случая. Кромѣ того, эти силенки не могутъ быть считаемы представителями какого либо самостоятельнаго культурнаго начала, способнаго служить опредѣляющимъ для даннаго времени моментомъ въ прогрессивномъ развитіи страны. Поэтому, никакъ нельзя поручиться за то,

что соотвѣтствующее одному или равнодѣйствующей всѣхъ культурныхъ вліяній направленіе общественной жизни будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ интересами страны, народныхъ массъ или даже одного какого либо слоя, способнаго служить прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія культуры.

Иначе говоря, слѣдуетъ признать, что дѣйствующія у насъ соціальныя культурныя силы недостаточны для обезпеченія правильно-прогрессивнаго развитія страны; что представляется необходимость въ привлеченіи къ активному участію въ культурномъ процессѣ новыхъ слоевъ населенія.

Все вышеизложенное позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что и тотъ, кому дорого осуществленіе въ русской жизни идеаловъ общечеловѣческой правды; и тотъ, кто удовольствовался бы непрерывностью процесса прогрессивнаго развитія страны; и тотъ, кто мечтаетъ о развитіи общественнаго строя на народныхъ началахъ; и, наконецъ, кто находитъ, что насталъ моментъ пріобщенія къ активнымъ историческимъ силамъ народной массы—всѣ должны одинаково стремиться къ тому, чтобъ плоды работы мысли не оставались въ узкомъ кругѣ привиллегированнаго меньшинства, а распространялись въ массѣ населенія.

Такая задача, если она будетъ выставлена на знамени нашей интеллигенціи, лучше соотвѣтствуетъ какъ сущности интеллигенціи вообще, такъ и положенію ея въ Россіи въ частности. Главная сила интеллигенціи, какъ показываетъ и буквальный смыслъ самаго слова, заключается въ ея критической мысли, въ идеяхъ, вырабатываемыхъ ею, въ знаніи, источникомъ котораго она служитъ. Важнѣйшая ея функція, поэтому, заключается въ просвѣтительномъ вліяніи на общество и въ руководствѣ послѣднимъ въ случаяхъ проявленія общественной самодѣятельности. Она—учитель, офицеръ; сила умственная и нравственная, но не физическая. Она не можетъ сама доставить побѣду ни одному конкретному положенію; таковое осуществляется въ жизни, если за него станетъ дѣйствительная общественная сила, источники которой кроются, какъ извѣстно, въ массѣ и богатствѣ. Въ нашей странѣ интеллигенція не обладала бы достаточной общественной силой, даже, еслибы на ея сторонѣ

были всѣ привиллегированные классы, потому что богатствами, составляющими источникъ ихъ значенія, эти классы въ очень значительной степени обязаны государству и безъ поддержки послѣдняго они утратили бы огромную долю своего настоящаго вліянія. Тѣмъ болѣе она безсильна, когда выставляетъ практическія требованія, имѣющія въ виду интересы народной массы, чуждые привиллегированнымъ слоямъ. При настоящихъ условіяхъ она здѣсь будетъ имѣть успѣхъ, лишь насколько заинтересуетъ въ этихъ требованіяхъ государство, и оцѣнка текущихъ вопросовъ общественной жизни съ точки зрѣнія общей, государственной пользы, дѣйствительно, всегда составляла одну изъ главныхъ задачъ интеллигенціи. Но для выполненія названной функціи нѣтъ надобности въ затратѣ всѣхъ наличныхъ силъ интеллигенціи, для этого достаточно дѣятельности печати; и потому главная масса интеллигентной силы всегда направлялась у насъ на возбужденіе въ обществѣ личнымъ вліяніемъ работы мысли, на распространеніе гуманныхъ и просвѣтительныхъ идей, критику обветшалыхъ формъ быта и т. п. Въ этомъ заключается настоящая задача интеллигенціи, вытекающая изъ тѣхъ спеціальныхъ особенностей, которыя составляютъ характеристическія черты этого культурнаго агента. Отказываться отъ нихъ ради осуществленія практическихъ положеній, требующаго участія общественныхъ, а не исключительно умственныхъ силъ, которыми только и богата интеллигенція, какъ таковая, значитъ не только не понимать ни механизма прогресса, ни исторической роли интеллигенціи, но и безплодно растрачивать драгоцѣнную силу, назначеніе которой—бороться съ неустройствами жизни не путемъ физическаго насилія, а интеллектуальнымъ вліяніемъ мысли, вооруженной знаніемъ.

Мы познакомились съ двумя главными теченіями нашей общественной мысли—западническимъ и народническимъ,—беря для характеристики крайніе фланги обоихъ, обращая преимущественное вниманіе на пункты ихъ различія и игнорируя сходныя черты, а также,—въ виду поставленной себѣ цѣли оцѣнки основныхъ принциповъ направленій,—устраняясь отъ характеристики промежуточныхъ между крайними теченій. Несмотря на то, что первое направленіе должно бы, кажется, ха-

рактеризоваться относительной широтой, а второе—узостью воззрѣній, въ дѣйствительности мы видимъ какъ разъ обратное. Первое не только уже втораго, но и больше пропитано традиціонными чертами древняго русскаго человѣка; второе не только шире перваго, но и вѣрнѣе слѣдуетъ новому духу общечеловѣческаго развитія, заимствованнаго нами съ Запада. Западническое направленіе беретъ въ Европѣ конкретныя общественныя формы, т.-е. именно то, что всего болѣе носитъ мѣстный, національный характеръ, отражаетъ всѣ вліянія времени и потому всего менѣе пригодно для перенесенія съ одной почвы на другую. Что же касается основной идеи прогресса, заключающейся въ признаніи положенія, что правильное развитіе общества требуетъ, чтобы формы національнаго быта вырабатывались и осуществлялись самостоятельно и органически всѣмъ обществомъ, для достиженія каковой цѣли необходимо привлеченіе массы населенія къ пользованію просвѣтительными средствами страны,—эта идея, будучи признаваема принципіально, на практикѣ оставляется западниками (въ нашемъ смыслѣ слова) въ тѣни; ея осуществленіе въ размѣрѣ, требуемомъ принципомъ, откладывается на неопредѣленное будущее; въ настоящемъ же удерживается древне-русскій методъ достиженія желательныхъ результатовъ махинаціями, не выходящими за предѣлы культурнаго слоя. Гдѣ же послѣднее условіе нарушается—тамъ выдвигается программа, заимствованная съ Запада же, выработанная тѣмъ же буржуазнымъ строемъ и его теоретиками, и переработанная въ интересахъ образовавшагося и организовавшагося фабричнаго пролетаріата. Другое направленіе нашей мысли напротивъ того оказывается настолько широкимъ, что не укладывается въ формы, выработанныя Западомъ для себя и лишь на ограниченный періодъ времени, послѣ котораго онѣ подлежатъ упраздненію, а считаетъ необходимымъ образованіе самостоятельныхъ образцовъ, отвѣчающихъ условіямъ русской жизни и лучше удовлетворяющихъ требованіямъ идеи правды и справедливости, заявленнымъ западной же образованностью. Но если широта воззрѣній, выразившаяся въ этомъ требованіи, можетъ еще подлежать сомнѣнію, такъ какъ самыя формы, противополагаемыя западнымъ, еще не выработаны жизнью и потому не-

извѣстно, насколько онѣ удовлетворятъ гуманнымъ цѣлямъ, то нельзя сказать того же о другомъ положеніи разсматриваемаго направленія, заключающемся въ требованіи немедленнаго распространенія вліянія просвѣтительныхъ идей на мысль и жизнь народной массы. Нельзя не признать, что этимъ заявленіемъ оно ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ движенію, проявившемуся въ Европѣ въ послѣднія сто лѣтъ; что оно становится участникомъ въ теченіи, первымъ шагомъ освобожденія масси считающемъ ея пріобщеніе къ просвѣтительному вліянію знанія; что оно усвоило духъ западной цивилизаціи, а не ея внѣшнія формы, а только въ этомъ духѣ и заключается несомнѣнно вѣчный и общечеловѣческій элементъ развитія. Все остальное условно и скоропреходяще.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Оживленіе буржуазной тенденціи среди русской интеллигенціи.

I.

Изъ того, что было говорено на предыдущихъ страницахъ, явствуетъ, что задача русской интеллигенціи, въ ея историческомъ развитіи, заключается, во 1-хъ, въ организаціи новыхъ соціально-культурныхъ силъ, что достигается распространеніемъ знаній и просвѣтительныхъ идей сперва въ средѣ привиллегированнаго класса, а затѣмъ въ массѣ населенія; во 2-хъ, въ указаніи формъ быта, отвѣчающихъ новымъ потребностямъ страны и подлежащихъ введенію въ жизнь на мѣсто отживающихъ старыхъ, и проведеніе таковыхъ въ жизнь. Первая задача, въ теоріи, по крайней мѣрѣ, сравнительно проста, чего уже нельзя сказать о второй. Слабое мѣсто этой послѣдней обусловливается тѣмъ, что формы быта, которыя интеллигенція вырабатываетъ теоретически и пытается осуществить въ жизни, касаются не только привиллегированныхъ классовъ, — хорошо извѣстныхъ интеллигенціи, какъ принадлежащей къ одному съ ними слою и подвергающейся тѣмъ же интеллектуальнымъ и соціальнымъ вліяніямъ,—но и народной массы, оторванной отъ культурнаго общества, и рѣзко отличающейся отъ него и по развитію, и по

потребностямъ, и по обстановкѣ нравственно-интеллектуальной жизни. По причинѣ этой розни интеллигенція не можетъ знать всѣхъ потребностей народа и его настроенія, въ значительной степени опредѣляющаго направленіе измѣненій его быта и зарождающихся формъ лучшаго; она судитъ о томъ и другомъ по признакамъ, рѣзко бросающимся въ глаза, которые и обнаруживаются слишкомъ поздно, и не всегда принадлежатъ къ наиболѣе характернымъ для даннаго момента. Но и познавъ правильно потребности народа, она не всегда въ состояніи указать цѣлесообразныя средства ихъ удовлетворенія, а избравъ таковыя,— провести ихъ въ жизнь. Для того и другаго весьма важно знать черты народнаго быта, міросозерцанія и настроенія, сплошь и рядомъ ускользающія отъ большинства сторонняхъ наблюдателей и доступныя для констатированія лишь при гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ между интеллигенціей и народомъ, чѣмъ каковыя существуютъ въ дѣйствительности, и нужна исполнительная сила, какой интеллигенція не имѣетъ.

Не чувствуя твердой подъ собой почвы, интеллигенція обращается за разъясненіями къ Западу, надѣясь въ прошлой исторіи передовыхъ странъ найти указанія, которыя тщетно искались ею въ текущей дѣйствительности своего отечества. Этимъ создаются новыя опасности для правильнаго развитія народной жизни: такъ какъ формы быта Западной Европы развивались въ направленіи, соотвѣтствующемъ интересамъ буржуазіи, то безразборчивое перениманіе чужихъ образцовъ можетъ имѣть весьма нежелательныя послѣдствія; опасность же увлеченія нашего общества этими формами значительно возрасла послѣ того, какъ публицисты рабочаго класса Европы признали ихъ за закономѣрное явленіе и связали стройной теоріей (научный соціализмъ) не только съ отжившими формами прошедшаго, но и съ желательнымъ для рабочихъ идеальнымъ строемъ будущаго.

Теорія, о которой идетъ рѣчь, какъ извѣстно, въ главнѣйшемъ построенная post factum, имѣетъ научное значеніе постольку, поскольку она ограничивается обобщеніемъ опредѣленной сферы экономическихъ явленій, возникшихъ при извѣстной комбинаціи историческихъ условій. Основы теоріи заложены теоретиками буржуазіи, а дополнена она публицистами городского

пролетаріата и отвѣчаетъ интеллектуальнымъ интересамъ этого послѣдняго класса, уже образовавшагося и въ значительной степени съорганизовавшагосл. Но она совершенно невѣрна, если ее прилагать ко всей экономической жизни какой бы то ни было страны, такъ какъ не охватываетъ явленій земледѣльческой области, гдѣ еще даже теоретически не рѣшенъ вопросъ, крупное (батрачное) или мелкое (самостоятельное) производство выгоднѣе для страны. Мало того—она не соотвѣтствуетъ даже задачамъ земледѣльческаго пролетаріата, насколько таковой успѣлъ образоваться и выставить свою программу, ибо послѣдній (напр. въ Ирландіи) стремится, вопреки проекту теоріи, соединиться опять съ землею, которой онъ когда-то былъ лишенъ, не ожидая, пока капиталъ организуетъ на ней крупное производство; и стремится соединиться не въ качествѣ одного изъ колесъ соціалистической организаціи, что опять-таки требуется теоріей, а въ надеждѣ трудиться на ней, какъ самостоятельный собственникъ, самостоятельный индивидуальный производитель.

Но если эта частная теорія ея западными послѣдователями, которымъ она нужна и по интеллектуальнымъ, и по практическимъ требованіямъ, признается за такую, которая имѣетъ общее значеніе, то можно было ожидать, что русская интеллигенція, чье дѣло—сторона, отнесется къ ней безпристрастно, научно-критически, воздастъ по достоинству и сильнымъ, и слабымъ ея сторонамъ. Этого естественно было ожидать, во-первыхъ потому, что Россія—страна земледѣльческая, а теорія построена главнымъ образомъ на данныхъ изъ области фабрично-заводской промышленности; во-вторыхъ потому, что нашъ фабричный пролетаріатъ слишкомъ еще ничтоженъ для того, чтобы претендовать на руководящее значеніе въ ближайшемъ будущемъ страны, почему построеніе теорій, вообще выдвигающихъ на первый планъ пролетарія, не отвѣчаетъ практическимъ потребностямъ страны, а разсматриваемая теорія въ частности—и практическимъ потребностямъ рабочаго класса, такъ какъ послѣдній, гдѣ это возможно, стремится нынѣ же, а не въ отдаленномъ будущемъ выйти изъ положенія наемника и участвовать въ предпріятіи на правахъ рабочаго-хозяина (передача артелямъ рабочихъ казеннаго Воткинскаго завода, мальцевскихъ заводовъ и т. п.); и въ

третьихъ, потому, что необходимость каждой странѣ пройти путь, диктуемый теоріей, не доказывается ею, а только утверждается. Такое утвержденіе легко могло быть допущено безъ научной провѣрки теоретиками западнаго фабричнаго пролетаріата, такъ какъ въ настоящее время оно не грозитъ послѣднему никакими неудобствами; но мы сомнѣваемся, чтобы оно было принято, напр., ирландскимъ пролетаріемъ-фермеромъ, которому оно предлагаетъ пріостановиться въ своихъ стремленіяхъ получить въ собственность землю, до тѣхъ поръ, пока капиталистъ не организуетъ на ней крупное производство. Еще болѣе обязательно подвергнуть теорію критической оцѣнкѣ въ Россіи, гдѣ огромное большинство населенія владѣетъ еще землею, и гдѣ экономическая организація носитъ черты, относимыя разсматриваемой схемой къ будущему человѣчества, а тотъ пролетаріатъ, какого можно было бы ожидать,—еслибы Россія развивалась сообразно указаніямъ теоріи—принадлежалъ бы главнымъ образомъ къ земледѣльческому классу, интересамъ котораго соотвѣтствуютъ ученія, обосновывающія стремленія земледѣльческихъ пролетаріевъ сдѣлаться собственниками земельныхъ участковъ, а не ограничивающіяся указаніемъ на вѣроятность пріобрѣтенія ими всякихъ благъ лишь въ отдаленномъ будущемъ. Естественное стремленіе къ систематизаціи воззрѣній должно бы привести русскую интеллигенцію къ построенію самостоятельной схемы эволюціи экономическихъ отношеній, соотвѣтствующей потребностямъ и условіямъ развитія нашей страны; и такая работа, безъ сомнѣнія, будетъ сдѣлана въ самомъ недалекомъ будущемъ. Въ настоящемъ же, въ виду всеобщей умственной спячки русскаго общества, не обошедшей и передовую интеллигенцію, и отвращенія его вниманія отъ мужика, какъ реакціи противъ увлеченія народомъ въ періодъ семидесятыхъ годовъ — нечего удивляться, что необходимая интеллектуальная работа не привлекаетъ къ себѣ силъ, и что лица, стремящіяся къ систематизаціи своихъ воззрѣній, предпочтутъ воспользоваться готовой теоріей, созданной въ другомъ мѣстѣ и для другой комбинаціи производящихъ причинъ. . .

Если ни интересъ націи въ цѣломъ, ни практическій интересъ настоящаго поколѣнія трудящихся классовъ въ Россіи—

земледѣльческихъ и городскихъ, собственниковъ и пролетарієвъ— въ частности не требуютъ примѣненія къ Россіи формулы прогресса, выставленной на знамена западнаго (собственно нѣмецкаго) пролетаріата; если затѣмъ формула эта не можетъ претендовать на универсальное значеніе и по своему научному достоинству — то спрашивается, какія причины вызвали ея распространеніе въ Россіи? Лежитъ ли въ основѣ этого распространенія простое недомысліе интеллигенціи или какія-то реальныя отношенія русской жизни, и въ послѣднемъ случаѣ, какому изъ выяснившихся въ нашей странѣ интересовъ призвана служить теорія?

Въ литературной борьбѣ по вопросу о предстоящемъ Россіи пути экономическаго развитія, направленію нашей общественной мысли, ставившему на первый планъ интересы трудящейся части народа и принявшему поэтому современемъ наименованіе народничества—въ началѣ приходилось сражаться или съ принципіальными сторонниками буржуазнаго строя, представляющаго такія выгоды одному классу общества насчетъ другого, или съ практическими, такъ сказать, политиками, не считавшими господствующіе на западѣ и успѣшно, казалось имъ, водворившіеся въ Россіи порядки идеаломъ совершенства, но—не вѣря въ побѣду идеаловъ вообще—находившими, что эти порядки нужно признать, какъ совершающійся фактъ и слѣдуетъ позаботиться о возможномъ ихъ усовершенствованіи. Такой составъ упомянутаго направленія русской общественной мысли былъ отраженіемъ того, что происходило на западѣ, гдѣ консервативная, такъ сказать, партія (у насъ соотвѣтствовала ей либеральная) составлялась частью изъ принципіальныхъ сторонниковъ существующаго строя, частью изъ людей практическихъ, мыслью ползавшихъ, такъ сказать, по землѣ, неспособныхъ и чувствомъ значительно возвыситься надъ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, что фактомъ существованія доказало свою жизненность,—а слѣдовательно, съ извѣстной точки зрѣнія, и цѣлесообразность. Такимъ образомъ западническому (въ узкомъ смыслѣ слова) направленію нашей общественной мысли, какимъ оно стало вырисовываться послѣ реформы (и которое отдѣлилось отъ западническаго направленія до-реформеннаго, но не замѣнило его), не-

доставало идеальнаго элемента, недоставало принципа, связывающаго конкретныя формулы, осуществлявшіе интересы буржуазіи, съ вѣчно святыми для человѣческаго сознанія идеями правды, справедливости, общаго блага, вслѣдствіе чего всякій нравственно чуткій и умственно свѣжій человѣкъ, прежде чѣмъ стать на защиту проповѣдываемаго новаго строя, долженъ совершить надъ собой нѣкоторую операцію, заглушить лучшія чувства, осмѣять идеи молодости или по крайней мѣрѣ махнуть рукой на свои идеальные порывы и откровенно признать, что, становясь, подъ вліяніемъ практической необходимости, въ рядѣ дѣятелей грядущаго строя, онъ сознательно отказывается отъ роли прогрессивнаго агента, о которой мечталъ нѣкогда, и обращается въ орудіе стихійной, неразумной, отдаляющей, а не приближающей осуществленіе его идеаловъ, эволюціи общества.

Эта беззащитная въ идейно-идеальномъ отношеніи позиція,— въ какую буржуазный строй поставленъ общей эволюціей европейской жизни и мысли, сорвавшей съ него научное и идейное облаченіе, въ какое онъ драпировался для роли перваго любовника въ очередномъ дѣйствіи на сценѣ всемірной исторіи,—лишала этотъ строй весьма существенной для его успѣховъ нравственной поддержки со стороны чистой мысли, идеальнаго чувства, общечеловѣческихъ идей правды и справедливости. Еслибы отсутствіе такой поддержки и не прервало его побѣдоноснаго шествія, то во всякомъ случаѣ обусловливало бы необходимость дѣлать при этомъ уступки, идти конфузясь и колеблясь и—что главное—защищало бы до извѣстной степени общество отъ вреднаго нравственно-интеллектуальнаго вліянія того режима, который несутъ за собой западные порядки. Это имѣло бы слѣдствіемъ и большее вниманіе со стороны общества къ нуждамъ крестьянства, большій приливъ къ нему интеллектуальныхъ силъ, т.-е. вооруженіе исторически развившагося въ Россіи строя силою науки, благодаря чему его эволюція, какъ и эволюція строя буржуазнаго, совершалась бы при свѣтѣ знанія, и параллельно съ распространеніемъ технически-совершенныхъ буржуазныхъ порядковъ мы наблюдали бы прогрессивное развитіе и народнаго строя. Послѣ сказаннаго становится яснымъ, какую важность для успѣховъ новаго строя въ его борьбѣ со старымъ имѣло бы обла-

чепіе его идеи въ такой костюмъ, въ которомъ,—подобно своему западному собрату въ соотвѣтствующій періодъ его эволюціи,—онъ показался бы независимому интеллигенту представителемъ излюбленныхъ имъ началъ общечеловѣческой истины и справедливости. Но такъ какъ въ дѣйствительной, реальной жизни этотъ строй основывается на отрицаніи такихъ началъ, такъ какъ для полноты своего осуществленія ему вмѣсто дальнѣйшаго развитія нужно уничтоженіе тѣхъ условій самостоятельности человѣческой личности, какія до извѣстной степени осуществлены въ пореформенной Россіи удержаніемъ связи мелкаго производителя со средствами его производства; нужно уничтоженіе вмѣсто развитія зачатковъ высокаго альтруистическаго строя, наблюдаемыхъ въ нашей общинѣ; уничтоженіе, а не поддержаніе той формы мірского самоуправленія (основанной на обсужденіи вопросовъ всѣми жителями даннаго округа), которая, по словамъ Брайса, „болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ образовательное вліяніе на лицъ, принимающихъ въ ней участіе“; такъ какъ вмѣсто всего этого, предназначеннаго къ уничтоженію, новые порядки дадутъ, непосредственно и несомнѣнно, фактическое рабство производителя, фактическое господство начала борьбы всѣхъ противъ каждаго и каждаго со всѣми, развращеніе народа трактирной цивилизаціей, и поелику существованіе такихъ слѣдствій новыхъ порядковъ не можетъ быть отрицаемо,—то облаченіе спеціально-буржуазной идеи, въ цѣляхъ усиленія ея престижа въ глазахъ безпристрастнаго интеллигента, можетъ быть сдѣлано лишь въ такой костюмъ, въ которомъ соотвѣтствующій ей строй представился бы неизбѣжнымъ очереднымъ этапомъ на пути осуществленія излюбленныхъ интеллигентомъ принциповъ, этапомъ, носящимъ въ самомъ себѣ средства устраненія тѣхъ золъ, которыя имъ вызываются непосредственно; а противный буржуазіи народный укладъ рисовался бы, какъ неспособный къ развитію изъ зачаточнаго состоянія, какъ строй, обусловливающій сохраненіе того умственнаго мрака, въ какомъ пребываетъ до сихъ поръ русскій народъ и подъ сѣнью котораго удобно произрастаютъ различныя печальныя явленія русской жизни, такъ угнетающе дѣйствующія на интеллигентнаго человѣка.

Такое превращеніе темнаго въ свѣтлое не можетъ быть

однако достигнуто фокусъ-покусомъ или путемъ простого сознательнаго подлога. Чтобы произвести впечатлѣніе на ту часть общества, которая можетъ считаться лично какъ-бы не заинтересованной въ тяжбѣ между двумя формами соціальнаго быта, необходимо, чтобы адепты новой теоріи были воодушевлены своей идеей, видѣли въ ней овеществленіе идеальныхъ стремленій, подобно тому какъ были воодушевлены идеей и полны вѣрой въ наступленіе царства свободы, равенства и разума представители буржуазной интеллигенціи временъ великой французской революціи. За совершеніе этого превращенія не могутъ поэтому взяться старые, явные приверженцы буржуазныхъ интересовъ, міросозерцаніе которыхъ образовалось въ періодъ открытой борьбы представителей двухъ формъ быта, которые сознательно признали неосуществимость идеальныхъ мечтаній человѣчества. Это дѣло могло бы быть подъ силу только новымъ людямъ, не руководящимся (по крайней мѣрѣ сознательно) узкимъ, матеріальнымъ разсчетомъ, очарованнымъ какими-нибудь дѣйствительно цѣнными проявленіями новаго міра,—или необходимо связанными съ его основными принципами, или ошибочно принимаемыми за его неизбѣжное слѣдствіе, — вслѣдствіе чего эти люди могутъ явиться искренними приверженцами проповѣдываемой идеи и можетъ быть даже искренними врагами (по крайней мѣрѣ въ теоріи) буржуазіи стараго типа, подобно тому какъ была врагомъ цеховой буржуазіи свободная буржуазія конца прошлаго вѣка. Иначе говоря, тѣ психическіе мотивы, которые заставляли держаться за извѣстный строй буржуазію стараго типа, въ новыхъ ея представителяхъ должны или быть нелепы, или вовсе отсутствовать, замѣнялись мотивами болѣе благородными. Новый шагъ въ эволюціи буржуазной идеи долженъ быть сдѣланъ новой породой представителей соотвѣтствующаго строя. И эта новая буржуазія, повидимому, уже нарождается.

Первоначальной ячейкой, гдѣ зародилась пово-буржуазная идея, былъ такъ-называемый соціалъ-демократизмъ. Читатель, быть можетъ, удивится тому, что злѣйшій врагъ буржуазіи въ Германіи обратился въ ея союзника въ Россіи; онъ, можетъ быть, прямо отвергнетъ возможность такого превращенія и въ сказанномъ нами увидитъ мистификацію, указавъ на то обстоятель-

ство, что терминъ соціалъ-демократія прилагается къ такой практической партіи, въ программѣ которой стоятъ рядомъ требованія въ политической сферѣ—демократизма, въ экономической—соціализма; къ партіи, считающей, что слѣдующимъ шагомъ эволюціи капиталистическаго экономическаго строя будетъ соціализмъ, осуществителемъ котораго явится четвертое сословіе, въ этихъ цѣляхъ и организующееся въ крѣпкую соціалъ-демократическую партію. Онъ скажетъ далѣе, что соціалъ-демократія поэтому невозможна въ странахъ, гдѣ капитализмъ не представляется господствующимъ явленіемъ, гдѣ онъ объединилъ подъ своимъ началомъ лишь ничтожную часть трудящейся массы и если при этомъ признается за истину, что очереднымъ шагомъ экономической эволюціи такой страны долженъ быть не соціализмъ, а капитализмъ. Въ такихъ странахъ логически-мыслимо появленіе партіи демократической, стремящейся къ тому, чтобы постепенно осуществляемый капиталистическій строй наименѣе неблагопріятно отражался на пролетаріяхъ, составляющихъ, такъ сказать, демократическій элементъ этого строя; мыслимо образованіе буржуазно-демократической партіи, имѣющей цѣлью одновременно водвореніе экономическихъ капиталистическихъ порядковъ и политическую организацію рабочаго класса; возможно появленіе соціалъ-буржуазіи, задавшейся исключительной цѣлью способствовать преобразованію существующихъ соціальныхъ отношеній въ капиталистическія; но логически-непозволительно говорить о соціалъ-демократіи въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ оно примѣняется въ Германіи, т.-е. въ смыслѣ партіи, поставившей себѣ цѣлью организацію рабочаго сословія для преобразованія заканчивающаго свою эволюцію капиталистическаго строя въ соціалистическій. Кто признаетъ, что законъ экономической эволюціи заключается въ переходѣ отъ первоначальнаго коммунизма къ индивидуальному народному производству, затѣмъ къ обобществленному капиталистическому и наконецъ къ соціализму, тотъ обнаруживаетъ непозволительное смѣшеніе понятій, если всѣ отдѣльныя стадіи этого процесса объединитъ однимъ терминомъ, героевъ этихъ взаимно противуположныхъ моментовъ назоветъ соціалистами, потому что въ концѣ всей эволюціи ему мерещится соціалистическій строй. Такой пріемъ очень выгоденъ

для этихъ героевъ, потому что дѣлаетъ ихъ въ общественномъ мнѣніи представителями не узко-сословнаго, а общечеловѣческаго интереса, и подобный пріемъ дѣйствительно безсознательно продѣлывался ими; но онъ не вѣренъ теоретически и вреденъ въ практическомъ отношеніи. Слѣдуя такому пріему, надлежало бы признать принадлежащими къ партіи аболюціонистовъ,—лицъ, считающихъ, что рабство современемъ исчезнетъ, но въ настоящемъ оно необходимо и должно быть поддерживаемо. Такого насилія надъ мыслью и языкомъ не дѣлала даже покойная „Вѣсть“ и не зачисляла себя въ ряды демократіи на томъ основаніи, что признавала естественность принадлежности будущаго демократіи и законность господства въ настоящемъ крѣпостниковъ.

Какъ бы, читатель, ни были вы правы въ высказанномъ вами, тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ фактъ, что появляются лица, проповѣдывающія необходимость для Россіи замѣнить свою настоящую организацію капиталистической и въ тоже время считающіе себя соціалъ-демократами. Группа этихъ лицъ и явилась первичной ячейкой, изъ которой вылупляется ново-буржуазія. Правда, первые представители этого направленія рѣзко отдѣляли себя отъ дѣятелей буржуазіи, настаивая на томъ, что ихъ задачей, какъ практическаго теченія, будетъ организація демократическихъ слоевъ капиталистическаго строя, а къ самому этому строю они будутъ относиться лишь какъ къ почвѣ, на которой имъ предстоитъ дѣйствовать. Но и съ такой оговоркой появленіе этого теченія нельзя не считать большой побѣдой буржуазіи, такъ какъ, несмотря на свое страшное имя, его представители не только отказались отъ главной практической задачи нѣмецкой соціалъ-демократіи — борьбы съ существующимъ капиталистическимъ строемъ,—но и способствуютъ распространенію послѣдняго въ Россіи.

Въ борьбѣ знающаго и потому сильнаго съ невѣжественнымъ и слѣдовательно слабымъ, тотъ изъ знающихъ, кто не стоитъ за послѣдняго, дѣйствуетъ въ пользу перваго, такъ какъ добровольно устраняется отъ помощи, какую могъ бы оказать нуждающемуся въ его услугахъ собрату. Поэтому простое безмолвное признаніе соціологической законности господства ка-

питалистическаго режима есть уже шагъ въ пользу послѣдняго. Но разсматриваемое направленіе не ограничивается такимъ безмолвнымъ признаніемъ, а главную свою дѣятельность проявляетъ пока въ проповѣди упомянутой закопности переворота, т.-е. настраиваетъ общественное мнѣніе въ пользу грядущаго капиталистическаго режима, охлаждаетъ благожелательные порывы общества сдѣлать что-либо для поддержанія падающаго крестьянскаго хозяйства, подготовляетъ почву для экспропріаціи крестьянства въ пользу буржуазіи. Правда, въ логическомъ развитіи своихъ идей оно стоитъ на широкихъ принципахъ общаго характера, но, послѣ всего изложеннаго на предыдущихъ страницахъ, читатель знаетъ, чего стоятъ широкіе принципы абстрактнаго характера въ дѣлѣ текущей борьбы противуположныхъ интересовъ, и понимаетъ, какъ громкія слова, выставленныя на знамени партіи, облегчаютъ одному классу порабощеніе другаго. Поэтому можно безъ всякихъ колебаній утверждать, что даже демократическое теченіе этого направленія всего яснѣе проявляетъ себя въ данный моментъ въ практическомъ отношеніи, какъ теченіе узко-буржуазное; вѣря же ему на слово, что съ теченіемъ времени оно не растеряетъ демократическихъ положеній своей программы, мы имѣемъ право сказать, что, какъ практическое теченіе (а не научное направленіе), эта лѣвая сторона „соціалъ-демократіи“ должна быть названа теченіемъ буржуазно-демократическимъ. Дальнѣйшая эволюція основной идеи разсматриваемаго направленія естественно приведетъ къ образованію настоящаго буржуазнаго теченія: если замѣна существующей экономической организаціи Россіи организаціей капиталистической есть явленіе необходимое и по своимъ окончательнымъ результатамъ благодѣтельное, то дѣятельность, способствующая этой замѣнѣ, есть дѣятельность прогрессивная, находящаяся въ полномъ соотвѣтствіи съ переживаемымъ Россіею моментомъ общаго прогрессивнаго развитія человѣчества. А если такъ, то настоящимъ героемъ ближайшаго будущаго по праву является дѣятель въ интересахъ капиталистическаго строя, а мѣропріятія, направленныя къ упраздненію крестьянскаго земледѣльческаго и кустарнаго производства, суть мѣропріятія прогрессивныя. Въ этомъ видѣ такъ-называемая соціалъ-демократія

обращается въ чистую соціалъ-буржуазію, и настоящій моментъ есть именно періодъ образованія указанной правой стороны этого направленія.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ прекрасную иллюстрацію положенія, что не абстрактные принципы теоріи, а практическіе изъ нея выводы опредѣляютъ истинный характеръ какого-либо направленія общественной мысли, а также подтвержденіе той истины, какъ легко логическая работа мысли, на почвѣ существующаго раздѣленія общества на противуположные по своимъ интересамъ классы, самыя широкія общечеловѣческія идеи обращаетъ въ узкія формулы, соотвѣтствующія интересамъ одного класса, заявляющаго претензію на активную общественную роль. Такъ, идея соціализма, первоначально выставленная какъ идея универсальная, впослѣдствіи, по мѣрѣ организаціи пролетаріата, обращалась въ идею рабочаго сословія, причемъ въ Германіи эта идея была поддержана построеніемъ извѣстной философско-исторической теоріи, соотвѣтствующей до извѣстной степени какъ дѣйствительному историческому развитію Западной Европы, такъ и фактическому положенію въ ней рабочаго вопроса,—теоріи, составляющей научную сторону соціалъ-демократизма. Перенесенная же въ Россію въ моментъ идейнаго, такъ сказать, охлажденія общества къ интересамъ крестьянства и фактическаго отчужденія перваго отъ втораго, эта идея новѣйшаго соціализма обратилась въ идею буржуазизма!

Конечно, основная причина этой удивительной метаморфозы заключается не въ логической работѣ мысли, а скорѣе въ недостаточной работѣ послѣдней, что и сдѣлается яснымъ послѣ бѣглаго разсмотрѣнія интересующей насъ теоріи.

II.

Какъ мы упоминали объ этомъ выше, содержаніе разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли заимствовано цѣликомъ отъ теоретиковъ западно-европейскаго пролетаріата, которые построили извѣстную схему для объясненія эволюціи европейскихъ обществъ съ новѣйшимъ, городскимъ про-

летаріатомъ въ послѣдней, будто бы, завершающейся его стадіи и предполагаемой народно-коллективной организаціей промышленности въ слѣдующей. Эта схема, какъ философская концепція, связывающая прошедшее, настоящее и вѣроятное будущее опредѣленныхъ странъ, повторяемъ, объединяетъ достаточно полно и въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью главнымъ образомъ теченія общественной жизни, нашедшія себѣ выраженіе въ городахъ и другихъ крупныхъ центрахъ скопленія населенія. Только въ этихъ рамкахъ теорія сохраняетъ извѣстную стройность, которою и производитъ впечатлѣніе въ свою пользу.

Какъ извѣстно, въ основу эволюціи общества разсматриваемая теорія кладетъ экономическія отношенія, а матеріаломъ для ея построеній служили по преимуществу явленія въ сферѣ обрабатывающей промышленности, спачала носившей мелкій, ремесленный характеръ, а впослѣдствіи обратившейся въ капиталистическую организацію фабрикъ и заводовъ. Въ техническомъ отношеніи эта сфера подчинена законамъ наиболѣе разработанныхъ наукъ — физики и химіи, — а для ея соціально-экономическаго подчиненія крупной капиталистической организаціи требуется наличность извѣстнаго числа безземельныхъ рабочихъ, свобода дѣловыхъ отношеній личностей, широкое развитіе международныхъ сношеній, ведущее къ образованію обширнаго рынка для сбыта продуктовъ быстро растущей производительности труда, каковыя условія для нѣкоторыхъ странъ Западной Европы были осуществлены уже въ прошломъ вѣкѣ, а для остальныхъ — постепенно реализировались въ теченіе настоящаго столѣтія. Такъ какъ вышеуказанныя главнѣйшія соціальныя условія, необходимыя для развитія капиталистической фабрично-заводской промышленности, не имѣютъ въ себѣ ничего національнаго, а въ техническомъ отношеніи эта промышленность покоится на чистой наукѣ, то и не удивительно, если во всѣхъ странахъ, гдѣ она получила болѣе или менѣе замѣтное развитіе, таковое вылилось приблизительно въ одинаковыя соціально-техническія формы, вслѣдствіе чего теорія соотвѣтствующей сферы явленій получала отъ самой жизни готовое обобщеніе, въ которомъ были стерты мѣстныя и національныя особенности отдѣльныхъ обществъ.

Эта жизнь говорила, что и въ Англіи, и во Франціи, и

въ Германіи отдѣльныя промышленныя единицы, повинуясь закопамъ техники и промышленной экономіи, стремятся принять все болѣе крупные размѣры, которые имъ можетъ дать скорѣе богатый и образованный предприниматель — буржуа, нежели союзъ бѣдныхъ и невѣжественныхъ ремесленниковъ. По этимъ причинамъ крупная промышленность организуется классомъ капиталистовъ, а прежніе самостоятельные ремесленники обращаются въ наемныхъ рабочихъ. Во всѣхъ указанныхъ странахъ этотъ процессъ повторяется, повидимому, совершенно одинаково, создаетъ однообразныя формы экономическихъ отношеній, игнорируя всѣ мѣстныя особенности почвы, климата и національнаго характера населенія. Если такъ, говоритъ теорія, то и національныя особенности соціальныхъ отношеній, еще сохранившіяся въ отсталыхъ странахъ, будутъ стерты всенивеллирующимъ вліяніемъ капитализма, и весь міръ представитъ современемъ одну форму экономической организаціи, которая до извѣстнаго момента будетъ находиться подъ управленіемъ капиталистовъ, а затѣмъ перейдетъ въ руки самихъ рабочихъ или государства.

Сходство между капитализирующимися странами замѣчается и въ другихъ отношеніяхъ. Вездѣ промышленность концентрируется въ крупныхъ центрахъ, пролетаріи сближаются механически, получаютъ общія интеллектуально-нравственныя черты, быстрѣе сельскаго населенія пріобрѣтаютъ политическое развитіе, организуются, и въ результатѣ—къ числу прежнихъ активнодѣйствующихъ соціальныхъ элементовъ присоединяется новая сила, которая въ недалекомъ будущемъ сдѣлается преобладающей и возьметъ въ свои руки направленіе дальнѣйшаго развитія общественно-политическихъ формъ.

Схема эта, насколько она соотвѣтствуетъ дѣйствительности, повторяемъ, создана, главнѣйшимъ образомъ, по даннымъ эволюціи заводско-фабричной промышленности и явленій жизни городскаго пролетаріата. Сказанное получитъ достаточное объясненіе, если мы вспомнимъ, что именно указанная область промышленности, будучи основана технически на данныхъ наиболѣе развитыхъ наукъ и водворившись въ тѣхъ странахъ, гдѣ она встрѣтила благопріятныя для себя соціальныя условія, получила

въ послѣднее время выдающееся развитіе, оказала огромное вліяніе на всѣ стороны соціальнаго быта, и что ростъ политическаго сознанія Европы, совершавшійся подъ сильнымъ воздѣйствіемъ быстро растущаго промышленнаго капитализма, имѣлъ результатомъ появленіе на аренѣ политической жизни городскаго пролетаріата въ то время, когда сельское населеніе, повидимому, продолжало коснѣть въ прежней неподвижности. Такимъ образомъ, и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ капиталистическія вліянія вообще и постепенное возрастаніе значенія пролетаріата въ частности составляютъ наиболѣе характерную черту XIX в. и естественнымъ образомъ привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей и публицистовъ и отражаются на научныхъ построеніяхъ первыхъ.

Эта связь общественныхъ идей съ соціальными отношеніями выразилась въ томъ, что политическая экономія, изъ ряда общественныхъ наукъ принявшая раньше другихъ систематически-научный характеръ, долгое время считая себя разрабатывающей общіе законы экономическихъ отношеній,—на самомъ дѣлѣ изучала и объединяла извѣстной теоріей только законы отношеній капиталистическихъ, что и было наконецъ признано самими англійскими экономистами, въ послѣднее время, напр., прямо называющими классическую политическую экономію теоріей англійскаго строя. При этомъ главнѣйшимъ матеріаломъ для названной науки служили данныя торгово-фабрично-заводскихъ отношеній, и пока на сценѣ европейской исторіи важнѣйшую роль играла буржуазія, наука объединяла свой матеріалъ въ ея духѣ и интересахъ. Попытки же построенія теоріи въ духѣ и интересахъ рабочихъ классовъ исходили не изъ среды патентованныхъ ученыхъ, не признавались послѣдними за научныя, и дѣйствительно носили довольно утопическій характеръ. Вниманіе же общества къ начавшему дѣлать заявленія о своихъ правахъ рабочему классу выражалось изученіемъ его быта, обсужденіемъ его положенія въ общей литературѣ и нѣкоторыми практическими мѣропріятіями. Причемъ все это относилось наиглавнѣйшимъ образомъ къ рабочимъ фабрично-заводскимъ, которые одни заявляли претензію на участіе въ политической жизни страны, и „рабочій вопросъ“ былъ поставленъ именно какъ вопросъ

фабрично-заводскаго пролетаріата. Со второй половины текущаго столѣтія, когда организація городского пролетаріата заставила признать его, какъ одну изъ главнѣйшихъ общественныхъ силъ ближайшаго будущаго, политическая экономія начала рѣзко преобразовываться, причемъ, не теряя своего характера науки по преимуществу фабрично-заводскихъ капиталистическихъ отношеній, она стала систематизировать матеріалъ также въ духѣ и съ точки зрѣнія интересовъ пролетарія, вслѣдствіе чего теоріи, строившіяся въ интересахъ этого класса, получившія наименованіе соціалистическихъ, были допущены занять мѣсто въ „наукѣ", начали терять утопическій характеръ, превратились въ теорію научнаго соціализма.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что политическая экономія, занимаясь изслѣдованіемъ отношеній, развившихся въ нѣкоторыхъ странахъ и даже здѣсь преимущественно въ извѣстныхъ отдѣлахъ экономической жизни, и объединяя эти отношенія теоріей, служившей въ то же время практическимъ интересамъ одного класса общества—сперва буржуазіи, а потомъ пролетаріата—воображала сначала, что она изслѣдуетъ вѣчные и общіе законы соціальной науки. Эта иллюзія была однако разрушена, и новѣйшіе представители классической экономіи, какъ мы сказали, прямо заявляютъ, что ихъ теорія приложима лишь къ опредѣленнымъ странамъ и даже къ опредѣленной категоріи явленій этихъ странъ—къ крупной промышленности (great-commerce). Такое признаніе мы имѣемъ со стороны представителей буржуазнаго теченія въ политической экономіи,—теченія основного, стараго, имѣвшаго достаточно времени для всесторонней провѣрки своихъ построеній, подвергавшагося безпощадной критикѣ ученыхъ и неученыхъ представителей разныхъ странъ и классовъ, сводившихъ ея, якобы универсальныя, положенія на очную ставку съ тѣми фактами изъ жизни разныхъ странъ и эпохъ, которыя эти положенія должны были бы объяснить, и съ очевидностью показывавшихъ, что они здѣсь непримѣнимы.

Другое, новѣйшее теченіе въ той же теоріи капиталистическаго фабрично-заводскаго строя, именующееся научнымъ соціализмомъ, слишкомъ еще молодо для того, чтобы считаться провѣреннымъ критикою въ отношеніи универсальности его поло-

женій. Оно даже еще не закончено въ своемъ построеніи, и читатель тщетно ожидаетъ 3-го тома извѣстнаго сочиненія Маркса, въ которомъ надѣется встрѣтить многія дополненія теоріи. Неудивительно поэтому, что увлекающіеся представители разсматриваемаго ученія, обольщенные абстрактностью теоретическаго построенія,— подобно первымъ послѣдователямъ столь же абстрактно-стройнаго ученія Рикардо, — заявляютъ, что исповѣдываемая ими теорія имѣетъ универсальный характеръ, находитъ себѣ приложеніе во всякомъ человѣческомъ обществѣ. И такъ какъ разсматриваемая теорія, помимо научнаго ея значенія, еще больше заинтересовала современниковъ вытекающимъ изъ нея освѣщеніемъ идущей въ европейскихъ обществахъ борьбы пролетаріевъ съ капиталистами, то эта сторона ея обращала на себя наиболѣе вниманія, и она-то и располагаетъ извѣстную категоріею лицъ къ преувеличенію значенія теоріи, вслѣдствіе чего распространеніе ея на вовсе неподходящія сферы жизни становится явленіемъ обыденнымъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ интеллектуальномъ отношеніи разсматриваемая схема, какъ цѣльная философско-историческая теорія, удовлетворяетъ интересамъ европейскаго городского пролетаріата, т.-е. она имѣетъ цѣлью столько же дать объясненіе прошедшему въ интересахъ чистой науки, сколько удовлетворить потребности западнаго пролетарія въ цѣльномъ представленіи объ обществѣ и о роли въ его эволюціи самого пролетарія.

Западно-европейскій городской рабочій можетъ смѣло прибѣгать къ разсматриваемой гипотезѣ для раціональнаго соціологическаго обоснованія своей соціально-политической программы, потому что въ эволюціи западно-европейской жизни уже наступилъ моментъ, когда на арену сознательной политической жизни выступилъ рабочій классъ, вслѣдствіе чего для него представляется возможность въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ вынуждать буржуазію больше и больше дѣлиться съ нимъ тѣми благами власти, досуга и матеріальнаго достатка, какими до сего времени она пользовалась безраздѣльно; а въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ открывается перспектива полной перестройки общественныхъ отношеній въ направленіи удовле-

творенія интересовъ большинства. При такихъ условіяхъ, когда рабочій классъ какъ бы нашелъ себѣ въ порядкахъ буржуазнаго строя точку опоры, пользуясь которой онъ надѣется повернуть эти порядки въ свою пользу,—отрицательное отношеніе къ капиталистическому строю, характерное для соціалистовъ прежняго времени, смѣнилось органическимъ воззрѣніемъ на него нынѣшнихъ теоретиковъ фабричнаго пролетаріата, какъ на необходимый и, по окончательнымъ результатамъ, благодѣтельный моментъ въ эволюціи экономическихъ отношеній, а весь ходъ развитія западно-европейскихъ обществъ, по свойственному человѣку стремленію къ систематизаціи своихъ воззрѣній, уложился въ стройную, хотя и одностороннюю теорію, по которой слѣдующимъ моментомъ эволюціи должно быть достиженіе всеобщаго благополучія.

Сказаннымъ мы не имѣемъ намѣренія отрицать научнаго значенія этой теоріи, насколько она касается извѣстной, опредѣленной сферы соціальной жизни, развивающейся при опредѣленныхъ условіяхъ, а лишь хотимъ дать объясненіе, почему ученіе, обязанное происхожденіемъ одной, спеціальной области явленій, сформировавшихся при данныхъ конкретныхъ условіяхъ, стремится выйти изъ своихъ естественныхъ рамокъ и предлагается читателю въ такой формулировкѣ, какъ будто бы міръ представляетъ изъ себя или станетъ представлять въ ближайшемъ будущемъ одну сплошную фабрику, или какъ будто бы отношенія, характерныя для промышленно-капиталистическаго строя, распространились и на сферу сельско-хозяйственной дѣятельности. А между тѣмъ, указанная теорія далеко не охватываетъ земледѣльческой промышленности, и потому она тѣмъ менѣе можетъ быть безъ существенныхъ дополненій прилагаема къ какой-либо странѣ, чѣмъ болѣе послѣдняя имѣетъ земледѣльческій характеръ.

Не охватываетъ эта теорія сельско-хозяйственной области во многихъ отношеніяхъ.

Такъ, большая, вѣроятно, площадь земли цивилизованнаго міра состоитъ въ мелкомъ, а не крупномъ владѣніи, да и значительная часть площади, находящейся въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, обрабатывается арендаторами по типу мелкаго,

я не крупнаго производства (достаточно вспомнить, что такая обработка господствуетъ въ Ирландіи, распространена на $^1/_2$ площади Валлиса и на $^1/_3$ земли собственно Англіи). Такимъ образомъ, въ земледѣльческой области капитализмъ преслѣдуетъ не организаціонныя, а, наиглавнѣйшимъ образомъ, эксплуатаціонныя цѣли, заботится не о превращеніи мелкаго производства въ крупное, а объ обращеніи крестьянина-собственника во временного пользователя-фермера (см. на этотъ счетъ мнѣніе пр. Мясковскаго). Затѣмъ, степень сосредоточенія земельной собственности, формы владѣнія и хозяйства, въ противуположность сравнительному однообразію организаціи заводско-фабричной промышленности, представляются въ разныхъ странахъ и даже въ одной и той же очень различными, причемъ отношеніе между крупнымъ и мелкимъ производствомъ не имѣетъ здѣсь и тѣни подобія отношенію, господствующему въ обрабатывающей промышленности, гдѣ крупная форма одними техническими преимуществами неуклонно побиваетъ мелкую и легко обращаетъ самостоятельнаго ремесленника въ чужого наемника.

Такое различіе явленій въ той и другой области происходитъ отъ того, что, во-1-хъ, обрабатывающая промышленность,— оперируя надъ матеріаломъ, полученнымъ искусственно, поставленнымъ въ искусственно созданную среду и при помощи орудій и пріемовъ, указываемыхъ наукой,—въ максимальной степени освободилась отъ подчиненія естественнымъ условіямъ даннаго мѣста, между тѣмъ, какъ сельско-хозяйственная дѣятельность,—какъ по естественнымъ ея условіямъ, такъ и по причинѣ зависимости отъ областей знанія, гораздо болѣе сложныхъ и менѣе разработанныхъ, нежели науки, лежащія въ основаніи обрабатывающей промышленности, — въ огромной степени подчинена условіямъ почвы, климата страны и не допускаетъ такого широкаго раздѣленія труда и приложенія механическихъ двигателей, которое требовало бы непремѣннаго примѣненія крупной организаціи производства и дѣлало нѣвозможнымъ существованіе мелкаго; а насколько такое приложеніе машинъ существуетъ, оно относится къ отдѣльнымъ, кратковременнымъ операціямъ и, на началѣ найма или кооперации, доступно и для мелкихъ хозяевъ. Во-2-хъ, вслѣдствіе того, что продуктами земледѣльческаго производства

въ одномъ и томъ же хозяйствѣ являются не одинъ предметъ, какъ это наблюдается въ обрабатывающей промышленности, а многіе разнообразные предметы и притомъ назначенные для удовлетворенія первыхъ потребностей человѣка, почему значительная ихъ часть не нуждается въ рынкѣ и можетъ быть потреблена семьей самого хозяина, — эта отрасль промышленности даетъ мелкому производителю гораздо больше устойчивости и независимости, нежели промышленность обрабатывающая, продукты которой должны быть непремѣнно сбыты на сторону, что, въ связи съ привлекательностью обстановки занятія, побуждаетъ мелкаго хозяина и открываетъ ему возможность до послѣдней крайности держаться за свой клочекъ земли, напрягать всѣ свои способности къ тому, чтобы получить отъ земли больше продукта; а такъ какъ эта отрасль труда, въ противоположность обрабатывающей промышленности, гораздо меньше освобождена отъ подчиненія работающему человѣку, то то или иное отношеніе къ дѣлу послѣдняго, то или другое внутреннее настроеніе трудящагося имѣетъ огромное вліяніе на успѣшный ходъ дѣла, почему многіе авторитеты готовы признать, что мелкое производство, какъ основанное на трудѣ самого хозяина, можетъ быть болѣе производительнымъ, чѣмъ крупное, и лучше послѣдняго выноситъ неизбѣжные при господствующемъ строѣ кризисы [1]).

---

[1]) Такъ, на послѣднемъ конгрессѣ союза соціальной политики, пр. Зерингъ развивалъ мысль, что „колоссальныя хозяйства никогда не въ состояніи были удовлетворить прогрессу въ техникѣ земледѣлія: это мы видимъ въ древнемъ бытѣ, видимъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, по мѣрѣ приближенія отъ Запада къ Востоку, отъ экстенсивной къ интенсивной культурѣ, площадь земельной собственности въ однѣхъ рукахъ сокращается... Въ Пруссіи техническія преимущества средняго крестьянскаго хозяйства надъ крупнымъ рыцарскимъ выражаются въ томъ, что крестьяне больше переходятъ къ интенсивной культурѣ и лучше выдержали пониженіе цѣнъ на хлѣбъ“ (Русск. Вѣд., 1893, 83). Во Франціи въ послѣднее время среди крупныхъ собственниковъ „явно замѣчается стремленіе оставлять земли и искать болѣе выгоднаго помѣщенія для своихъ капиталовъ. А такъ какъ этому движенію среди землевладѣльцевъ отвѣчаетъ особенная любовь къ землѣ среди французскихъ крестьянъ, то крупные собственники, желающіе освободиться отъ тягостей землевладѣнія, дѣлятъ свои земли на мелкіе участки и продаютъ ихъ крестьянамъ—сами или черезъ посредство особыхъ землевладѣльче-

Принимая къ тому же во вниманіе, что количество удобной для культивированія земли въ каждой странѣ ограничено, почему капиталъ стѣсненъ въ своемъ примѣненіи къ сельско-хозяйственной дѣятельности; что свободное обращеніе земли стѣснено дѣйствующими законами и обычаями, — нужно признать, что сельское хозяйство, въ отличіе отъ заводско-фабричной промышленности, находится въ тѣсномъ подчиненіи не только естественнымъ особенностямъ даннаго мѣста, но и обычаямъ страны и характеру ея населенія, и что правительство можетъ оказать огромное вліяніе на распространеніе мелкой или крупной формы земледѣльческаго производства.

Указанныя особенности отношеній служатъ причиной того, что мелкая форма земледѣльческаго производства прекрасно уживается рядомъ съ крупной и иногда распространена шире ея въ самыхъ высококультурныхъ странахъ, а при поддержкѣ со стороны власти она могла бы получить еще большее развитіе. Такъ какъ эволюція политическихъ отношеній въ Европѣ приводитъ къ тому, что голосъ народной массы получаетъ въ глазахъ правительства бо́льшее и бо́льшее значеніе, то естественно ожидать, что вмѣстѣ съ этимъ будутъ развиваться и заботы государства о покровительствѣ мелкому землевладѣнію и земледѣлію. По высказаннымъ соображеніямъ, къ будущему земледѣльческой промышленности скорѣе слѣдовало бы примѣнить схему, какъ разъ обратную той, какая была выведена изъ данныхъ развитія фабрично-заводскаго дѣла.

Одновременно съ различіемъ въ направленіи эволюціи той и другой промышленности и въ зависимости отъ тѣхъ же причинъ наблюдается и различіе въ характерѣ и задачахъ сельскаго и городского пролетаріата. Сельскій пролетаріатъ обык-

---

скихъ обществъ, спекулирующихъ такого рода продажами. Многіе же крупные собственники, раньше занимавшіеся хозяйствомъ черезъ посредство управляющихъ, не желая продавать земли, дробятъ ее на мелкія фермы и сдаютъ въ аренду крестьянамъ. Малые собственники и малые фермеры, ведущіе хозяйство трудомъ своей семьи и въ незначительной степени прибѣгающіе къ наемному труду, наиболѣе устойчиво вынесли сельско-хозяйственный кризисъ“ (Нассе, Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи, предисловіе Левитскаго).

повенно не сконцентрированъ въ немногихъ пунтахъ, а разбросанъ по всей странѣ; отъ этого, по условіямъ культурнаго развитія, земледѣльческій пролетарій мало отличается отъ мелкаго собственника, и потому можно сказать, что обращеніе хозяина въ пролетарія даетъ взамѣнъ очень мало преимуществъ интеллектуальнаго характера, вслѣдствіе чего и вся та страна, которая, капитализируясь, сохранитъ земледѣльческій характеръ (а вѣдь не весь же міръ превратится въ угоду теоріи въ мѣсто пріюта обрабатывающей промышленности), увидитъ у себя не тѣ общественно-политическія слѣдствія, какія свойственны странамъ съ многочисленнымъ городскимъ пролетаріатомъ. Какимъ образомъ это различіе въ профессіи пролетарія земледѣльческихъ и промышленныхъ странъ отразится на различіи политической исторіи послѣднихъ—мы рѣшать не беремся; но не трудно усмотрѣть существованіе различія ближайшихъ экономическихъ задачъ того и другого пролетаріата. „Нельзя шаблонно переносить соціальную политику промышленныхъ рабочихъ на сельскихъ рабочихъ, — передаетъ г. Іолосъ мнѣніе пр. Зеринга по этому вопросу—потому что у тѣхъ и другихъ не одинаковыя технико-экономическія и соціальныя условія: коалиція, какъ средство поднять рабочаго, умѣстное оружіе борьбы противъ растущей крупной промышленности въ городахъ, гдѣ рабочіе живутъ вмѣстѣ въ большихъ центрахъ [1])“.

Тогда какъ городской пролетарій, сообразно нарисованной раньше схемѣ, ожидаетъ уничтоженія наемнаго труда въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, послѣ того какъ такое уничтоженіе сдѣлается неизбѣжнымъ по естественному ходу эволюціи капиталистическаго строя, а въ настоящемъ онъ стремится улучшить свое положеніе на почвѣ существующаго путемъ фабричнаго законодательства, ограниченія часовъ работы и возвышенія заработной платы,—земледѣльческій пролетарій работаетъ въ такой обстановкѣ, которая не допускаетъ широкаго вмѣшательства законодательства съ цѣлью охраненія здоровья и жизни рабочаго и при которой мало можно сдѣлать въ отношеніи сокращенія рабочаго дня, длина котораго опредѣляется въ значительной степени естественными

[1]) Рус. Вѣд., 1893 г., № 83.

условіями временъ года и чередованія дня и ночи. Но зато онъ имѣетъ полное технико-экономическое основаніе стремиться къ обращенію въ самостоятельнаго хозяина и съ политическимъ развитіемъ страны получаетъ возможность вліять на правительство такимъ образомъ, чтобы оно облегчило ему это обращеніе. Примѣръ сказаннаго мы видимъ въ Соединенномъ королевствѣ и преимущественно въ Ирландіи, гдѣ съ такой силой проявилось стремленіе населенія получить въ собственность землю, пынѣ имъ обрабатываемую въ качествѣ арендаторовъ; поэтому названная страна представляетъ наглядное доказательство того, что схема эволюціи общества, построенная на основаніи явленій фабрично-заводской жизни, не только не можетъ быть прилагаема къ земледѣльческой области, но скорѣе противорѣчитъ направленію развитія, какого естественно здѣсь ожидать. Правда, въ Ирландіи распространена исключительно крупная собственность и съ натяжкой можно бы сказать, что здѣсь уже совершается тотъ процессъ декапитализаціи, который именно и предсказывается теоріей. Но эта натяжка слишкомъ очевидна, ибо капитализація производства имѣетъ главнѣйшій смыслъ въ организаціи крупной его формы, и лишь послѣ совершенія этой миссіи руководство капитала становится излишнимъ. Земледѣльческое же производство въ Ирландіи имѣетъ мелкую форму, а обращеніе фермера въ собственника поведетъ къ раздробленію владѣній и можетъ быть къ еще большему измельчанію хозяйства. Такимъ образомъ, реабилитація мелкаго собственника въ Ирландіи совершится не по указанію теоріи, а наперекоръ ей. Наперекоръ теоріи совершается и возрожденіе мелкой собственности въ той части Пруссіи, гдѣ аграрный вопросъ наиболѣе чувствителенъ и гдѣ „площадь земли, доставленная крестьянамъ при помощи колонизаціонной коммиссіи и путемъ частнаго дробленія крупныхъ имѣній, уже превышаетъ площадь отнятую у крестьянъ въ началѣ нашего вѣка помѣщиками (140,000 гектаровъ противъ 104,000)“ [1]). Неудивительно, поэтому, если послѣдній ученый конгресъ союза соціальной политики высказался за распространеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Германіи.

---

[1]) Id.

Если же въ условіяхъ страны (Англія), гдѣ капитализмъ достигъ наибольшаго развитія, нѣтъ такихъ соціальныхъ и техническихъ условій, которыя мѣшали бы возстановленію мелкой собственности и упроченію мелкаго хозяйства, то тѣмъ болѣе не существуетъ причинъ, зависящихъ отъ общаго хода прогрессивнаго развитія, которыя требовали бы обезземеленія населенія и уничтоженія мелкаго хозяйства въ странахъ, гдѣ крестьянская собственность и крестьянское хозяйство составляютъ основу соціально-экономической организаціи. Такимъ образомъ, самый поверхностный анализъ теоріи эволюціи общественно-экономическихъ формъ съ точки зрѣнія западнаго городского пролетаріата приводитъ къ заключенію, что эта теорія можетъ имѣть приложеніе лишь къ обрабатывающей промышленности и при томъ развивающейся при извѣстной комбинаціи условій и потому не должна быть полагаема въ основу объясненія и предсказанія явленій жизни земледѣльческихъ странъ; что это есть конкретная формула, выражающая эволюцію экономическихъ отношеній при извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени, а не абстрактная теорема экономической эволюціи вообще.

Поэтому, нельзя не считать признакомъ крайняго отсутствія самостоятельной работы мысли, объяснимымъ развѣ только общимъ интеллектуальнымъ упадкомъ русскаго общества въ послѣднее время, тотъ фактъ, что значительная часть просвѣщеннаго слоя этого общества готова положить въ основу объясненія эволюціи общественно-политическихъ отношеній въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ и въ основу построенія практической программы для партійной дѣятельности въ странѣ — огромной по площади земли (на половину еще незанятой) и по количеству жителей, разнообразной по этнографическому составу народонаселенія, земледѣльческой по естественному характеру и роли въ міровомъ производствѣ, общинной по организаціи землевладѣнія преобладающей части населенія и стоящей на послѣдней ступени культурнаго развитія европейскихъ обществъ,—готова положить законъ, формулированный для объясненія явленій, болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ въ 3—4 европейскихъ государствахъ съ самымъ скученнымъ, самымъ образованнымъ и промышленно-развитымъ населеніемъ, законъ, весьма неудовле-

творительно объясняющій явленія, наблюдаемыя въ земледѣльческой области тѣхъ же странъ. Несамостоятельность и, такъ сказать, лѣность мысли русской интеллигенціи доказывается не только принятіемъ въ указанномъ выше смыслѣ конкретной идеи, выработанной промышленно-буржуазнымъ строемъ нѣсколькихъ государствъ западной Европы, но и еще болѣе неспособностью индивидулизировать эту идею примѣнительно къ основнымъ чертамъ общественно-экономической физіономіи Россіи, какъ страны, въ міровомъ промышленномъ хорѣ играющей земледѣльческую партію, и потому могущей ожидать развитія у себя по преимуществу землевладѣльческой, а не промышленной буржуазіи и не городского, а сельскаго пролетаріата, бытовая обстановка котораго, условія для культурнаго и общественнаго развитія и для проявленія его общественной самодѣятельности слишкомъ рѣзко отличаются отъ соотвѣтствующихъ условій городского пролетаріата, для того, чтобы идею этого послѣдняго можно было признать за идею грядущаго будущаго нашей страны и ожидать такихъ же соціально-политическихъ результатовъ капитализаціи промышленности въ Россіи, какія мы наблюдаемъ въ соціально-политической сферѣ на Западѣ.

Широкое распространеніе разсматриваемой теоріи среди русской интеллигенціи представляется признакомъ тѣмъ болѣе печальнымъ, что сами основатели этой теоріи не признаютъ за ней универсальнаго значенія, и допускаютъ, что капиталистическій строй развивается при извѣстной комбинаціи условій, и что соотвѣтствующій моментъ въ эволюціи общества, при другой комбинаціи производящихъ причинъ, можетъ быть обойденъ. Извѣстно, напр., что Марксъ,—одинъ изъ первыхъ, ясно формулировавшій разсматриваемую теорію и формулировавшій ее въ такихъ выраженіяхъ, что его несамостоятельные послѣдователи вывели заключеніе о неизбѣжности разрушенія въ Россіи общиннаго ея поземельнаго строя,—узнавъ о такомъ толкованіи своихъ взглядовъ, счелъ нужнымъ высказаться противъ него въ открытомъ письмѣ къ русскому публицисту, неопубликованномъ при его жизни по случайнымъ причинамъ.

„Какое приложеніе къ Россіи можно извлечь изъ моего краткаго историческаго очерка (капиталистическихъ отношеній

въ западной Европѣ), спрашиваетъ Марксъ въ этомъ письмѣ? Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистической по образцу западно-европейской націи, — а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда,— она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная разъ на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и вся другая непосвященная нація. Вотъ и все! Но этого слишкомъ мало для моего критика (Н. К. Михайловскаго). Ему непремѣнно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію, которой фатально должны подчиниться всѣ народы, каковы бы ни-были историческія условія, въ которыхъ они находятся, чтобы въ концѣ концовъ прійти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка. Но прошу у него извиненія. Это значитъ дѣлать мнѣ много чести и въ то-же время *много безчестія*“. Въ поясненіе своей мысли Марксъ приводитъ примѣръ изъ исторіи древняго Рима, гдѣ крестьяне-собственники были обращены въ пролетаріевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ образовались и крупные денежные капиталы — и несмотря на это получилъ развитіе не капиталистическій, а рабскій строй производства. Сюда же можетъ быть отнесено и слѣдующее примѣчаніе къ нѣмецкому изданію Маркса 1875 г.: „когда крупные перевороты, наступившіе съ конца 15 столѣтія на всемірномъ рынкѣ, лишили сѣверную Италію ея торговаго преобладанія и привели къ упадку ея мануфактуръ, произошло движеніе пролетаріевъ изъ городовъ на земли. Городскіе рабочіе массами возвращались въ деревни, гдѣ съ тѣхъ поръ мелкая культура, въ томъ видѣ, какъ ведется садоводство, получила никогда невиданное развитіе“ („Юрид. Вѣстн.“, 1888 г.).

Отсюда видно, какъ надлежитъ поступать настоящему послѣдователю Маркса. Онъ не долженъ какъ это дѣлаютъ наши марксисты (?), заимствовать у своего учителя *конкретную* формулу капиталистической эволюціи на Западѣ, для приложенія ея къ рус-

ской жизни въ качествѣ шаблона, т.-е. искать между той и другой нѣкоторыхъ сходныхъ чертъ и выводить затѣмъ заключеніе, что сходство будетъ продолжать рости и что русская жизнь совершенно повторитъ европейскую, игнорируя анализъ наблюдаемыхъ явленій (подходящихъ подъ формулу), т.-е. изученіе ихъ дѣйствительныхъ причинъ и взаимной зависимости съ одной стороны, и пренебрегая абстрактными положеніями теоріи Маркса для синтетическихъ построеній—съ другой. Въ этомъ уклоненіи отъ самостоятельной интеллектуальной работы и предпочтеніи ей механическаго труда сравненія образца съ предполагаемой копіей и выражается какъ несамостоятельность мысли нашихъ марксистовъ, такъ и сомнительность пониманія ими идей своего учителя. Настоящій послѣдователь ученія Маркса долженъ взять *абстрактныя* положенія его теоріи капитализма и, поставивъ ихъ въ обстановку русской дѣйствительности, вывести конкретную формулу развитія капитализма въ нашей странѣ. Такъ поступилъ несомнѣнный марксистъ г. Николай — онъ, (см. „Очерки пореформеннаго хозяйства Россіи“), и его выводы абсолютно противоположны заключеніямъ нео- или псевдо-марксистовъ, которыя тѣмъ не менѣе пользуются значительнымъ распространеніемъ въ нашемъ обществѣ. Эти марксисты на изнанку, ни мало не шокируясь „безчестіемъ“ (honte) задачи, преобразили очеркъ Маркса „происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія“ человѣчества, т.-е. стали проповѣдывать ученіе, составляющее полную противоположность идеѣ соціализма вообще, научнаго соціализма Маркса въ частности, но зато вполнѣ соотвѣтствующее практической идеѣ и интересамъ буржуазіи. Иначе говоря, они повторяютъ старую буржуазную историко-экономическую теорію, лишь прикрасивъ ее гипотезой о молочныхъ рѣкахъ въ кисельныхъ берегахъ въ отдаленномъ будущемъ, требуя за эту прикрасу экспропріаціи крестьянства и порабощенія труда въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ Россіи.

III.

Признавая идею историческаго закона, предписывающаго всѣмъ цивилизованнымъ обществамъ создавать для удовлетворенія ихъ развивающихся потребностей одинаковыя и однообразно повторяющіяся формы быта,—въ каковомъ воззрѣніи историческій процессъ, вмѣсто производнаго человѣка, обращается въ силу производящую, а человѣкъ въ его послушное орудіе,—можно оставаться равнодушнымъ къ вопросу о томъ, каковы внутреннія духовныя силы общества, участвующаго въ данномъ историческомъ процессѣ. Отвергая эту концепцію и считая, что формы быта являются результатомъ идей и чувствъ участвующихъ въ ихъ созданіи людей, почему духовныя силы человѣка — какъ полученныя имъ отъ природы, такъ и развитыя предшествующей исторіей — а также степень активности участія въ процессѣ эволюціи различныхъ классовъ населенія, представляющихъ неоднородные психическіе типы, суть историческіе факторы первостепеннаго значенія, — мы приходимъ къ постановкѣ весьма важнаго вопроса. Что несетъ міру капиталистическая эволюція, устраняя разнообразіе силъ и способностей, естественно создающееся при активномъ участіи каждаго человѣка въ экономической жизни страны, когда людямъ приходится быть дѣятелями весьма разнообразныхъ по своимъ формамъ и ихъ естественнымъ условіямъ процессовъ,—и создавая повсюду однородный типъ пролетарія; какія силы и способности развиваются въ наемномъ работникѣ обстановкою его быта, силы и способности, коими обусловливается качество возможныхъ продуктовъ его соціальнаго творчества; какое участіе принимаетъ пролетарій въ созданіи соціальныхъ формъ, и наконецъ, что выиграетъ Россія отъ того, что возможный устроитель ея соціальнаго быта, крестьянинъ-общинникъ, будетъ устраненъ отъ активной роли въ процессѣ, и представителемъ трудящагося населенія, имѣющаго быть современемъ призваннымъ къ широкому участію въ общественной жизни, сдѣлается бездомный пролетарій?

Отвѣчать болѣе или менѣе обстоятельно на этотъ вопросъ

мы не могли бы, даже еслибы сдѣлали его спеціальнымъ предметомъ своей рѣчи, по причинѣ полной неразработанности вопросовъ, образующихъ посылки искомаго заключенія,—вопросовъ о процессѣ созданія общественныхъ формъ, какъ производныхъ тѣхъ или другихъ психическихъ свойствъ человѣка и о духовныхъ различіяхъ отдѣльныхъ классовъ общества. Тѣмъ болѣе мы лишены возможности отвѣтить на поставленный вопросъ въ настоящее время, когда мы касаемся его лишь попутно. Поэтому, намъ остается ограничиться по этому предмету немногими замѣчаніями.

Пролетарій того типа, какимъ онъ опредѣлился въ теченіе предыдущей исторіи капитализма, долженъ быть признанъ имѣющимъ весьма слабое значеніе въ качествѣ силы зиждительной и получающимъ очень неблагопріятное воспитаніе въ смыслѣ развитія въ немъ способности къ соціальному творчеству.

Будучи связанъ съ существующимъ экономическимъ строемъ заработной платой, т.-е. связью непостоянной и не обезпечивающей его благополучія; занимая въ организаціи общества не самостоятельное, а служебное положеніе; подчиняясь въ качествѣ наемника произволу хозяина и слѣпому механизму машины; служа, наряду съ машиной и рабочимъ скотомъ, дѣлу производства цѣнностей, принадлежащихъ другому; словомъ, играя въ экономической жизни роль одного изъ элементовъ мертваго процесса производства товаровъ, и только — пролетарій и не можетъ имѣть зиждительной идеи, не можетъ на почвѣ существующаго строя выработать что-либо, способное обновить міръ, дать новое направленіе соціальной жизни. Измѣненіе общественныхъ отношеній производится самимъ процессомъ жизни, т.-е. лицами, участвующими въ ней активно. Въ силу сказаннаго творцомъ новыхъ соціальныхъ формъ можетъ быть классъ общества, связанный съ существующимъ положительными, а не отрицательными нитями; классъ, играющій въ немъ извѣстную самостоятельную роль, — классъ феодаловъ, буржуазіи, крестьянства, но не классъ подчиненныхъ наемниковъ пролетаріевъ. Какъ результатъ прошедшей исторіи, какъ порожденіе *развивающагося* капитализма, еще не сказавшаго своего послѣдняго слова и потому еще продолжающаго играть первую и передо-

вую роль и относящагося къ рабочему, какъ къ матеріалу для своего творчества,—пролетаріатъ можетъ представлять интересъ какъ сила разрушительная, но не какъ основа созидательной соціальной работы. Съ такимъ его значеніемъ, сознательно или безсознательно, примиряются литературные его представители, теоретическіе обосновательи „идеи“ пролетаріата. Преобразованіе соціальнаго быта въ его интересахъ они ставятъ въ зависимость не отъ самостоятельной зиждительной дѣятельности самаго пролетаріата, а отъ естественной, органически совершающейся эволюціи капиталистическихъ порядковъ. Но такъ какъ эта якобы органическая эволюція въ дѣйствительной жизни есть рядъ измѣненій въ дѣйствіяхъ лицъ, занимающихъ въ жизни руководящее положеніе, т.-е. является результатомъ коллективнаго творчества извѣстнаго класса—въ данномъ случаѣ по преимуществу буржуазіи,—то и выходитъ, что этотъ послѣдній классъ не только выработалъ общественный строй, отвѣчающій его собственнымъ интересамъ, но и несетъ на себѣ задачу созданія порядковъ, которые должны бы быть выработаны слѣдующимъ, выступающимъ на сцену активной исторической жизни, классомъ,—по причинѣ устраненія отъ самостоятельнаго участія въ процессѣ общественной эволюціи—оказавшимся неспособнымъ къ выполненію такой задачи.

Условія, лишающія пролетарія возможности активно участвовать въ созданіи общественныхъ формъ въ настоящемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ воспитываютъ его для подчиненной роли и въ будущемъ. И дѣйствительно, какія творческія силы и способности можетъ развить въ пролетаріи обстановка его жизни, при которой три четверти своего бодрственнаго состоянія онъ служитъ придаткомъ мертваго механизма, приводимаго въ движеніе волею одного лица,—пріучаясь этимъ безъ возраженія исполнять чужія распоряженія, дисциплинируясь для роли промышленнаго солдата, котораго искусные демагоги могутъ обратить въ солдата политическаго, — но не участвуя ни мыслью, ни чувствомъ въ процессѣ, съ которымъ онъ связанъ лишь своимъ тѣломъ, въ которомъ онъ играетъ роль живого инвентаря; а остальную четверть времени, когда онъ не спитъ, рабочій посвящаетъ отдыху, проводя его въ семьѣ, въ библіотекѣ, въ кабакѣ, на улицѣ—

забавлялсь, поучаясь, и этимъ нѣсколько парализуя неблагопріятные физіологическіе и индивидуально-психологическіе результаты принижающаго вліянія фабрики, но не имѣя возможности въ сколько-нибудь значительной степени развивать въ себѣ активныя соціально-психологическія свойства? Пройдя такую школу, пролетарій оказывается воспитаннымъ для пассивнаго выполненія чужой мысли, для согласнаго участія въ несложныхъ актахъ; онъ можетъ поэтому хорошо съиграть разрушительную роль и созидательную — насколько замыселъ принадлежитъ не ему, но не пріобрѣтаетъ способностей, необходимыхъ для самостоятельнаго разрѣшенія возникающихъ въ жизни задачъ. Иначе говоря, какъ въ прошедшемъ и настоящемъ пролетарій является податливымъ матеріаломъ для созданія формъ жизни, задумываемыхъ буржуазіей; такъ въ будущемъ онъ могъ бы удобно выливаться въ новыя формы, соотвѣтствующія уже его интересамъ, если бы нашлись лица, способныя указать эти формы. Поэтому, насколько можно ожидать замѣны нынѣ господствующаго метода эволюціи общественныхъ отношеній, — путемъ жизненныхъ столкновеній активно участвующихъ въ процессѣ лицъ и группъ, — методомъ планомѣрнаго ихъ преобразованія на основаніи безспорныхъ данныхъ науки, — настолько пролетарій — предполагая, что по своему образованію онъ въ состояніи понять и подчиниться руководству ученыхъ — можетъ считаться пригоднымъ элементомъ для будущаго соціальнаго сложенія. При противоположномъ же условіи нужно считать, что тѣ страны, гдѣ масса населенія, постепенно пріобщающаяся къ числу активныхъ агентовъ исторіи, состоитъ изъ пролетаріевъ, ставятся въ условія, мало благопріятныя для созданія удобныхъ и прочныхъ формъ соціальнаго быта.

Въ противоположность сказанному о капиталистическомъ строѣ, соціальная организація Россіи представляетъ хорошую почву для развитія въ массѣ населенія психическихъ свойствъ, облегчающихъ процессъ приспособленія общественныхъ формъ къ потребностямъ человѣка, путемъ самодѣятельности этой самой массы, путемъ такъ называемаго коллективнаго творчества. Положеніе самостоятельнаго хозяина развиваетъ въ земледѣльцѣ иниціативу и способность разрѣшенія различныхъ практическихъ затрудненій. Необходимость согласованія своей дѣятельности съ интере-

сами и требованіями сообщественниковъ ведетъ къ развитію въ населеніи способности къ соціальному, такъ сказать, взаимоприспособленію. Ограниченіе игры личнаго интереса необходимостью подчиненія его интересу другого, идеѣ общей пользы — какъ результатъ общиннаго владѣнія землей — способствуетъ образованію психическаго типа съ задатками высокихъ альтруистическихъ чертъ. Непосредственное участіе всѣхъ членовъ общества въ разрѣшеніи множества весьма существенныхъ для интересовъ каждаго мірскихъ дѣлъ, — причемъ въ народѣ замѣчается стремленіе разрѣшать спорные вопросы не путемъ образованія въ пользу извѣстнаго мнѣнія достаточнаго большинства, а, по возможности, примиреніемъ требованій всѣхъ заинтересованныхъ лицъ — служитъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для развитія способности къ солидарной дѣятельности [1]). Совокупнымъ вліяніемъ перечисленныхъ обстоятельствъ въ русскомъ народѣ создается психологически подготовленная почва не для стадныхъ дѣйствій подъ руководствомъ вожака, а для самостоятельнаго соціальнаго творчества, путемъ работы коллективной мысли, каковое обстоятельство обезпечиваетъ практичность, оригинальность и разно-

---

[1]) Система мѣстнаго самоуправленія, основанная на непосредственномъ участіи всѣхъ членовъ союза въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ, сохранившаяся, кромѣ Россіи, еще въ сельскихъ общинахъ Швейцаріи и сельскихъ округахъ нѣкоторыхъ Штатовъ Сѣверо-Американскаго союза, по мнѣнію Брайса, „болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ образовательное вліяніе на гражданъ, принимающихъ въ ней участіе; сходки сельскихъ округовъ въ Америкѣ не только были источникомъ демократическихъ идей, но и служили школой для демократовъ“... Сельскіе округа „по сіе время служатъ настоящими центрами для политической жизни въ И. Англіи (штатъ Сѣв.-Американскаго союза) и солиднымъ фундаментомъ для той организаціи самоуправленія, которою восхищались европейскіе философы и которой старались подражать новые западные штаты“. Знаменитый президентъ Сѣв.-Амер. Шт., Джефферсонъ, говоритъ о нихъ слѣдующее: „общины служатъ жизненнымъ принципомъ для мѣстнаго управленія; онѣ оказались самымъ мудрымъ изобрѣтеніемъ, какое когда-либо было придумано человѣческимъ умомъ для введенія полнаго самоуправленія и для его устойчивости... Катонъ оканчивалъ каждую изъ своихъ рѣчей словами: Carthago delenda est, а я оканчиваю каждую изъ высказанныхъ мною мыслей словами: „раздѣляйте графства на общины“ (Американская республика, т. II, гл. 48).

сторонность результатовъ этого творчества, а слѣдовательно и возможность развитія въ будущемъ высокихъ соціально-бытовыхъ формъ.

Отсюда само собой вытекаетъ заключеніе, что ни подъ какимъ видомъ, даже подъ условіемъ широкой свободы, не должна Россія разставаться со своей экономической организаціей, обезпечивающей трудящемуся самостоятельное положеніе въ производствѣ; такъ что и возможныя политическія формы подлежатъ оцѣнкѣ прежде всего съ точки зрѣнія сохраненія и дальнѣйшаго развитія основныхъ чертъ промышленной организаціи страны. Поэтому же примириться съ тѣмъ, что вмѣсто существующаго въ Россіи строя разовьется сухо-эгоистическій, а, имѣя въ виду некультурность страны, и грубый, буржуазный порядокъ, съ его безпринципностью и безграничнымъ индивидуализмомъ, что этотъ строй непосредственно, стихійно преобразуетъ и психическое содержаніе подчиненной ему массы населенія; примириться и встрѣчать новые порядки не съ болью въ сердцѣ и повинуясь только безъапелляціонно-установленнымъ неотвратимымъ законамъ соціальнаго развитія, а съ торжествомъ и съ игнорированіемъ при этомъ всѣхъ указаній на соціологическую нераціональность ожиданій преобладанія этого строя въ Россіи; и не только примириться, но и призывать новые порядки — значитъ показать, что высокія идеальныя представленія утратили свою власть надъ нашей мыслью, что мы дѣйствительно готовы реабилитировать жизнь, какова бы она ни была, что наша интеллигенція заражается той же безъидейностью и безъидеальностью, какая такъ характерна для западной буржуазной интеллигенціи послѣдняго двадцатипятилѣтія.

IV.

Наше предположеніе объ интеллектуальномъ упадкѣ, какъ условіи распространенія разсматриваемой теоріи въ Россіи, подтверждается разсмотрѣніемъ того, что можно бы назвать психологіей этой идеи. Извѣстно, что въ послѣднее десятилѣтіе въ нашемъ обществѣ обнаружился нѣкоторый интересъ къ мета-

физическимъ системамъ философіи и попытки примѣненія принциповъ и методовъ метафизики къ оцѣнкѣ различныхъ явленій и вопросовъ русской жизни. Мы бы ничего не имѣли противъ такого направленія, если бы результатомъ его было образованіе стройнаго міросозерцанія, способнаго вселить въ общество недостающія ему вѣру въ идеалъ и энергическое стремленіе къ осуществленію послѣдняго. Мы знаемъ изъ исторіи, что при прямо противоположныхъ системахъ философскихъ возможно построеніе совершенно одинаковыхъ практическихъ формулъ и наоборотъ, что исходя изъ однихъ и тѣхъ же абстрактныхъ положеній или примѣняя одинаковые методы разсужденія, можно прійти къ радикально расходящимся заключеніямъ. Такимъ образомъ, тѣ или другія философскія начала въ системѣ общественнаго міросозерцанія играютъ роль остова и цемента, связывающихъ во-едино представленія и понятія, образовавшіяся не философскимъ, а такъ сказать жизненнымъ путемъ. Если, сообразно направленію мысли даннаго общества, этотъ остовъ и цементъ составляется изъ элементовъ философіи научной или положительной — тѣмъ лучше; но если общество склонно къ метафизическимъ абстракціямъ, пусть оно ткетъ связь для своихъ представленій изъ нитей метафизики; но только пусть оно стремится къ систематизаціи воззрѣній и своей дѣятельностью докажетъ, что эти послѣднія составляютъ его кровныя убѣжденія, а не простое украшеніе. Пробнымъ камнемъ серьезности, а слѣдовательно, законности увлеченія нашего общества метафизикой и будетъ служить характеръ построеннаго на этомъ основаніи міросозерцанія, степень воодушевленія и энергіи, какая будетъ проявлена въ дѣлѣ приложенія идеи къ жизни. Пусть повторится интеллектуальное оживленіе 40-хъ или 60-хъ годовъ, и та система философіи, на почвѣ которой произойдетъ это оживленіе, съ такимъ же правомъ можетъ претендовать на признаніе ея цѣлесообразности для современнаго общества (по Сенькѣ и шапка!), съ какимъ признается историческая своевременность преобладанія среди нашей интеллигенціи гегеліанства въ 40-хъ и матеріализма въ 60-хъ годахъ.

До сихъ поръ однако мы не только не замѣчаемъ напряженной умственной работы общества по части перестройки его

міросозерцанія, и воодушевленной практической дѣятельности, но скорѣе можемъ констатировать наличность прямо противоположныхъ явленій, а въ такомъ случаѣ наклонность къ метафизическимъ представленіямъ и умствованіямъ, насколько таковая существуетъ, мы имѣемъ право считать однимъ изъ признаковъ интеллектуальнаго регресса русскаго общества вообще, научной его мысли въ частности.

Съ этой точки зрѣнія интереснымъ представляется тотъ фактъ, что метафизическое, такъ сказать, настроеніе мысли, метафизическая повадка ея наблюдается даже среди представителей такихъ теченій, которыя принципіально отвергаютъ метафизику и считаются стоящими на почвѣ положительной науки. Одинъ изъ примѣровъ сказаннаго представляетъ теченіе, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, характеризующееся, между прочимъ, вѣрою въ универсальное значеніе того именно пути экономической эволюціи, какой обозначился въ исторіи Западной Европы.

И по общимъ философско-историческимъ основаніямъ, глася щимъ, что „линія каждаго историческаго движенія неправильна, ибо силы, направляющія движеніе, никогда не бываютъ подчинены опредѣленному закону“ (Карѣевъ), и по конкретнымъ особенностямъ экономической эволюціи Запада,—не могущимъ повториться въ ихъ совокупности ни въ какой другой странѣ, позже выступившей на путь прогрессивнаго развитія—универсальный характеръ законовъ этой именно эволюціи, какъ законовъ историческихъ, долженъ быть положительно отвергнутъ. При научномъ отношеніи къ предмету вмѣсто вопроса о всеобщемъ законѣ развитія, одинаково приложимомъ и къ Англіи, и къ Китаю, — если послѣдній проснется отъ долголѣтняго сна,—рѣчь могла бы идти лишь о томъ, позволительно ли ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ та или другая, опредѣленная страна повторила нѣкоторые моменты, пройденные другою. Вопреки же высказанному, разсматриваемое направленіе нашей общественной мысли разсуждаетъ такимъ образомъ, какъ будто бы каждое прогрессирующее общество, въ формахъ осуществленія прогресса, зависитъ не отъ той или другой комбинаціи разнообразныхъ теченій,—„то спутывающихся до безко-

нечности, то слагающихся въ нѣсколько отграниченныхъ системъ, то сближающихся, то удаляющихся, то идущихъ по одному направленію, то по разнымъ“ (Карѣевъ),—комбинаціи, неодинаковой въ разныхъ странахъ и приводящей къ различнымъ результатамъ, — а зависитъ отъ какого-то однообразнаго „закона“, какъ бы обязательно кѣмъ-то или чѣмъ-то налагаемаго на общество. Такой фаталистическій взглядъ на процессъ прогрессивнаго развитія человѣчества находится въ полномъ противорѣчіи съ научной философіей исторіи, но за то вполнѣ соотвѣтствуетъ метафизическимъ системамъ послѣдней. „Разъ дѣло идетъ не о смѣнѣ принциповъ, а о смѣнѣ формъ,—говоритъ профессоръ исторіи, Н. И. Карѣевъ,—невозможно ожидать, чтобы формула, положимъ соціальнаго прогресса, выведенная изъ исторіи однѣхъ странъ, могла цѣликомъ приложиться къ другимъ. Гораздо проще указать на исходный пунктъ прогрессивнаго движенія и на окончательный идеалъ, отмѣтивъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ законы біологіи, психологіи и соціологіи, которые дѣлаютъ возможнымъ движеніе именно въ смыслѣ постепеннаго достиженія этого идеала, хотя бы въ каждомъ данномъ случаѣ пути, къ нему ведущіе, и не были одинаковы. Формула прогресса должна указать только на общую тенденцію, а не частныя средства прогресса, ибо послѣднія въ разныхъ случаяхъ будутъ непремѣнно различны, смотря по условіямъ, среди которыхъ приходится дѣйствовать этой тенденціи“ [1]).

Такъ говоритъ научная философія исторіи, но не такъ учитъ телеологическая система, основывающаяся на предположеніи, что извѣстный ходъ исторіи „былъ нуженъ для какой-либо цѣли“ и метафизическая, утверждающая, что онъ вытекаетъ „изъ самой внутренней сущности историческаго процесса“. Діалектическая или метафизическая историософическая теорія еще менѣе научна, нежели телеологическая: „явленіе міра еще можно объяснить телеологически (съ точки зрѣнія цѣлесообразности), ибо цѣль все-таки есть слѣдствіе причины, а средство — причина слѣдствія, и телеологія есть только превращеніе причинности; но объяснить при помощи одной логики изъ какой-либо абстракт-

[1]) Общіе вопросы философіи исторіи, т. II, стр. 207—208.

ной идеи необходимость той или другой координаціи дѣйствительно бывшихъ фактовъ, значитъ взять на себя слишкомъ много". То-же самое можно сказать и о теоріяхъ, имѣющихъ въ виду не объясненіе прошедшаго, а предсказаніе будущаго. Въ чистомъ видѣ обѣ послѣднія системы встрѣчаются теперь рѣдко, но соединеніе ихъ съ эмпирическимъ воззрѣніемъ — явленіе, весьма распространенное [1]). Разсматриваемое нами воззрѣніе съ его чуть не абсолютнымъ закономъ экономической эволюціи и есть соединеніе метафизической точки зрѣнія съ эмпирическій.

Метафизическая повадка мысли просвѣчиваетъ и въ другой части воззрѣній разсматриваемаго теченія среди нашей интеллигенціи. Извѣстно, что Марксу приписывается заслуга придапія теоріи соціализма, раньше носившаго утопическій характеръ, характеръ научный. Научность марксовскаго соціализма заключается въ томъ, что осуществленіе соотвѣтствующихъ идеаловъ въ дѣйствительной жизни Западной Европы разсматривается имъ, какъ естественный результатъ развивающихся общественныхъ отношеній, какъ самый вѣроятный исходъ давно идущей борьбы реальныхъ силъ, при тѣхъ реальныхъ условіяхъ, какія создаются самимъ капиталистическимъ режимомъ, насколько таковой могъ быть выяспенъ въ то время, когда слагалось ученіе Маркса. „Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ другихъ,— такъ излагаетъ Марксъ вѣроятный дальнѣйшій ходъ процесса экопомической эволюціи на Западѣ. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ или экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное технологическое приложеніе науки, цѣлесообразная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбинированнаго, общественнаго труда. Вмѣстѣ съ постоянно умепьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуа-

[1]) Id., т. I, стр. 55—56.

тація, но также и возмущеніе рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства". При такихъ реальныхъ условіяхъ борьбы двухъ классовъ, полная побѣда одного изъ нихъ представляется почти несомнѣнной, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятнымъ становится и экономическое преобразованіе общества. „Превращеніе разрозненной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ индивидовъ, въ капиталистическую,—поясняетъ авторъ,—есть, разумѣется, процессъ несравненно болѣе медленный, тяжелый и трудный, чѣмъ обращеніе капиталистической частной собственности, фактически основывающейся уже на общественной эксплуатаціи средствъ производства, въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими, здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ народомъ" [1]).

Какъ видитъ читатель, изложенная часть ученія Маркса покоится на совершенно реальныхъ основаніяхъ; съ научной точки зрѣнія она вполнѣ законная гипотеза, такъ какъ осуществленіе извѣстной идеи она ставитъ въ зависимость не отъ безличнаго абстрактнаго „закона", а отъ извѣстныхъ, несомнѣнно обнаружившихся въ дѣйствительной жизни тенденцій, чѣмъ самимъ дается возможность исправлять гипотезу, по мѣрѣ того, какъ обусловливающія ея законность отношенія дѣйствительности обнаружатъ новыя черты, Марксомъ не предусмотрѣнныя, и способныя измѣнить направленіе равнодѣйствующей всѣхъ силъ, столкновеніемъ которыхъ образуется то, что называется историческимъ процессомъ. А за послѣднія 30 лѣтъ соціальная эволюція несомнѣнно обнаружила много такого, что Марксомъ предвидѣно не было, хотя уже и чувствовалось, судя по крайней мѣрѣ, потому, что онъ все отлагалъ и отлагалъ окончаніе своего извѣстнаго труда, задачей котораго было построеніе законченной теоріи капитализма.

Такъ, по ходу дѣлъ въ Западной Европѣ тридцать лѣтъ назадъ, Марксъ заключилъ, что процессъ капитализаціи, т.-е.

---

[1]) Капиталъ, т. I, стр. 650.

созданіе крупной формы производства, руководимой капиталомъ, обниметъ всю промышленность, вслѣдствіе чего производительный классъ будетъ состоять исключительно изъ пролетаріевъ, и возможная форма производства будетъ только крупная. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности земледѣльческая промышленность продолжаетъ оставаться на половину въ рукахъ мелкихъ производителей, и условія новѣйшаго времени, какъ мы видѣли выше, пожалуй менѣе благопріятны для капиталистической, хотя бы и крупной, формы производства, нежели для народной, хотя бы и мелкой. Отсюда вытекаетъ двойное ограниченіе теоріи Маркса; во-первыхъ, обращеніе единоличнаго производства въ коллективное, если таковое совершится въ области земледѣлія, будетъ закончено не капиталистическимъ путемъ; во-вторыхъ, соціальная структура общества будетъ сильно различаться съ тою, какая гипотетически нарисована Марксомъ, вслѣдствіе чего на сценѣ политической жизни окажутся не милліоны пролетаріевъ съ одной стороны и кучка капиталистовъ съ другой, а кромѣ тѣхъ и другихъ — еще многочисленный классъ мелкихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ, отъ которыхъ въ огромной степени будетъ зависѣть возможность того или другаго общественнаго преобразованія.

Вмѣстѣ съ указаннымъ ослабленіемъ, сравнительно съ предсказаніемъ теоріи, стороны осаждающей, пролетаріата, новѣйшая эволюція капиталистическаго строя обнаруживаетъ тенденціи, приводящія къ усиленію стороны осажденной. По мысли Маркса (а также и по мнѣнію другихъ старыхъ соціологовъ — Конта, Кэрнса, Фаусета) капиталъ долженъ постепенно сосредоточиваться все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, такъ что число лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи капиталистическаго режима, постоянно сокращается, пока не обратится, наконецъ, въ небольшую кучку, эксплуатирующую цѣлый народъ. Причина же указанной концентраціи капитала заключается въ необходимости, для успѣха въ борьбѣ, все бо́льшаго и бо́льшаго расширенія размѣра промышленныхъ предпріятій, которыя до недавняго времени принадлежали главнѣйшимъ образомъ отдѣльнымъ капиталистамъ. Но въ послѣднее время колесо капиталистической эволюціи сдѣлало новый оборотъ и не въ томъ на-

правленіи, какое диктуется теоріей. Тенденція къ сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ одного управленія продолжаетъ существовать по-прежнему и даже усилилась, но вмѣстѣ съ этимъ наблюдается не сокращеніе, а огромное возрастаніе числа, если не капиталистовъ въ обычномъ смыслѣ слова, то во всякомъ случаѣ лицъ, вкладывающихъ въ различныя предпріятія свои сбереженія. Крупныя промышленныя предпріятія все больше начинаютъ вестись при помощи акціонерныхъ компаній, путемъ привлеченія къ дѣлу мелкихъ капиталовъ (выпускомъ акцій и облигацій), вслѣдствіе какового обстоятельства число лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго строя, возрастаетъ громадно, и осаждаемая пролетаріями крѣпость защищается уже не мелкой кучкой предводителей безъ солдатъ, а довольно значительной и постоянно растущей арміей.

Кромѣ указаннаго измѣненія структуры капиталистическихъ обществъ, приводящаго къ механическому ослабленію пролетаріата и усиленію капиталистовъ, въ современныхъ обществахъ наблюдается тенденція къ внутреннему ослабленію пролетаріата, какъ революціонной силы, тенденція превращенія революціоннаго пролетаріата въ эволюціонный.

По разсматриваемой нами теоріи Маркса, однимъ изъ условій, обезпечивающихъ прекращеніе капиталистическаго режима, является то обстоятельство, что, по мѣрѣ развитія капиталистическаго строя „возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатація рабочаго класса“, — параллельно которымъ развивается и его возмущеніе противъ существующихъ порядковъ. Такія явленія, дѣйствительно, наблюдаются на первыхъ ступеняхъ развитія капитализма, но, по мѣрѣ организаціи пролетаріата, онъ начинаетъ пріобрѣтать то вліяніе въ обществѣ, какое соотвѣтствуетъ ему, какъ крупной механической—экономической и политической—силѣ, и понемногу заставляетъ капиталистовъ—и непосредственно и черезъ посредство государства,—умѣрять свою эксплуатацію и дѣлиться съ рабочимъ частью своихъ барышей. Однимъ изъ средствъ этой по существу нереволюціонной борьбы классовъ, борьбы на почвѣ существующаго, со стороны рабочихъ является организація ихъ въ союзы для осуществленія своихъ требованій, если понадобится, при по-

мощи стачекъ. Насколько распространенъ этотъ способъ борьбы, и какіе онъ даетъ результаты, видно изъ отчета англійскаго департамента промышленности о стачкахъ въ 1890 г. Число стачекъ достигало 1,028, въ нихъ принимали участіе рабочіе 4,382 промышленныхъ заведеній. Путемъ стачекъ было достигнуто возвышеніе заработной платы для 182,637 рабочихъ на 28,188 фунт. стерлинговъ или на 200 тысячъ металлическихъ (около 280 т. кредитныхъ) рублей въ недѣлю, что составляетъ 40 р. металлическихъ (70 р. кредитныхъ) въ годъ на человѣка; и достигнуто сокращеніе времени работы для 31,318 человѣкъ на 3 часа въ недѣлю. Гораздо бо́льшія выгоды получили рабочіе путемъ мирныхъ переговоровъ съ хозяевами: 225,710 рабочихъ достигли возвышенія своего заработка на 100,000 фунт. ст., т.-е. на милліонъ кредитныхъ рублей [1]). Такимъ образомъ союзы для стачекъ приносятъ рабочимъ наибольшую выгоду однимъ фактомъ своего существованія. Хозяину достаточно знать о томъ, что его рабочіе могутъ прекратить работу, чтобы получить расположеніе удовлетворить по возможности ихъ требованія. А если такъ, то этотъ разорительный для обѣихъ сторонъ способъ борьбы—при помощи стачекъ—можетъ понемногу уничтожиться, и законныя, т.-е. доступныя удовлетворенію, требованія рабочихъ будутъ осуществляться путемъ соглашенія сторонъ. Уже и теперь многіе фабриканты, отказывая рабочему союзу въ его требованіи повысить заработную плату, ссылаются на свои малые доходы и для провѣрки правильности этого утвержденія открываютъ рабочимъ счетныя книги. Уже сдѣланы попытки учрежденія особыхъ камеръ изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ, задача которыхъ—оцѣнивать положеніе данной промышленной отрасли съ цѣлью возможнаго удовлетворенія требованій, предъявляемыхъ рабочими или хозяевами. При такомъ направленіи классовой борьбы, послѣдняя начинаетъ терять свой боевой характеръ, характеръ вражды, и отношенія между капиталистами и рабочими понемногу обращаются въ договорныя отношенія союзниковъ, устанавливающихъ участіе каждой стороны въ предпріятіи на основаніи тщатель-

---

[1]) Русскія Вѣдомости, 1892 г., № 34.

ной оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія превращенія боевыхъ отношеній классовъ въ союзническія большой интересъ представляетъ бывшая въ прошломъ году стачка углекоповъ въ Англіи, обнявшая до 400 тысячъ рабочихъ и предпринятая настолько же въ интересахъ хозяевъ, какъ и рабочихъ.

„Дѣло началось съ того, что нѣкоторые хозяева угольныхъ копей, въ виду громаднаго накопленія запасовъ угля и упадка его рыночной цѣны, объявили, что они понизятъ рабочую плату или разсчитаютъ часть рабочихъ. Углекопы, до которыхъ это касалось, обратились къ синдикату своего ремесла. Тамъ рѣшено было произвести всеобщую стачку углекопамъ этой организаціи (по огромному числу рабочихъ этой отрасли труда они образуютъ нѣсколько организацій, совершенно независимыхъ одна отъ другой). Особенность этой стачки въ томъ, что она происходитъ не противъ той или другой группы хозяевъ, не въ видахъ принудить ихъ не понижать заработной платы и пожертвовать своимъ барышемъ, но въ видахъ того, чтобы, при остановкѣ углекопной работы, дать возможность складамъ угля освободиться отъ излишняго его количества, поддержать рыночную цѣну угля и тѣмъ самымъ позволить хозяевамъ копей, безъ убытка для себя, поддержать на прежней высотѣ заработную плату“ [1]). Эта стачка сохранила хозяевамъ угольныхъ копей 600 т. фунт. ст. заработной платы и дозволила имъ продать запасъ угля по возвышенной цѣнѣ. Такимъ образомъ, по существу, эта стачка является отказомъ рабочихъ на 2 недѣли отъ своей доли въ общемъ у нихъ съ хозяевами предпріятіи, отказомъ, имѣющимъ цѣлью улучшеніе послѣдняго безъ большихъ пожертвованій для ихъ патрона, но насчетъ хозяевъ другихъ предпріятій. Правъ поэтому корреспондентъ Русскихъ Вѣдомостей въ своемъ мнѣніи, что разсматриваемый случай есть „борьба новаго рода между различными крупными отраслями индустріи, гдѣ въ каждой отрасли трудъ соединяется съ капиталомъ для борьбы съ другою такою же коалиціею труда и капитала, на зло теоріи борьбы между отдѣльными классами“.

---

[1]) Русскія Вѣдомости, 1892 г., № 62.

Такимъ образомъ, на ряду съ различными тенденціями общественной жизни Запада, среди рабочаго класса въ послѣднее время ясно обнаружилась тенденція примирительная по отношенію къ существующему строю, въ которомъ онъ обрѣлъ, наконецъ, точку опоры, коей лишенъ былъ раньше. Это обстоятельство вмѣстѣ съ другими новыми явленіями, непредвидѣнными Марксомъ, и о которыхъ мы говорили выше, даетъ право ввести поправки въ разсужденіе названнаго автора относительно вѣроятнаго направленія экономической эволюціи въ недалекомъ будущемъ, въ силу которыхъ удовлетвореніе тѣхъ требованій относительно матеріальной обезпеченности, на какія имѣетъ право рабочій, какъ членъ единаго прогрессирующаго общества, будетъ въ значительной степени достигаться на почвѣ существующаго строя, и вопросъ объ упраздненіи послѣдняго потеряетъ острый характеръ,—если классъ капиталистовъ окажется настолько чуткимъ къ требованіямъ времени или подчиненнымъ обстоятельствамъ, чтобы не отказываться категорически отъ раздѣла постоянно растущаго національнаго богатства съ рабочими, въ пропорціи все болѣе и болѣе благопріятной для послѣднихъ. Можно съ извѣстной степенью вѣроятности предположить, что, въ общемъ, дѣло будетъ складываться такимъ образомъ, что нѣкоторыя отрасли промышленности, въ интересѣ общественной пользы, станутъ постепенно переходить подъ управленіе правительства или общественныхъ учрежденій, подобно тому, какъ это наблюдается въ настоящее время по отношенію къ почтѣ, телеграфу и частью къ желѣзнымъ дорогамъ; что въ другихъ отрасляхъ разовьется кооперативное производство; третьи будутъ неопредѣленно долгое время оставаться въ частныхъ рукахъ, которыя сами потеряютъ теперешній характеръ деспотическихъ хозяйскихъ рукъ и въ значительной степени приблизятся къ типу рукъ приказчичьихъ, съ собственнымъ капиталомъ въ предпріятіи. Словомъ, естественно ожидать, что въ ближайшемъ будущемъ Европы будетъ продолжаться уже начавшійся процессъ постепеннаго ослабленія неравномѣрности въ распредѣленіи національнаго богатства между различными классами общества, причемъ въ различныхъ промышленныхъ отдѣлахъ одного общества, и еще болѣе въ различныхъ обществахъ, указанная цѣль

будетъ достигаться неодинаковыми средствами, такъ что вопросъ объ однообразной, соціалистической организаціи всей промышленности представляется для Западной Европы вопросомъ такого отдаленнаго будущаго, что было бы болѣе, чѣмъ рискованно, строить теперь насчетъ его какія-либо опредѣленныя предсказанія.

Мы не имѣемъ здѣсь цѣлью разсматривать степень относительной вѣроятности того или другого предположенія касательно будущаго строя общества, а желаемъ только сдѣлать понятной мысль о томъ, что настаивать на предсказаніи наступленія какого-либо порядка развитія явленія, какъ неизбѣжнообязательнаго для данной страны и тѣмъ болѣе для всѣхъ цивилизованныхъ націй,—невозможно, и вмѣсто такихъ предсказаній позволительно лишь констатировать существованіе въ данное время извѣстныхъ тенденцій, съ поясненіемъ, что сила этихъ тенденцій будетъ давать соотвѣтствующее направленіе эволюціи общества лишь въ теченіе опредѣленнаго, можетъ быть даже очень непродолжительнаго, времени, такъ какъ самый процессъ эволюціи порождаетъ новыя условія, дающія начало новымъ тенденціямъ, опредѣлить характеръ которыхъ заранѣе рѣшительно невозможно. Для примѣра мыслимости новыхъ радикальнѣйшихъ измѣненій въ экономической области, укажемъ на то, что въ техническомъ искусствѣ на очереди стоятъ двѣ задачи,—приложеніе къ производству электрической силы, сокращающей въ огромныхъ размѣрахъ потребность въ концентраціи производства, и лабораторное приготовленіе бѣлковыхъ веществъ, смягчающее зависимость человѣка въ дѣлѣ добыванія пищи отъ земли,—удачное разрѣшеніе которыхъ будетъ имѣть слѣдствіемъ глубокія соціальныя превращенія. Но ходъ общественной жизни зависитъ не отъ одной техники; каждый слѣдующій шагъ общества, будучи результатомъ предшествующихъ обстоятельствъ,—полностью далеко намъ неизвѣстныхъ,—создаетъ въ свою очередь условія, вліяющія на будущее, и мы, знающіе, да и то плохо, лишь микроскопическую долю всѣхъ вліяній, опредѣляющихъ развитіе человѣчества, должны быть довольны, если можемъ съ вѣроятностью указать, какія главныя тенденціи дѣйствуютъ въ данное время, въ данномъ обществѣ — не больше.

Пытаясь же, исходя изъ этихъ тенденцій, нарисовать картину ожидаемой дѣйствительной эволюціи общества, мы вступаемъ въ область гипотезъ, хотя и научныхъ по своему характеру, но тѣмъ не менѣе все-таки гипотезъ, съ различной степенью вѣроятности, въ зависимости отъ того, сколь большое число посылокъ принято нами во вниманіе, предвидѣно ли возможное измѣненіе нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ тенденцій, уловлены ли вновь зарождающіяся условія эволюціи и т. д.

Къ числу такого рода гипотезъ принадлежитъ разсматриваемая нами гипотеза Маркса, научный характеръ которой подтверждается именно тѣмъ обстоятельствомъ, что, оставаясь на почвѣ разсужденій автора и лишь вводя въ него новыя данныя, мы получаемъ возможность внести въ его теорію требуемыя измѣненія, развить ее дальше. Этотъ научный характеръ, повторяемъ, обусловливается тѣмъ, что въ основѣ теоріи лежатъ обобщенія фактовъ дѣйствительной жизни, доступныя провѣркѣ каждаго; что процессъ общественной эволюціи представляется въ ней, какъ процессъ, возникающій изъ разнообразныхъ отношеній между людьми, а не какъ процессъ саморазвивающейся идеи, какъ бы играющей людьми, какъ простыми пѣшками. Таковъ внутренній характеръ и таково происхожденіе гипотезы Маркса.

Но этотъ авторъ—не только замѣчательный ученый, но и сынъ своего времени; онъ воспитанъ на философіи Гегеля и на всю жизнь сохранилъ нѣкоторыя ея вліянія. Такъ, онъ большой приверженецъ діалектической формы развитія идеи, и хотя самыя идеи добыты имъ обыкновенными методами научнаго изслѣдованія, но въ ихъ изложеніи онъ охотно прибѣгаетъ къ метафизическимъ пріемамъ или употребляетъ излюбленную метафизиками фразеологію, иногда затемняя этимъ реальный характеръ идеи, вслѣдствіе чего нѣкоторые читатели склонны будутъ придавать ей слишкомъ абсолютный характеръ и забывать о ея относительномъ, такъ сказать, значеніи. Такой оборотъ имѣли заключенія Маркса относительно экономической исторіи Европы, вслѣдствіе чего его формулированіе конкретныхъ законовъ *этого* только развитія нѣкоторыми было принято за признаніе съ его стороны ихъ универсальнаго значенія. Такой же внѣшній мета-

физическій характеръ придавался нѣкоторыми оборотами рѣчи и его гипотезѣ о послѣдующей судьбѣ капитализма въ Европѣ (экспропріація капиталиста „совершается дѣйствіемъ имманентныхъ — т.-е. постоянныхъ, присущихъ ему — законовъ самого капиталистическаго производства", „отрицаніе капиталистическаго производства совершается имъ же самимъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса" и т. д.). И вотъ, часть нашихъ послѣдователей этого знаменитаго мыслителя,—ставя на второй планъ методъ его изслѣдованія и реальную основу его заключеній, которыми обусловливается частный, относительный характеръ его историческихъ построеній, и увлекаясь главнымъ образомъ формою, какую онъ придавалъ этимъ послѣднимъ,—потеряли нить для различенія общихъ, соціологическихъ законовъ его ученія, примѣнимыхъ всюду, гдѣ встрѣтятся явленія, коихъ эти законы касаются (въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напр., законъ тяжести примѣнимъ и къ летающему воздушному шару), и частныхъ, историческихъ формулъ, относящихся только къ опредѣленной комбинаціи условій, формулъ, не могущихъ быть переносимыми съ одной почвы на другую, такъ какъ для каждой страны необходимо самостоятельное построеніе схемы ея эволюціи, частью на основаніи общихъ соціологическихъ законовъ, формулированныхъ и Марксомъ, но сопоставленныхъ съ данными, характерными для извѣстнаго общества, частью на основаніи положеній, Марксомъ еще не изслѣдованныхъ. Такъ какъ самостоятельное построеніе формулы экономическаго развитія Россіи требуетъ огромнаго труда, отъ котораго можно избавиться обращеніемъ формулъ частныхъ эволюцій въ общіе законы, — для чего достаточно замѣтить и подчеркнуть въ этихъ формулахъ по преимуществу ихъ метафизическую внѣшность, послѣ чего получается какъ бы непосредственное руководящее начало въ сложномъ лабиринтѣ дѣйствительной жизни,—то при извѣстныхъ вліяніяхъ со стороны общественной атмосферы—нравственнаго характера (располагающихъ человѣка примириться съ содержаніемъ извѣстной идеи) и интеллектуальнаго (не располагающихъ къ самостоятельной научной работѣ, склоняющихъ къ метафизикѣ и т. д.),—естественно, если въ обществѣ проявится тенденція именно къ такому трактованію предмета.

Метафизическій характеръ воззрѣній разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли отразился и на практическихъ его заключеніяхъ. При естественномъ, оправдываемомъ наукой и потребностями практической жизни, воззрѣніи на общественныя отношенія, послѣднія представляются намъ, какъ результатъ столкновеній отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ лицъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ своихъ чувствъ, потребностей, интересовъ; и степень цѣлесообразности и, такъ сказать, законности этихъ отношеній измѣряется тѣмъ, насколько они даютъ каждой личности и каждой группѣ лицъ просторъ для дѣятельности, направленной къ достиженію намѣченныхъ ими цѣлей. Извѣстная законосообразность въ развитіи этихъ отношеній есть явленіе не самостоятельное, а обусловленное свойствами осповныхъ факторовъ этихъ отношеній—человѣка съ его чувствами, способностями и потребностями съ одной стороны и внѣшней природы—съ другой. Конечно, каждое измѣненіе общественныхъ отношеній происходитъ съ фатальной необходимостью въ томъ смыслѣ, что при данной комбинаціи производящихъ причинъ слѣдствіе можетъ быть только строго опредѣленное. Но это обстоятельство не составляетъ спеціальнаго свойства общественныхъ отношеній, а есть общій законъ природы, и его распространеніе на человѣческую жизнь вообще и общественную сторону таковой въ частности не исключаетъ необходимости разсмотрѣнія индивидуальной и общественной жизни съ тѣхъ точекъ зрѣнія, какія представляются имѣющими важное значеніе съ научной и практической стороны.

При встрѣчѣ съ извѣстной общественной перемѣной, важнѣйшими для человѣка вопросами являются вопросы о томъ, какъ новая форма выросла изъ предшествующаго состоянія и отразится на послѣдующемъ, и какъ она повліяетъ на благополучіе лицъ, составляющихъ общество; т.-е. каждое измѣненіе разсматривается со стороны его генетической связи съ окружающимъ и съ точки зрѣнія его цѣлесообразности. Интересъ перваго рода есть интересъ, по преимуществу, научный; интересъ второго рода—главнымъ образомъ, практическій. Законосообразность же сама по себѣ, т.-е. именно такая, а не другая послѣдовательность явленій,—не имѣетъ впѣ указанныхъ отно-

шепій никакого значенія для человѣка, никакой обязательной силы надъ его чувствами и умомъ. Еслибы мы даже могли точнѣйшимъ образомъ измѣрить всѣ дѣйствующія вліянія и съ математической точностью предсказать характеръ очереднаго измѣненія данной формы, это имѣло бы лишь одинъ естественный, но зато и стихійный результатъ: оно воодушевило бы лицъ, борющихся въ смыслѣ такого измѣненія, и парализовало бы вѣроятно энергію его противниковъ. Ожидать чего-либо другого, предполагать, напр., что сторона, обреченная на пораженіе или даже сторона нейтральная, сочтетъ своей обязанностью дѣйствовать въ пользу измѣненія не по практическому разсчету получить отъ него для себя какія-либо выгоды, а изъ какого-то почтенія къ неизбѣжно долженствующему совершиться, можно только исходя изъ рабскихъ свойствъ человѣка преклоняться передъ силой. Выставлять же практическимъ требованіемъ воспособленіе неизбѣжному, потому что оно неизбѣжно—во-первыхъ, безцѣльно, такъ какъ неизбѣжное не нуждается въ нашихъ воспособленіяхъ; во-вторыхъ, противуестественно, такъ какъ движущимъ мотивомъ человѣческой дѣятельности служатъ кроющіяся въ самомъ человѣкѣ потребности, а не забота о поддержаніи законосообразности внѣ его находящихся отношеній, къ которымъ онъ относится какъ къ средѣ и какъ къ средству, но не какъ къ цѣли, цѣнной сама по себѣ. Естественнымъ и единственно возможнымъ поведеніемъ людей, въ виду неизбѣжности какого-либо событія, было бы принятіе мѣръ къ возможному ослабленію его вреднаго вліянія; т.-е. познаніемъ неизбѣжности событія они воспользовались бы какъ и всякимъ другимъ знаніемъ: постарались бы извлечь изъ него возможно больше выгодъ для тѣхъ лицъ, коихъ это событіе касается.

Съ человѣческой точки зрѣнія, повторяемъ, общественныя формы и ихъ измѣненія важны постольку, поскольку они связаны съ интересами, съ жизнью и дѣятельностью людей. Живя и дѣйствуя, человѣкъ не думаетъ о созданіи общественныхъ формъ и, тѣмъ не менѣе, создаетъ ихъ; а когда онъ начинаетъ созпавать процессъ образованія этихъ формъ и получаетъ въ силу этого возможность сознательно вліять на ихъ измѣненіе, онъ это дѣлаетъ опять-таки не ради мертвыхъ формъ, а въ интересахъ живыхъ

людей. Итакъ, жизнь, жизнь и опять жизнь—вотъ единственная практическая человѣческая точка зрѣнія на формы общества и ихъ измѣненіе. Поэтому, когда, слѣдя за развитіемъ общественныхъ отношеній, ученый предсказываетъ такое-то направленіе ихъ измѣненія, то, съ практической точки зрѣнія, съ той точки, которая представляетъ интересъ для живыхъ людей,—это значитъ, что дѣятельность людей подвергнется пертурбаціямъ, что одна группа лицъ получитъ преимущества, другая — понесетъ ущербъ. И единственное практическое заключеніе, какое могутъ вывести изъ этого предвидѣнія живые люди, это — заключеніе о необходимости преимущественной помощи слабой, а не сильной сторонѣ, о своевременности принятія такихъ мѣръ, которыя сохранили бы лицамъ, составляющимъ слабую сторону, возможность дальнѣйшаго участія въ жизненной борьбѣ. Нельзя считать безсмысленнымъ и, такъ сказать, незаконнымъ существованіе людей, которымъ неизвѣстны общественные результаты ихъ жизненной сутолоки и процессъ ихъ эволюціи. А когда наука получаетъ возможность познавать эти результаты—право людей участвовать въ жизненной сутолокѣ ради этой самой сутолоки, т.-е. ради потребностей, чувствъ и страстей людскихъ—это право не исчезаетъ. А такъ какъ въ организованныхъ обществахъ права ихъ членовъ реализуются при посредствѣ общественнаго регулированія, то наше познаніе закономообразности извѣстнаго измѣненія не лишаетъ ни одного человѣка права на такую же помощь со стороны общества, какую онъ получилъ бы въ случаѣ, когда бы этого знанія не было; ибо это право основывается на его человѣческомъ достоинствѣ, равномъ у него съ его согражданами, а не на той предполагаемой послѣдовательности общественныхъ явленій, которая еще когда-то наступитъ и осуществится, именно, какъ результатъ реализаціи права на жизнь и дѣятельность всѣхъ лицъ, составляющихъ общество.

Затѣмъ, нужно имѣть въ виду, что общественная эволюція совершается не по прямымъ линіямъ, что „линія каждаго историческаго движенія неправильна, ибо силы, направляющія движенія, никогда не бываютъ подчинены одному опредѣленному

закону“ [1]) или, выражаясь другими словами того же автора, что люди тащутъ исторію въ разныя стороны. Результатомъ сказаннаго бываетъ то, что отношенія въ любой сферѣ жизни не представляются въ данный моментъ во всѣхъ частяхъ однородными, построенными по одному плану, а являются суммою разнородныхъ, такъ сказать, величинъ. И констатируемое наукой измѣненіе этихъ отношеній въ одномъ направленіи не предрекаетъ неизбѣжности распространенія одного плана до полнаго вытѣсненія остальныхъ, а указываетъ на то, что извѣстный планъ вѣроятно получитъ преобладаніе надъ другими. Такъ какъ, съ другой стороны, всякія предвидѣнія дѣлаются лишь съ извѣстной степенью вѣроятности и при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла обстоятельства могутъ сложиться не въ пользу предсказанія; такъ какъ, затѣмъ, сила, съ какою люди тащатъ исторію въ разныя стороны, зависитъ, между прочимъ, отъ энергіи сознательныхъ борцовъ за то или другое направленіе движенія, вслѣдствіе чего всякое приращеніе энергіи въ извѣстномъ направленіи отразится и на равнодѣйствующей силъ, то уловленная законосообразность явленія,—иначе говоря, подмѣченное преобладающее направленіе движенія,—если оно возбудитъ энергію лицъ, тащащихъ исторію по другимъ линіямъ, — можетъ сдѣлаться причиной того, что явленіе повернется въ эту сторону.

Примѣняя все вышеизложенное къ случаю экономической эволюціи Россіи, допуская, что преобладающей тенденціей въ этой эволюціи въ данный моментъ является капиталистическая — посмотримъ къ какимъ практическимъ заключеніямъ приводитъ признаніе этого преобладанія.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что процессъ капитализаціи производства нашей страны гораздо быстрѣе идетъ въ фабрично-заводской промышленности, нежели въ земледѣльческой. Поэтому, выводы, какіе будутъ сдѣланы на этотъ счетъ по даннымъ, относящимся къ первой, представятъ положеніе вещей въ болѣе благопріятномъ для капиталистической тенденціи свѣтѣ, нежели это есть въ дѣйствительности. Обратимся же къ этимъ выводамъ.

---

[1]) Карѣевъ. Id., I, с. 41.

Разсуждая à priori, мы можемъ сказать, что если вопросъ о формахъ организаціи промышленности зависитъ только или главнымъ образомъ отъ техническихъ условій производства, если техническая возможность возвышенія въ данный моментъ до опредѣленной степени производительности труда представляетъ достаточное основаніе для того, чтобы ожидать, что это возвышеніе осуществится въ дѣйствительности, — въ такомъ случаѣ вопросъ о судьбѣ мелкаго промысла въ Россіи сходитъ со сцены, такъ какъ крупное производство имѣетъ столь громадныя техническія преимущества надъ мелкимъ, что оно можетъ уничтожить его въ теченіе одного—двухъ десятилѣтій; а такъ какъ этими преимуществами оно обладаетъ уже въ продолженіе многихъ десятилѣтій и во всякомъ случаѣ обладаетъ со времени освобожденія нашихъ крестьянъ, то, разсуждая логически, слѣдовало бы заключить, что мелкій промыселъ въ Россіи уже уничтоженъ, и вся промышленность страны представляетъ изъ себя рядъ крупныхъ предпріятій, организованныхъ по всѣмъ правиламъ современной техники.

Оставляя же область умозрѣній и обращаясь къ наблюденію дѣйствительности, мы увидимъ, что наше предположеніе о преобладаніи въ экономической эволюціи Россіи технологическихъ началъ надъ соціальными терпитъ полнѣйшее fiasco, такъ какъ вѣроятно ни одна сколько нибудь значительная промышленная отрасль не находится въ исключительномъ подчиненіи техническимъ условіямъ производства. Для поясненія сказаннаго достаточно напомнить, что наиболѣе развитое у насъ производство — бумагопрядильное и ткацкое — въ техническомъ отношеніи стоитъ вдвое ниже англійскаго [1]); это значитъ, что, хотя состояніе техническаго искусства дозволяетъ названнымъ отраслямъ труда достигнуть высокой степени совершенства, но, по соціально-культурнымъ условіямъ даннаго момента, такое возвышеніе производительности труда осуществилось, да и то не вполнѣ, лишь въ Англіи; русская же промышленность оказалась способной подняться всего до половины лѣстницы техническаго совершенства, на верху которой стоитъ англійское производство.

---

[1]) Николай —онъ. Очерки пореформеннаго хозяйства Россіи, с. 207.

Присматриваясь же ближе къ организаціи русской промышленности, мы увидимъ, что вышеуказанное различіе въ степени техническаго совершенства отдѣльныхъ предпріятій извѣстной отрасли промышленности, замѣченное при сравненіи русскихъ предпріятій съ англійскими, наблюдается и въ предѣлахъ территоріи нашей страны. Огромное различіе производительности труда въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, встрѣчается во всѣхъ отрасляхъ промышленности Россіи. Ручное и машинное производства, живой, водяной и паровой двигатели мирно уживаются даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ, по современному состоянію техники, вполнѣ возможно полное примѣненіе машиннаго труда, вмѣсто ручного и механическаго двигателя, вмѣсто живого. Наблюдая же всю совокупность промышленныхъ предпріятій, мы могли бы расположить ихъ въ рядъ, начинающійся самыми мелкими промышленными единицами и заканчивающійся гигантско-крупными и технически совершенными, причемъ общее число рабочихъ въ отдѣльныхъ звеньяхъ этого ряда никоимъ образомъ не соотвѣтствовало бы степени техническаго ихъ совершенства, и во всякомъ случаѣ число лицъ, занятыхъ въ мелкихъ отрасляхъ промышленности во много разъ превышаетъ число рабочихъ, объединенныхъ крупными предпринимателями.

Сказанное приводитъ къ заключенію, что, несмотря на важное значеніе для организаціи промышленности уровня развитія техническаго искусства, эта организація находится въ гораздо большей зависимости отъ соціально-культурныхъ условій данной страны, нежели отъ совершенства науки; а для того, чтобы наука получила возможность оказывать все то вліяніе, на какое она способна по степени своего въ данный моментъ развитія, необходимъ весьма продолжительный процессъ подготовки даннаго общества, до завершенія котораго соціальный и въ частности экономическій бытъ страны лишь въ незначительной степени будетъ подчиняться требованіемъ науки. Изъ числа цивилизованныхъ странъ господство науки, въ ея техническихъ по крайней мѣрѣ приложеніяхъ, всего очевиднѣе въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и всего слабѣе въ Россіи. А если такъ, то и процессъ подчиненія указаніямъ науки нашей промышлен-

ности есть процессъ весьма медленный, проходящій пока первыя стадіи своего развитія и, соотвѣтственно черепашьему ходу нашего культурнаго роста вообще, долженствующій затянуться на неопредѣленное время.

Сказанное находитъ себѣ подтвержденіе въ цифрахъ, рисующихъ быстроту, съ какою происходитъ въ Россіи процессъ объединенія труда капиталомъ. Съ 1866 г. по 1889 г. число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Европейской Россіи съ 830 тыс. поднялось до 1177 т., т.-е. на 347 т. человѣкъ или на 46%. Предполагая, что съ тою же быстротой — 2% въ годъ — совершается и будетъ совершаться объединеніе труда капиталомъ и въ другихъ отрасляхъ производства (земледѣльческой и т. п.), считая, что общее число наемныхъ рабочихъ въ крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ равняется числу рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и прибавляя столько же на другія отрасли промышленности и на возможную ошибку въ вычисленіяхъ, послѣ чего общая максимальная цифра рабочихъ, подчиненныхъ капиталу, опредѣлится въ $3^1/_2$—4 мил. человѣкъ,—мы увидимъ, что ежегодное приращеніе числа объединяемыхъ капиталомъ рабочихъ не превышаетъ 70—80 тыс. человѣкъ. Имѣя въ виду, что все производительное населеніе Европейской Россіи исчисляется въ 35 милліоновъ лицъ, и что по среднему приросту—1,5% въ годъ—абсолютное приращеніе производительнаго населенія опредѣлится въ 520 тыс. человѣкъ, мы должны сказать, что быстрота, съ какою развивается капиталистическая промышленность въ Россіи, даетъ ей возможность поглощать лишь $^1/_7$ часть того количества рабочей силы, какое ежегодно прибавляется въ странѣ путемъ естественнаго размноженія населенія и что, лишь увеличивъ быстроту своего развитія въ 7 разъ, она достигнетъ того, что станетъ поглощать весь приростъ производительнаго населенія. Но такъ какъ не представляется никакихъ основаній ожидать такого ускоренія темпа развитія крупной промышленности, а если бы это ускореніе и осуществилось, то оно дало бы возможность объединенія подъ руководствомъ капитала лишь прироста населенія, за которымъ ожидало бы своей очереди еще 30 мил. самостоятельныхъ производителей, то мы имѣемъ всѣ основанія

для заключенія, что для обращенія современнаго экономическаго строя Россіи въ капиталистическій (какъ этого требуетъ разсматриваемая теорія) требуется періодъ времени въ нѣсколько столѣтій, а такъ какъ теоріей предполагается, что ликвидація буржуазныхъ порядковъ на западѣ совершится сравнительно въ очень недалекомъ будущемъ, и эта ликвидація поведетъ къ началу такого же процесса въ Россіи, то можно сказать, что капитализація нашей промышленности представляется явленіемъ невѣроятнымъ. Отсюда вытекаютъ весьма важныя указанія относительно внутренней экономической политики.

Если процессъ техническаго усовершенствованія промышленности въ нашей странѣ въ гораздо бо́льшей степени зависитъ отъ общихъ культурныхъ успѣховъ народа, нежели отъ быстроты развитія общечеловѣческой науки; если общій технический тонъ промышленности будетъ подыматься вмѣстѣ съ культурнымъ подъемомъ страны, т.-е. медленно и постепенно; если поэтому мелкая форма производства лишь весьма постепенно будетъ замѣняться крупной, иначе говоря, если полное поглощеніе ея капиталистической формой промышленности отсрачивается на нѣсколько поколѣній, — въ такомъ случаѣ, во 1-хъ, дѣятель мелкой промышленности, которому, по конкретному закону экономической эволюціи Россіи, принадлежитъ ближайшее будущее, уже въ силу этого одного имѣетъ полное право на такое же и даже еще на бо́льшее вниманіе со стороны правительства, общества и науки, нежели какое оказывается крупной промышленности, вниманіе, имѣющее цѣлью возможное улучшеніе экономической организаціи и техническаго совершенства его промысла, и во 2-хъ, это право усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что благодаря медленности ожидаемаго преобразованія мелкой промышленности въ крупную, такое преобразованіе, на ряду съ капиталистическимъ, можетъ идти и народнымъ путемъ, вслѣдствіе чего оказываемое мелкому самостоятельному производителю пособіе со стороны общества и интеллигенціи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ облегченіемъ процесса преобразованія народнаго несовершеннаго, мелкаго производства въ народное—совершенное и крупное. Иначе говоря, слѣдуетъ ожидать, что преобразованіе единоличной формы промышленности Россіи въ общественную будетъ

совершаться одновременно и капиталистическимъ, и народнымъ путями.

Эти элементарныя соціологическія понятія приводятся нами для того, чтобы повторить единственно реальное, сообразное съ наукой, заключеніе, что соціологическія данныя, и тѣмъ болѣе открываемая и предполагаемая нами историческая послѣдовательность явленій, не можетъ служить основаніемъ для построенія практической программы дѣятельности, замѣняющей необходимость основывать эту программу на чувствахъ, интересахъ и воззрѣніяхъ живыхъ людей. Иной получится результатъ, если съ почвы положительной науки вы перейдете на точку зрѣнія метафизики. Забывъ о живыхъ дѣйствующихъ людяхъ, разсматривая общественную форму какъ нѣчто самостоятельное, отвлекая ее отъ производящихъ ее личностей, совершая надъ соотвѣтствующей идеей рядъ логическихъ выкладокъ и перенося весь этотъ діалектическій процессъ, совершающійся въ головѣ одного человѣка, во внѣшній міръ, какъ обязательный, такъ сказать, къ выполненію, не разлагая отвлеченную идею, мертвую форму на дѣйственные соціальные элементы—чувства и воззрѣнія людей, истекающими изъ коихъ дѣйствіями и можетъ быть только осуществлена эта форма,—метафизикъ, конечно, забудетъ о страдающемъ и наслаждающемся человѣкѣ, и станетъ разсматривать послѣдняго лишь какъ матеріалъ для реализаціи саморазвивающейся идеи.

Будемъ же надѣяться, что практическія заключенія разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли,—въ числѣ которыхъ отсутствуютъ заботы о поддержаніи крестьянскаго хозяйства или даже находятся проекты мѣропріятій, способствующихъ его паденію,—обусловлены дефектами по преимуществу интеллектуальнаго, а не нравственнаго порядка. Интеллектуальный упадокъ общества есть явленіе временное, а нравственная связь съ вышеуказанными воззрѣніями свидѣтельствовала бы о томъ, что матеріальный интересъ интеллигенціи, какъ принадлежащей къ привилегированнымъ классамъ, беретъ у нея перевѣсъ надъ чувствами болѣе высокаго достоинства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соціально-культурныя силы русскаго общества.

I.

Выше (см. 2-ю главу) мы привели нѣсколько соображеній относительно условій историческаго, такъ сказать, воспитанія русскаго привилегированнаго общества для той роли руководителя національнаго развитія, какая естественнымъ образомъ выпадала ему, какъ классу, экономически обезпеченному и занимающему высшія ступени соціальной лѣстницы. Мы видѣли, что играя въ соціальной организаціи страны несамостоятельную роль, нашъ привилегированный классъ не имѣлъ передъ собой серьезной задачи, выполненіе которой способствовало бы развитію оригинальной мысли, соціальныхъ чувствъ, которая побуждала бы его къ пріобрѣтенію знаній,—вслѣдствіе чего этотъ классъ не вынесъ изъ прошлой исторіи такого интеллектуальнаго и этическаго наслѣдства, на почвѣ котораго могла бы расцвѣсть богатая духовная культура и которое сдѣлало бы его способнымъ къ руководительству націей въ ея соціальномъ развитіи. Такая его неподготовленность, доказываемая нашей исторіей послѣднихъ двухъ сотъ лѣтъ, признавалась всѣми выдающимися русскими писателями, которыми вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась или даже сознавалась необходимость опереться въ предстоящемъ культурномъ развитіи на народную стихію. При этомъ въ началѣ

нашего пріобщенія къ западному просвѣщенію, когда передъ русскимъ обществомъ стояла задача созданія формъ духовной культуры, мыслящіе русскіе люди чувствовали, главнымъ образомъ, недостатки общества, зависящіе отъ бѣдности его духовнаго развитія; впослѣдствіи же, по мѣрѣ созданія самостоятельной духовной культуры и выясненія предстоящихъ къ разрѣшенію соціально-политическихъ задачъ, главное вниманіе было обращаемо на слабость привилегированнаго класса, какъ соціально-культурнаго агента.

Основное представленіе русской интеллигенціи первой половины 18-го вѣка, въ которомъ выражалось общественное самосознаніе, можетъ быть формулировано такъ: Россія должна войти въ число цивилизованныхъ европейскихъ государствъ, для чего ей надлежитъ усвоить результаты общечеловѣческой культуры, пріобщиться къ западному просвѣщенію. Это пріобщеніе естественно будетъ совершаться подъ инициативой правительства, какъ передового элемента русскаго общества, и при помощи приглашаемыхъ съ запада учителей, которые современемъ должны создать самостоятельную русскую интеллигенцію. Хотя вновь вводимое просвѣщеніе не предполагалось пріурочивать къ одному, привиллегированному классу, тѣмъ не менѣе, благодаря соціальному строю того времени, этотъ классъ естественно являлся первымъ преемникомъ молодого просвѣщенія, отъ котораго должна была зависѣть форма, получаемая этимъ послѣднимъ на русской почвѣ, который долженъ былъ создать первыя самостоятельныя проявленія духовной культуры. Первыя поколѣнія пореформеннаго періода не могли останавливаться на вопросѣ о томъ, насколько привиллегированный классъ способенъ къ выполненію своей миссіи: данныя для разрѣшенія этого вопроса могли явиться лишь впослѣдствіи; теперь же этотъ классъ привлекался къ культурѣ естественно, какъ передовой, какъ ближайшій къ престолу. Молодая русская интеллигенція имѣла въ первое время слишкомъ много элементарной работы, до выполненія которой невозможно составить правильное понятіе о пригодности той или иной соціальной, такъ сказать, почвы для насажденія культуры. Она занята была выполненіемъ насущной задачи усвоенія основныхъ элементовъ западнаго просвѣщенія,

пропагандой петровскихъ реформъ, борьбой съ грубѣйшими предразсудками общества, приспособленіемъ языка и литературныхъ формъ къ выраженію новыхъ идей, понятій, образовъ, нахлынувшихъ съ Запада, передачей другимъ этихъ самыхъ идей, образовъ, знаній, и наконецъ самостоятельной работой въ области науки, насколько это было въ ея силахъ.

Во второй половинѣ 18 вѣка положеніе нѣсколько измѣняется. Идея западнаго просвѣщенія настолько окрѣпла на русской почвѣ, что не представлялось надобности въ затратѣ на простую защиту его огромнаго количества труда. Въ теченіи предшествующихъ десятилѣтій не только созданы были кое какія формы для проявленія духовной культуры, но и возбужденъ нѣкоторый интересъ къ самостоятельной научной работѣ. Сказаннымъ открывалась возможность критической оцѣнки уже самихъ результатовъ молодой культуры, возможность появленія заботы о наполненіи имѣющейся формы болѣе солиднымъ содержаніемъ. Теперь уже могла возникнуть мысль о томъ, насколько привлеченные къ образованію слои русскаго общества могутъ быть признаны надежной опорой для культурнаго развитія страны, составляютъ ли они благопріятную почву для того, чтобы сѣмя западнаго просвѣщенія дало крѣпкіе ростки и развилось въ пышный цвѣтъ и плодъ, или представляется необходимость въ привлеченіи къ культурѣ новыхъ элементовъ. И вотъ уже въ этотъ періодъ развитія общественнаго самосознанія ясно обнаруживается недовольство ограниченностью соціальныхъ элементовъ, участвующихъ въ сложеніи новой культуры и сомнѣніе въ томъ, чтобы послѣдняя могла быть создана силами только этихъ элементовъ; появляется болѣе или менѣе ясно сознанная идея о необходимости привлеченія къ созданію духовной культуры новыхъ соціальныхъ слоевъ, стремленіе ввести въ число элементовъ культурнаго развитія страны новую стихію.

Такъ, недостатки литературнаго языка, наскоро созданнаго для нуждъ петровской реформы и представлявшаго пеструю смѣсь словъ и оборотовъ языковъ: русскаго разговорнаго, церковно-славянскаго и иностранныхъ, привели въ концѣ концовъ къ сознательному обращенію для исправленія этихъ недостат-

ковъ къ языку народному. Неуклюжесть и явная искусственность псевдо-классическихъ формъ изящной словесности, образовавшихся при отсутствіи необходимыхъ для того литературныхъ и умственныхъ средствъ, какъ подражаніе иностраннымъ образцамъ, невольно вели къ противуположенію имъ живыхъ, естественныхъ и образныхъ произведеній народной поэтической фантазіи. Безразборчивое подражаніе высшихъ классовъ всему иностранному, главнымъ образомъ перениманіе отрицательныхъ формъ быта, искаженіе положительныхъ и презрѣніе къ родному, къ старинѣ, къ черни, вызывало опоэтизированіе старинныхъ обычаевъ, хранителемъ которыхъ считался народъ. Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ приходили къ мысли изученія народа, собиранія его былинъ, пѣсенъ, сказокъ, даже напѣвовъ, къ изданію ихъ, иногда наряду съ чисто литературными произведеніями.

Въ дѣятельности на этомъ поприщѣ того или другого лица видна большая или меньшая степень сознанія важности значенія этого обращенія къ народной стихіи. Если относительно одного изъ нихъ, Чулкова, можно вслѣдъ за г. Пыпинымъ повторить, что „его большая литературная заслуга состояла въ томъ, что онъ не усомнился поставить народныя пѣсни рядомъ съ твореніями „знаменитыхъ писателей“ — псевдоклассиковъ, пренебрегавшихъ ими“, только чувствуя, но не сознавая ясно ихъ значенія въ дѣлѣ развитія русской поэзіи, то предпріятіе Прача по изданію (въ 1790 г.) „Собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами“ есть уже „серьезная, теоретически-обдуманная работа“. Выпуская свое изданіе, Прачъ разсчитываетъ не на потребность простого развлеченія со стороны читателя, а предполагаетъ возможность благотворнаго вліянія своего труда на русскую музыку; „можетъ быть, говоритъ онъ, не безполезно будетъ сіе собраніе и для самой философіи... можетъ сіе новымъ какимъ лучемъ просвѣтитъ музыкальный міръ!“

Это полуинстинктивное, полусознательное стремленіе къ народному столь молодой интеллигенціи, и притомъ въ періодъ полнаго расцвѣта крѣпостного права, имѣетъ тѣмъ большій интересъ, что „собственно историческая наука очень немного помогала этому движенію“, и что наши этнографы того вре-

мени „въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ интересѣ къ чистой, непосредственной народной поэзіи, положительно опередили этнографовъ западно-европейскихъ“ [1]).

Сомнѣніе въ культурныхъ силахъ русскаго передового класса и какъ результатъ сказаннаго, — обращеніе къ народной стихіи проявилось, какъ мы видимъ, еще въ 18 вѣкѣ, а вскорѣ обнаружились и попытки болѣе или менѣе раціональнаго обоснованія этого сомнѣнія. Процессъ этого обоснованія, по причинѣ неблагопріятныхъ условій для нашего интеллектуальнаго развитія, совершался неправильно и не систематично, не столько литературнымъ, т.-е. общественнымъ, сколько частнымъ, такъ сказать, путемъ. Плоды работы въ данномъ направленіи отдѣльныхъ лицъ не обращались своевременно въ общее достояніе и не составляли преемственно-передававшейся идеи, вслѣдствіе чего, во 1-хъ, даже наиболѣе мыслящія лица не приходили въ этомъ отношеніи къ достаточно вѣрнымъ заключеніямъ; во 2-хъ, цѣлая масса лицъ продолжала стремиться къ народной стихіи полуинстинктивно; въ 3-хъ, это инстинктивное стремленіе, сплошь и рядомъ, становилось въ противорѣчіе съ тѣмъ, что давала въ томъ же направленіи работа сознательной мысли.

Всего сознательнѣе и опредѣленнѣе идея недовольства культурными силами нашего общества выразилась въ своей отрицательной сторонѣ. Такъ, еще въ царствованіе императрицы Екатерины II просвѣщенные русскіе люди болѣе или менѣе настойчиво обращались къ мысли о необходимости созданія у насъ, преимущественно изъ крестьянъ, третьяго сословія, которое усилило бы спросъ на различныя произведенія культуры и увеличило контингентъ ученыхъ, художниковъ и т. п. „Право собственности, говоритъ, напр., кн. Д. А. Голицынъ, защищая идею освобожденія крестьянъ, необходимо для образованія tiers-état, безъ котораго искусства и науки никогда не могутъ процвѣтать, такъ какъ нельзя же сказать, что онѣ процвѣтаютъ тамъ, гдѣ съ помощью денегъ и покровительства государя, академіи или университеты подготовятъ нѣсколько артистовъ или ученыхъ и гдѣ лучшіе артисты иностранцы“ [2]). Ту-же мысль

[1]) Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. I, стр. 70—75, 204.
[2]) Семевскій, „Крест. вопросъ въ Россіи“, I. с. 31.

въ царствованіе императора Александра I повторялъ Карамзинъ, когда, возражая противъ приглашенія большого числа иностранныхъ профессоровъ, онъ говорилъ, что „у насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ... наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ...“, выгоды ученаго состоянія русскимъ еще неизвѣстны; и что, увеличивая число казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ, можно достигнуть того, что „презрѣнная бѣдность (раньше говорилось „мѣщанскія дѣти“) черезъ 10 — 15 л. произвела бы ученое состояніе“ [1]).

Такъ какъ въ царствованіе Александра I обществу показана была возможность достиженія извѣстныхъ успѣховъ въ области политическихъ отношеній, то мыслящіе люди тѣмъ самымъ побуждались обращать свое вниманіе на вопросъ о культурныхъ силахъ русскаго общества въ ихъ приложеніи къ общественно-политическому развитію страны. И въ этомъ отношеніи—что касается объективной стороны вопроса—взгляды мыслящихъ людей, независимо отъ ихъ направленій, отличались замѣчательнымъ согласіемъ.

Извѣстна общая точка зрѣнія Карамзина на прошлое нашей страны, положенная въ основу его „Исторіи государства Россійскаго“. Эта точка зрѣнія выражена и въ представленной имъ императору Александру I „Запискѣ о древней и новой Россіи“. По мнѣнію, развитому въ этой „Запискѣ“, все величіе Россіи создано только властью, всякое умаленіе послѣдней вело къ упадку могущества и благоденствія народа, и это положеніе считается авторомъ вѣрнымъ не только для прошедшаго, но и для будущаго страны, почему онъ и возражаетъ противъ выказаннаго императоромъ намѣренія дать мѣсто въ государственномъ управленіи обществу, и убѣждаетъ его остаться при прежнихъ порядкахъ.

Одинъ изъ современниковъ Карамзина, Н. И. Тургеневъ, а за нимъ и г. Пыпинъ находятъ, что въ основаніи взглядовъ Карамзина лежитъ низкое мнѣніе о русскомъ народѣ; „вы (рус-

---

[1]) Пыпинъ, „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I“, с. 235.

скіе) неспособны ни къ какому прогрессу, какъ бы говорилъ онъ; довольствуйтесь тѣмъ, чѣмъ васъ сдѣлала власть; не пробуйте никакой реформы, чтобы не надѣлать глупостей“ [1]). Намъ же кажется, что въ разсматриваемой запискѣ выразилось невысокое мнѣніе Карамзина не столько о всемъ русскомъ народѣ, сколько о привилегированномъ его слоѣ. Государственныя преобразованія, какія можно было ожидать въ началѣ XIX в., не коснулись бы народа, а извѣстное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ получило бы дворянство. Отъ него, поэтому, а не отъ всего народа, зависѣли бы тѣ или другіе результаты реформы и, сомнѣваясь въ благодѣтельности таковыхъ, Карамзинъ тѣмъ самымъ высказывалъ сомнѣніе въ творческихъ силахъ и политическихъ способностяхъ этого именно класса, который, по его мнѣнію, образуетъ „не отдѣлъ монаршей власти“, а лишь „главное, необходимое орудіе, двигающее составъ государственный“.

Интересно, что представитель либерализма того времени, Сперанскій, составляя проектъ государственнаго преобразованія Россіи, хотя въ принципѣ и вводилъ дворянство, какъ конституціонный элементъ, но не иначе, какъ перекроивъ его по образцу англійской аристократіи.

Послѣдующее время показало, что Карамзинъ былъ правъ въ своемъ отрицаніи наличности въ русскомъ привилегированномъ классѣ какихъ бы то ни-было творческихъ общественныхъ силъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая было оффиціально заявлено, что идеи, проповѣдывавшіяся Карамзинымъ, составляютъ истинныя національныя начала русской земли и что государственная практика будетъ стремиться къ неуклонному проведенію ихъ въ жизнь, уничтожая всѣ отступленія отъ нихъ, какія еще могли тамъ и здѣсь сохраниться. Во внутреннихъ дѣлахъ эта оффиціально заявленная теорія „требовала безграничнаго авторитета власти и самой полной опеки надъ всѣми сторонами государственной, народной и общественной жизни. Въ этомъ не было ничего новаго, но теперь опека достигла, вѣроятно, самыхъ широкихъ размѣровъ, какіе только

---

[1]) Id. c. 249.

когда-нибудь у насъ имѣла. Она стремилась связать въ одномъ крѣпкомъ узлѣ всѣ нити управленія, распространить надзоръ на всѣ движенія національной жизни, все подвести къ одному уровню. Слѣдствіемъ было чрезвычайное распространеніе бюрократіи, которая оставалась для центральной власти единственнымъ средствомъ управленія и контроля. За обществомъ не признавалось никакого значенія; общественное мнѣніе лишено было всякаго вліянія; общество не могло само ничего дѣлать въ своихъ интересахъ, даже самыхъ элемантарныхъ, и могло двигаться только въ данныхъ рамкахъ; за него думали и дѣйствовали канцеляріи, и ему оставалось повиноваться“ [1]).

Дворянство, съ своей стороны, совершенно признало истинность оффиціальной государственной теоріи. „Масса общества вѣрила въ эту систему и въ тѣ историческія качества, которыя приписывались ей теоріей. Вѣрили даже люди мыслящіе“ [2]). Публицисты дворянства не стремились создать, съ своей стороны, теорію, въ которой этому классу отводилась бы болѣе самостоятельная роль. Такія попытки встрѣчались лишь въ видѣ исключенія и какъ личное дѣло лицъ, создавшихъ ихъ, какъ это можно сказать, напр., о теоріи Пушкина во второмъ періодѣ его дѣятельности, согласно которой „въ государственномъ строѣ необходима сильная наслѣдственная аристократія, которая заключала бы въ себѣ ручательство государственнаго благосостоянія, прочности учрежденій и заботы о народѣ“ [3]). Но зародыши такой независимой аристократіи въ Россіи, по мнѣнію Пушкина, были уничтожены Петромъ Великимъ, послѣ чего было создано сословіе, характеризуемое Пушкинымъ, какъ „преданные наемники“. Въ концѣ концовъ дѣйствительный взглядъ Пушкина на предметъ достаточно характеризуется его сознаніемъ, что „имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя“.

Такимъ образомъ господствующее консервативное воззрѣніе, выражавшее самосознаніе массы привиллегированнаго общества

---

[1]) Пыпинъ. „Характеристика литературныхъ мнѣній“, с. 100.
[2]) Пыпинъ, id., с. 118.
[3]) Пыпинъ, id., с. 81.

въ первую половину XIX вѣка, основано было на отрицаніи, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ современности, какого-либо положительнаго самостоятельнаго значенія за общественной стихіей и на признаніи того положенія, что вся направляющая дѣятельность была и есть въ правительствѣ. Изъ этого положенія было выведено заключеніе, что и послѣдующее развитіе русскаго общества должно совершаться тѣмъ же порядкомъ, что такой путь есть нашъ національный, народный, и что къ нашей странѣ неприложимы требованія и стремленія европейской жизни.

Какъ это ни покажется страннымъ, но на той же соціально-исторической почвѣ стояла и система, представляющая рѣзкое отрицаніе господствующей теоріи оффиціальной народности. Представитель этой системы, Чаадаевъ, какъ и Карамзинъ, признавалъ, что „обдѣланные, отлитые, созданные нашими государями и нашимъ климатомъ, мы только въ силу покорности стали великимъ народомъ. Посмотрите съ начала до конца наши лѣтописи, вы найдете въ нихъ на каждой страницѣ глубокое дѣйствіе власти, постоянное вліяніе почвы и почти никогда не найдете дѣйствія общественной воли“ [1]). Признавая это положеніе за вѣрное, мы поймемъ и консерватизмъ Карамзина, и скептицизмъ Чаадаева, и политическій консерватизмъ прогрессистовъ, подобныхъ Н. И. Тургеневу или неизвѣстному автору письма, писаннаго въ 1824 г. и напечатаннаго въ воспоминаніяхъ Сумкова, и многія другія явленія въ области умственной жизни нашего общества.

Если въ прошедшей исторіи нашей страны въ качествѣ активнаго и самостоятельнаго соціальнаго агента фигурируетъ только власть, которой одной Россія обязана всѣмъ, что она имѣетъ свѣтлаго и темнаго, и не видно вліянія общества; если таковое не успѣло сформироваться и въ послѣдующій моментъ, то отсюда логически слѣдуетъ, что, до образованія самостоятельной общественной силы, важныхъ преобразованій нужно было ждать отъ власти же; надежда же на самостоятельную работу общественныхъ силъ должна представляться ничѣмъ не оправдываемой фантазіей.

---

[1]) Пыпинъ, id., c. 184.

„Самодержавная власть есть якорь спасенія для нашего отечества, говоритъ извѣстный противникъ крѣпостного права временъ Александра I и лучшій изъ представителей тогдашней интеллигенціи, Н. И. Тургеневъ; отъ этой власти единственно мы можемъ надѣяться уничтоженія столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго рабства. Невозможно думать о политической свободѣ, тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы“ [1]).

„Дайте эскимосамъ или киргизамъ какія хотите формы гражданскаго общества, — пишетъ неизвѣстный авторъ въ 1824 г., возьмите грифель у Мудрости и имъ начертите для нихъ уложеніе, — что-жъ, думаете-ли, что совершили великое дѣло политики и законодательства? Нѣтъ! гражданское общество должно состоять изъ гражданъ; законы должны имѣть исполнителей; а ни тѣми, ни другими не могутъ быть ни дикія, ни полудикія дѣти природы. И вотъ почему въ Россіи незачѣмъ еще думать о раздѣленіи власти, о системѣ правленія въ формахъ вѣка и духѣ народовъ просвѣщенныхъ... Кто будутъ у насъ представители, кто избираемые и избиратели? *Гдѣ среднее состояніе?* Екатерина дала намъ право избирать судей и полицейскихъ агентовъ; какъ пользуемся мы симъ правомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ? Кого выбираемъ? Гдѣ же возьмемъ депутатовъ въ палату? Гдѣ наслѣдственныя дарованія будущихъ пэровъ? Къ чему готовятся и какъ воспитываются дѣти нашихъ бояръ и богатыхъ дворянъ?“ Указавъ затѣмъ на то, что „привиллегированный классъ народа не спѣшитъ присвоить себѣ плоды чужеземныхъ наукъ и искусствъ, что онъ не возвышается надъ самымъ послѣднимъ, отчужденіемъ его пороковъ (сребролюбіе и пьянство), что безнравственность, стремленіе къ роскоши, праздность и предразсудки замѣняютъ въ немъ гражданскія добродѣтели; что даже умы, сіяющіе блестками превосходства надъ другими, не болѣе суть, какъ полуумы, по недостатку здравыхъ политическихъ истинъ, методы въ изученіи ихъ и опытности въ соображеніи“; напомнивъ о томъ, что наша литература есть только лепетаніе младенцевъ, авторъ говоритъ: „Мы еще находимся въ дѣтскомъ возрастѣ“, а дѣтямъ

---

[1]) Пыпинъ. Очерки обществ. движ. при Алекс. I, с. 395.

нужно только воспитаніе; „и слѣдственно, необходима не власть ограниченная, а власть дѣятельнаго учителя, который съ отеческою заботливостью и съ принужденіемъ, когда нужно, обратилъ бы ихъ на путь, съ котораго они совращаться могутъ. Однимъ словомъ, намъ потребенъ другой Петръ, со всѣмъ его самодержавіемъ, а не Вильгельмъ III, не Людовикъ XVIII съ ихъ конституціями; даже не Франклинъ и не Вашингтонъ съ ихъ добродѣтелями“ [1]).

Скептикъ Чаадаевъ заявляетъ въ свою очередь: „намъ позволено надѣяться на благосостояніе еще болѣе обширное, чѣмъ то, о которомъ мечтаютъ самые пламенные служители прогресса, и чтобы достигнуть до этихъ окончательныхъ результатовъ, намъ нуженъ только одинъ верховный актъ той высшей воли, которая заключаетъ въ себѣ всѣ воли націи, которая выражаетъ всѣ ея стремленія, которая уже не разъ открывала ей новые пути, развертывала передъ ней новые горизонты и низвела въ ея разумъ просвѣщеніе“ [2]).

На той же почвѣ признанія дѣйствительной силы только за властью и отрицанія ея у общества стоитъ и Сперанскій—творецъ проекта конституціи, составленнаго по порученію Императора Александра I,—когда онъ придумываетъ различныя средства, имѣющія цѣлью еще только созданіе въ Россіи этой самостоятельной общественной силы. „Всѣ государства имѣли всегда и будутъ всегда имѣть двѣ формы правленія: внѣшнюю и внутреннюю,—пишетъ онъ.—Первая состоитъ въ грамотахъ, основныхъ законахъ, учрежденіяхъ, внѣшнимъ образомъ опредѣляющихъ взаимныя отношенія различныхъ силъ государства; вторая состоитъ въ такомъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла получить господства надъ другими. Внѣшняя форма не имѣетъ никакой важности; дѣйствительную важность имѣетъ только форма внутренняя. Со всѣми внѣшними признаками свободы, законности народъ въ дѣйствительности можетъ быть рабомъ“. Фактическія отношенія зависятъ отъ соотношенія между общественными элементами, и анализируя это со-

---

[1]) Пыпинъ, id, с. 464—6.
[2]) Пыпинъ, Характеристики, с. 183.

отношеніе въ Россіи, Сперанскій приходитъ къ заключенію, что единственной дѣйствительной силой въ ней является правительство и объясняетъ это явленіе тѣмъ, что верховная власть занимаетъ по отношенію къ дворянамъ такое же положеніе, какое послѣдніе сохраняютъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ. „Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ. Престолъ всегда представляется крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ“ [1]).

Итакъ, чистый консерваторъ Карамзинъ, либералъ Сперанскій, прогрессистъ Тургеневъ, скептикъ Чаадаевъ—всѣ эти лица, въ качествѣ просвѣщенныхъ и мыслящихъ людей, стояли на одной и той же соціально-исторической почвѣ, одинаково признавали, что современное имъ общество не заключало такихъ элементовъ, которые могли бы служить основой для правильнаго прогрессивнаго развитія страны, не представляло исходной точки для новой соціальной культуры.

II.

Разсмотрѣніе вопроса о культурныхъ силахъ общества съ соціально-практической стороны было, какъ мы сказали, естественнымъ послѣдствіемъ либеральнаго направленія царствованія Императора Александра I, вызвавшаго ожиданія преобразованій общественно-политическаго характера. Въ царствованіе Императора Николая, когда передовое общество потеряло надежду на совершеніе какихъ-либо реформъ, и общественная мысль приняла теоретическое направленіе, вопросъ о культурныхъ силахъ русскаго общества разсматривался, главнымъ образомъ, по отношенію къ развитію литературы, или же дѣлаемы были попытки объяснить современную физіономію русскаго общества путемъ философско-историческихъ построеній. Общіе результаты этихъ попытокъ согласовались съ заключеніями, сдѣланными передо-

[1]) Пыпинъ, Оч. общ. движ. при Александрѣ I, с. 154, 157.

выми людьми предшествующей эпохи, и философскія построенія, насколько ими объясняется историческое наслѣдіе, долженствующее служить исходной точкой для послѣдующаго развитія нашего общества, представляются настолько истинными, что въ общемъ онѣ не потеряли значенія и для новѣйшаго времени.

Низкое состояніе культуры привиллегированнаго класса русскаго общества признавалось всѣми мыслящими и образованными людьми того времени. Что же касается причинъ этого явленія, то сначала таковыя находили во внѣшнихъ условіяхъ: въ фактѣ полученія первыхъ образовательныхъ вліяній съ запада, повед-шемъ къ нашему духовному подчиненію чужой культурѣ.

„Россія все получила извнѣ, читаемъ мы въ одной статьѣ Веневитинова въ 1827 г.; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ даръ не удивленіе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и инстинкта дѣятельности“ [1]). „Открывшаяся передъ нами роскошь европейскаго просвѣщенія,—пишетъ Надеждинъ въ 1831 г., ослѣпила нашу неопытность; мы захотѣли немедленно наслаждаться ею, позабывъ, что она стоила Европѣ многочисленныхъ трудовъ, вѣковыхъ усилій. Чтобы пріобрѣсть законныя права на сіе наслажденіе, надлежало обратить богатство европейской образованности въ нашу собственность, приспособить ее къ русскому духу и возрастить собственными силами, изъ внутреннихъ соковъ русской жизни. Это требовало трудовъ, которые показались намъ тяжелы и скучны (мы просто пересадили чужія растенія, которыя, питаясь русской почвой, все-таки остаются чужими). Тяжело, а должно признаться, что доселѣ наша словесность была, если можно такъ выразиться, барщиной европейской; она обрабатывалась руками русскими не по русски... Благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободною естественностью и оригинальною самообразностью, у насъ обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности... Само собой разумѣется, что сіи насильственные наросты не могли укореняться глубоко въ литературной нашей почвѣ и разростаться

---

[1]) Скабичевскій, Сочиненія, т. I, с. 351.

богатою жатвой. Напротивъ, они весьма скоро выцвѣтали, блекли и опадали“ [1]).

Указаніе на просвѣтительное вліяніе Запада, конечно, не объясняло положеніе нашей культуры. Послѣдняя характеризовалась не только несамостоятельностью, но и низкопробностью; мы не только ограничивались перениманіемъ чужого, но и отличались тѣмъ, что перенимали его плохо, недостаточно усвоивали хорошее. Съ другой стороны, отсутствіе самостоятельности въ русскомъ обществѣ не есть явленіе первичное; оно само требовало объясненія, котораго слѣдовало искать въ свойствахъ и условіяхъ жизни самаго этого общества; оно имѣло корни въ своемъ далекомъ прошломъ и поддерживалось какими-то условіями современнаго быта. Русская интеллигентная мысль стремилась понять и то, и другое, и если въ отношеніи къ настоящему она была довольно односторонняя въ своихъ объясненіяхъ, зато историческія условія, породившія современный культурный типъ, были ею достаточно выяснены.

Западные народы, говоритъ Чаадаевъ въ своемъ „Философическомъ Письмѣ“, напечатанномъ въ „Телескопѣ“ въ 1836 г., имѣютъ общую физіономію, явившуюся результатомъ ихъ общей исторіи, и затѣмъ индивидуальный характеръ, какъ слѣдствіе частной исторіи каждаго изъ нихъ. Они получили отъ предшествующаго времени извѣстное наслѣдіе, составляющее достояніе каждаго лица. Россія находится въ иныхъ условіяхъ. Что касается нашей связи съ Европой—„мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого. Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія... Мы явились въ мірѣ,

[1]) Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, т. I, с. 239.

какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которою мы соединились бы съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно вбивать молотомъ то, что̀ у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ".

Не болѣе того получили мы и отъ своей собственной исторіи. „У всѣхъ народовъ, формулируетъ г. Пыпинъ мысль Чаадаева, бываютъ періоды сильной, страстной дѣятельности, періоды юношескаго развитія, когда создаются ихъ лучшія воспоминанія, поэзія и плодотворнѣйшія идеи. Здѣсь источникъ и основаніе дальнѣйшей ихъ исторіи. „Мы не имѣемъ ничего подобнаго, говоритъ Чаадаевъ. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, слѣды котораго не изгладились и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Оттого-то мы лишены и духовнаго наслѣдія, получаемаго каждымъ народомъ европейскимъ, какъ плодъ совмѣстной работы цивилизованныхъ обществъ. „Много ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя какимъ бы то ни было образомъ могли руководствовать насъ въ жизни? Идей не научнаго и литературнаго міра, а обыденной жизни, но которыя были бы всосаны каждымъ съ молокомъ матери. Это—идеи долга, закона, правды, порядка. Они развиваются изъ событій, содѣйствовавшихъ образованію общества; они — необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что̀ составляетъ атмосферу Запада; это—болѣе, чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это—физіологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?"

Вспомнивъ, что огромную часть нашего внутренняго содержанія составляетъ то, что̀ мы путемъ воспитанія усвоиваемъ,

какъ наслѣдіе прошлаго, мы согласимся съ заключеніемъ Чаадаева, что результатомъ всего сказаннаго является фактъ, что „всѣмъ намъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности, метода, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Лучшія идеи отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношенія, связаться съ тѣмъ, что̀ ему предшествуетъ и что̀ послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство общаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ, но у насъ—это общая черта“. „Мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомковъ, которые воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени,—чтобъ ни говорили,—мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія. Для меня нѣтъ ничего удивительнѣе этой пустоты и разобщенности нашего существованія!“ [1]).

Такъ какъ культурные результаты исторической жизни какого либо общества, по законамъ фактическаго историческаго развитія, сосредоточиваются въ верхнемъ его слоѣ, то всѣ вышеприведенныя мысли Чаадаева имѣютъ примѣненіе прежде всего именно къ этому слою. Сдѣлавъ эту оговорку, мы можемъ также сказать, что указанныя Чаадаевымъ характеристическія черты духовной физіономіи нашего культурнаго общества являются результатомъ не отсталости Россіи, самой по себѣ, а отсутствія въ прошлой исторіи передового общества самостоятельной жизни, органически развивающейся, хотя бы медленно, но въ духѣ какихъ нибудь положительныхъ идей и чувствъ. Такое развитіе дало бы результаты, съ пріобщеніемъ страны къ западному просвѣщенію, способные служить исходной точкой для дальнѣйшаго развитія, которое поэтому было бы лишь продолженіемъ процесса, медленно совершавшагося и безъ таковаго пріобщенія. Вмѣсто того, русскому привиллегированному обществу приходится начинать съ азовъ, и притомъ чужихъ, а такъ какъ предшествующая исторія человѣчества пока еще

---

[1]) Пыпинъ, Характеристика. с. 159—162.

выработала слишкомъ несовершенные пріемы примѣненія общечеловѣческихъ идей прогресса, правды и справедливости къ каждому конкретному случаю, почему, для возможности систематическаго руководства ими въ сложномъ процессѣ общественной жизни, необходимо существованіе какой-то основы внутри человѣка, являющейся результатомъ предшествующаго развитія психическаго и общественнаго, то и неудивительно, если за отсутствіемъ такой основы, русскому интеллигенту весьма трудно разобраться въ своихъ собственныхъ идеяхъ, въ ихъ примѣненіи къ окружающему; неудивительно, если онъ „теряется, не находя средства связаться съ тѣмъ, что̀ ему предшествуетъ и что̀ послѣдуетъ“; если онъ „лишается всякой увѣренности, всякой твердости“; если „имъ не руководствуетъ чувство *общаго существованія*, и онъ заблуждается въ мірѣ“. Если къ этой характеристикѣ интеллигента первой половины нашего вѣка прибавить тѣ черты, которыя на той же почвѣ отсутствія плодотворной традиціи развились въ послѣдующее время,— склонность излѣчиваться отъ недостатка „увѣренности“, если не „твердости“, доктринерствомъ, не мотивированнымъ принятіемъ какой-нибудь чужой логической системы,—то съ этимъ дополненіемъ характеристика, данная Чаадаевымъ интеллигенціи, выросшей на почвѣ отсутствія „чувства общаго существованія“, этой злосчастной „овцѣ безъ стада“, вполнѣ приложима и къ новѣйшему времени.

Это—слабая сторона нашей безпочвенности; но въ ней есть и нѣчто положительное, которое, какъ и отрицательныя черты, было указано тѣмъ же Чаадаевымъ. „Нельзя сомнѣваться въ томъ,—говоритъ онъ въ своей „Апологіи Сумасшедшаго“, написанной нѣсколько лѣтъ позже статьи, повлекшей къ признанію его за сумасшедшаго,—что большая часть міра угнетена своими преданіями, своими воспоминаніями; что въ сердцѣ большей части націй есть глубокое чувство совершившейся жизни, которое господствуетъ надъ жизнью настоящей, упрямое воспоминаніе о протекшихъ дняхъ, которое наполняетъ нынѣшніе дни“. Эта привязанность къ славному прошлому до извѣстной степени задерживаетъ движеніе впередъ. „У насъ же нѣтъ этихъ страстныхъ интересовъ, этихъ готовыхъ мнѣній, этихъ утвердившихся

предразсудковъ; мы приходимъ съ дѣвственными умами навстрѣчу каждой идеѣ“ [1]).

Эта черта нашей интеллигенціи позволяетъ надѣяться, что, когда придетъ время, она воспримете безъ протеста народную идею, пріобрѣтетъ этимъ „чувство общаго существованія“ и прочную основу для своей прогрессивной дѣятельности на пользу отечества.

III.

Если публицисты 30-хъ годовъ стояли на довольно вѣрной почвѣ въ дѣлѣ объясненія историческихъ условій развитія русскаго культурнаго общества, то нельзя того же сказать относительно оцѣнки ими вліянія современности, каковая оцѣнка и не могла быть сдѣлана вполнѣ вѣрно, какъ по недостатку научныхъ данныхъ, такъ и по тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ какихъ должна была совершаться работа общественной мысли. Насколько эта работа по данному вопросу доходила до читателя — мы видимъ, что, помимо ссылки на недостаточность распространенія образованности, мыслящіе люди приписывали бѣдность культурнаго развитія страны тѣмъ стѣсненіямъ, какими были окружены работа мысли и проявленіе общественной самодѣятельности. Читатель, однако, понимаетъ, что указанныя обстоятельства не могутъ быть считаемы настоящими причинами явленія: они сами составляютъ результатъ извѣстной культуры и вмѣстѣ съ другими требуютъ объясненія, каковаго слѣдуетъ искать въ извѣстной организаціи сословій, и въ особенности, въ свойствахъ и соціально-экономическомъ положеніи того слоя, который служилъ сосредоточеніемъ культурной силы страны. Общественная мысль разсматриваемаго періода не довела анализа интересовавшаго ее явленія до того, чтобы за главнымъ культурнымъ фактомъ усмотрѣть основныя соціологическія пружины, а потому не могла оцѣнить явленія по его достоинству, путалась въ дѣлѣ указанія путей, которыми должно идти наше дальнѣйшее культурное развитіе.

---

[1]) Пыпинъ id. стр. 182—3.

Мы знаемъ уже, что оффиціальная публицистика не только примирилась съ тѣмъ положеніемъ русской общественности, которое приводило въ отчаяніе мыслящихъ людей того времени, но и считала это положеніе наилучшимъ изъ всѣхъ, какія можно желать для нашей страны. По ея ученію „Россія есть совершенно особое государство и особая національность, не похожія на государства и національности Европы. На этомъ основаніи она отличается и должна отличаться отъ Европы всѣми основными чертами національнаго и государственнаго быта. Въ ней господствуетъ наилучшій порядокъ вещей, согласный съ требованіями религіи и истинной политической мудрости“ [1]).

Прогрессивная часть общества думала иначе, и въ развитіи ея пониманія замѣчается извѣстная послѣдовательность. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ предполагалось, что важнѣйшій недостатокъ нашей культуры—ея подражательный характеръ—можетъ быть исправленъ, такъ сказать, простымъ усиліемъ мысли въ связи съ нѣкоторыми воспитательными мѣрами. По мнѣнію Веневитинова „для сей цѣли надлежало бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ и, *опираясь на твердыя начала философіи*, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой она видѣла свое собственное предназначеніе“ [2]).

Вскорѣ, однако, разумѣніе вопроса сдѣлалось болѣе глубокимъ и основательнымъ. Представители передовой интеллигенціи поняли, что для познанія какимъ-либо народомъ его собственнаго историческаго предназначенія, для пріобрѣтенія имъ культурной самостоятельности недостаточно однѣхъ логическихъ операцій, работы чистой научной мысли. Для этого требуется еще участіе чего-то, выработаннаго предшествующей исторіей; требуется, чтобы просвѣтительная культурная работа исходила изъ извѣстныхъ свойствъ духовнаго типа самихъ работающихъ, чтобы она очищала и развивала нѣкоторыя идеи или зачатки тако-

---

[1]) Пыпинъ, Характеристики, стр. 113.
[2]) Скабичевскій id.

выхъ, свойственныя данному обществу; требуется, чтобы историческое наслѣдіе народа служило не только объектомъ для отрицательной критики постепенно просвѣщающагося разума, но и матеріаломъ для созданія самобытной духовной и соціальной культуры. Общественно-историческій анализъ того времени не проникъ настолько глубоко въ сущность соціальнаго процесса, чтобы указать съ достаточной опредѣленностью на зависимость духовно-культурнаго типа общества отъ его соціальнаго сложенія, чтобы въ число основныхъ психическихъ свойствъ даннаго общества, неизбѣжно опредѣляющихъ характеръ развивающейся культуры, рядомъ съ національными, зоологическими, такъ сказать, чертами, поставить и тѣ свойства, настроеніе и способности, которыя развиваются въ передовой части общества, какъ опредѣленномъ соціальномъ классѣ, имѣющемъ извѣстную исторію, борящемся за опредѣленные сословные интересы, обладающемъ той или другой степенью экономической самостоятельности и политической силы. Эта зависимость скорѣе чувствовалась, нежели сознавалась; сознательно же разсуждали такимъ образомъ, какъ будто бы единственной внутренней основой самобытной культуры даннаго народа служатъ черты психическаго типа, свойственныя ему какъ націи; черты, обыкновенно раздѣляемыя съ массою народа его привиллегированнымъ классомъ, а, насколько онѣ сохранились только въ первой,—могущія быть открыты послѣднимъ и легко имъ усвоены, вслѣдствіе чего самобытное прогрессивное развитіе культуры въ духѣ даннаго народа можетъ быть достигнуто внѣ активнаго участія массы послѣдняго, силами его передового, привиллегированнаго класса.

Такое представленіе о „народности“, обращеніе къ которой считалось необходимымъ для достиженія самобытнаго содержанія нашей культуры, естественнымъ образомъ приводило къ вопросу о томъ, въ чемъ состоитъ эта народность и какими средствами можно сдѣлать ее содержаніемъ духовной культуры? Попытки отвѣтить на эти вопросы показали, что въ развитомъ выше представленіи нашей интеллигенціи о предметѣ имѣются существенныя прорѣхи, почему общественная мысль не переставала снова и снова обращаться къ вопросу. Такъ, одинъ изъ наиболѣе глубокомысленныхъ представителей русской интеллигенціи

30-хъ гг., Надеждинъ, высказалъ по этому предмету слѣдующее.

Указавъ на безплодіе русской литературы, какъ результатъ ея подражательнаго характера, онъ пишетъ; „Нашей поэзіи недождаться обновленія, пока русскій духъ не обратится внутрь себя, не отыщетъ въ самомъ себѣ источника новой самобытной жизни... Въ русской словесности близокъ долженъ быть поворотъ искусственнаго рабства и принужденія къ естественности и народности“ [1])... „Подъ народностью я разумѣю совокупность всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, умственныхъ и нравственныхъ, изъ которыхъ слагается физіономія русскаго человѣка, отличающая его отъ всѣхъ прочихъ людей. Какъ ни рѣзки оттѣнки, наложенные на него столь различными вліяніями столь различныхъ цивилизацій, русскій человѣкъ во всѣхъ сословіяхъ, на всѣхъ ступеняхъ просвѣщенія и гражданственности имѣетъ свой отличительный характеръ, если только не прикидывается умышленно обезьяной. Русскій умъ имѣетъ свой особый сгибъ, русская воля отличается особенной, ей только свойственной упругостью и гибкостью... Пусть русскій умъ питается европейской жизнью, чтобы быть истинно русскимъ; пусть литература его, освѣжаясь воздухомъ европейскаго просвѣщенія, остается тѣмъ, чѣмъ должна быть всякая живая, самобытная литература—самовыраженіемъ народнымъ“ [2]).

Какъ же приступить къ великому дѣлу поворота отъ подражательности къ самобытности?

„Европейскія литературы возвращаютъ теперь свою народность, обращаясь къ своей старинѣ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Надеждинъ. У насъ это возможно ли? Таково ли наше прошедшее, чтобы возстановленіемъ его можно было понять нашу будущность?“ Попытка отвѣтить на этотъ вопросъ привела Надеждина къ заключенію, что указанный способъ обращенія литературы на путь народности для насъ закрытъ: мы еще почти не жили полной исторической жизнью, почему юный русскій исполинъ еще не успѣлъ „выработать себѣ опредѣленную фи-

---

[1]) Пыпинъ. Исторія русск. этнографіи, т. I, стр. 240—1.
[2]) Id. стр. 261—2.

зіономію и проявиться въ цѣломъ мірѣ оригинальныхъ характеровъ и дѣйствій".

Но если мы лишены возможности познать свою народность обращеніемъ къ исторіи, то, спрашивается, какими другими путями совершится поворотъ „отъ искусственнаго рабства къ естественности и народности"? На этотъ вопросъ мы не найдемъ у Надеждина опредѣленнаго отвѣта. Правда, онъ высказываетъ, что „у насъ не прежде должно ожидать литературы живой, самобытной, какъ въ то время, когда мысли нашей дастся свѣжій, укрѣпляющій воздухъ; когда умъ, изощренный упражненіемъ, обогащенный наукой, выработаетъ и пуститъ въ ходъ достаточное количество идей свѣтлыхъ, животворныхъ" [1]); но этотъ отвѣтъ слишкомъ общъ, и если рѣшеніе вопроса ставится въ зависимость отъ распространенія образованія, за которымъ должно еще послѣдовать освобожденіе народной мысли отъ связывающихъ ее путъ, въ такомъ случаѣ не было надобности вопросъ о достиженіи нами культурной самостоятельности трактовать, какъ предметъ *ближайшей* заботы литературы. Какъ бы однако ни было, а окончательный результатъ усилій Надеждина опредѣлить содержаніе идеи русской народности, которая бы служила средствомъ выведенія русской литературы на путь самостоятельнаго развитія, вполнѣ отрицательный. „Я не берусь представить полное изображеніе русскаго человѣка въ его своенародной чистотѣ, пишетъ Надеждинъ подъ конецъ своей литературно-публицистической дѣятельности,—потому что въ самомъ дѣлѣ черты его такъ не ясны, такъ неразвиты, такъ залѣплены выписными мушками" [2]).

Это воздержаніе было совершенно умѣстно, такъ какъ, пытаясь дать изображеніе русскаго человѣка, Надеждинъ началъ съ прославленія русскаго „идеальнаго" кулака и русскихъ „штей" и готовъ былъ закончить обращеніемъ къ извѣстной формулѣ оффиціальной народности.

Итакъ, Надеждинъ является представителемъ того момента въ исторіи воззрѣній русской интеллигенціи на идею „народ-

---

[1]) Id., стр. 246—7.
[2]) Id., стр. 263.

ности", какъ основу культурнаго развитія страны, когда интимными основами самобытнаго характера культуры признавались только психическія черты, свойственныя народу, какъ извѣстному физіологическому типу, вслѣдствіе чего естественнымъ представителемъ его самобытнаго развитія считалась родственная ему по крови интеллигенція привилегированнаго класса. Эти физіологическія черты національнаго психическаго типа, соціологически выражались въ процессѣ историческаго развитія, почему въ продуктахъ и формахъ прошлаго и слѣдуетъ искать того самобытнаго духовнаго наслѣдства, изъ котораго должна исходить сознательная работа прогрессивной мысли. За отсутствіемъ историческаго прошлаго, къ познанію своей народности слѣдуетъ идти путемъ обогащенія ума наукой, путемъ изученія себя самого и всего, съ чѣмъ мы такъ или иначе связаны, и тогда, при извѣстныхъ благопріятныхъ для того внѣшнихъ условіяхъ, выработается рядъ самостоятельныхъ идей, которыми и опредѣлится содержаніе самобытной культуры.

Въ этомъ воззрѣніи игнорируется соціально-политическая обстановка развитія въ прошломъ и настоящемъ, не какъ внѣшняя среда, а какъ условіе, дающее происхожденіе тому или другому психическому содержанію лицъ одной и той же страны, но находящихся на различныхъ ступеняхъ сословной лѣстницы,— содержанію, опредѣляющему степень самостоятельности и характеръ доступной различнымъ классамъ культуры. Въ силу указаннаго обстоятельства, историческій анализъ приводилъ авторовъ лишь къ отрицательнымъ заключеніямъ; они не пріобрѣтали этимъ путемъ какихъ-либо положительныхъ указаній относительно того развитія, какого можно было бы ожидать отъ русскаго привилегированнаго общества въ ближайшемъ будущемъ. Въ этомъ отношеніи публицистовъ 30-хъ гг. можно считать стоящими дальше отъ истины, сравнительно съ мыслящими людьми царствованія Императора Александра I, которые изъ прошлаго нашей страны вынесли опредѣленныя положительныя заключенія относительно пружинъ соціальнаго развитія въ ближайшемъ будущемъ.

Объясняется это явленіе тѣмъ, что въ предшествовавшую эпоху общественная мысль останавливалась по преимуществу на

соціально-политической сторонѣ развитія, въ каковой области было очевидно, что безсиліе извѣстнаго класса, какъ активнаго агента движенія, проявившееся въ прошломъ,—въ виду неизмѣнившихся соціальныхъ отношеній,—будетъ такимъ же безсиліемъ и въ ближайшемъ будущемъ. Въ концѣ же 20-хъ и въ 30-хъ гг. вопросъ о судьбахъ русскаго культурнаго развитія въ принципѣ поставленъ былъ болѣе широко, но въ практическомъ примѣненіи трактовался по преимуществу въ отношеніи развитія литературы; а матеріалъ этого рода не обнаруживалъ достаточно ясно связь, существующую между соціальнымъ положеніемъ извѣстнаго класса и содержаніемъ и степенью самостоятельности вырабатываемой имъ культуры,—связь, уразумѣніе которой ведетъ къ возбужденію вопроса нетолько о національныхъ, но и о классовыхъ основахъ культурнаго развитія.

Таковы результаты теоретической разработки вопроса о самостоятельности и народности въ культурномъ развитіи страны. Еслибы Надеждинъ продолжалъ свою публицистическую дѣятельность, онъ, вѣроятно, высказалъ бы взгляды, по которымъ національной основы для развитія самобытной культуры слѣдуетъ искать по преимуществу въ простомъ народѣ; по крайней мѣрѣ свою послѣдующую дѣятельность онъ посвятилъ, главнымъ образомъ, дѣлу научнаго изученія русскаго народа, составлявшему одну изъ главныхъ задачъ вновь образованнаго географическаго общества, дѣятельнѣйшимъ членомъ котораго былъ Надеждинъ.

Одновременно съ работой передовыхъ членовъ, къ вопросу о народности образованное общество обращалось и въ лицѣ менѣе видныхъ своихъ представителей, приходившихъ къ тому или иному отношенію къ предмету не столько путемъ логическихъ разсужденій, сколько вѣрнымъ историческимъ инстинктомъ.

„Въ 20-хъ годахъ слово „народность“ все чаще повторяется въ литературѣ,—говоритъ г. Пыпинъ.—Это слово называлъ кн. Одоевскій въ половинѣ 20-хъ г.; о народности говорилъ Максимовичъ въ духѣ романтическаго увлеченія народной поэзіей; Надеждинъ искалъ въ ней средства противъ увлеченія чужеземнымъ и желалъ объяснить ее исторически; къ народности начинаютъ стремиться поэты и беллетристы; предприни-

маются этнографическія работы съ опредѣленнымъ планомъ изслѣдованія народности“ [1]). Малообразованные люди, какъ, напр., Сахаровъ, нѣсколько позже Терещенко или плохо подготовленныя для этого дѣла лица, какъ Даль, Снигиревъ, собираютъ и издаютъ массу любопытнаго этнографическаго матеріала. Изслѣдователями руководило не простое диллетантское стремленіе къ собиранію сказокъ, пѣсенъ и т. п., а полуинстинктивное сознаніе важности предмета для познанія основныхъ чертъ русской народности. Стремленіе изучать народъ, отыскивать русскую народность въ языкѣ, обычаяхъ массы и т. п.,—говоритъ г. Пыпинъ,—было въ воздухѣ. Будущіе дѣятели идеи „прежде чѣмъ сознательно воспринять ее, влекутся къ неи инстинктомъ: и по французски образованный Пушкинъ, и по-нѣмецки воспитанный Даль, и полуобразованный Сахаровъ, и постаринному учившійся Снигиревъ“ [2]). Съ теченіемъ времени полуинстинктивныя стремленія складываются въ болѣе или менѣе обоснованную теорію или, по крайней мѣрѣ, въ болѣе или менѣе ясно-формулируемую идею, которая и служитъ руководителемъ въ работѣ. И вотъ, „въ то время, когда только что начало бродить въ умахъ стремленіе къ „народности“,—котораго еще не умѣли здраво приложить ни въ литературѣ, ни въ жизненныхъ отношеніяхъ, ни установить научно—Сахаровъ странно и угловато, но ревностно и упрямо указывалъ источники чистой народности въ народномъ бытѣ, старинѣ, поэзіи и преданіяхъ, настаивалъ на ихъ изученіи и издалъ цѣлый рядъ народно-поэтическихъ произведеній“ [3]). Также и Даль „еще юношей ставилъ себѣ задачей разыскивать подлинную русскую народность въ языкѣ и обычаѣ“ [4]). И несмотря на то, что многія изъ такихъ лицъ были люди малообразованные,—„точка зрѣнія, напр., Сахарова была первобытная, очень странная, грубая, натянуто-сантиментальная“,—ихъ труды имѣли большую цѣнность и производили сильное впечатлѣніе на общество. О богатствѣ матеріаломъ „Толковаго словаря живого великорусскаго языка“ Даля, напр., г.

---

[1]) Пыпинъ, id., с. 390, 410.
[2]) Id., с. 276, 343.
[3]) Id., с. 281—2.
[4]) Id., с. 343.

Пыпинъ говоритъ, что трудовъ подобнаго рода немного найдется и въ богатыхъ иностранныхъ литературахъ. „Появленіе историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ Сахарова, говоритъ тотъ-же изслѣдователь, было цѣлымъ событіемъ, давая новыя свѣдѣнія объ искомой „народности“, расширяя горизонтъ наблюденій, возбуждая новые вопросы и новыя точки зрѣнія“. „Никто до тѣхъ поръ не могъ произвести на русское общество такого вліянія въ пользу уваженія къ русской народности, какъ этотъ молодой любитель“, говоритъ о Сахаровѣ его современникъ Срезневскій.

Указанныя лица пропагандировали идею народа, какъ основу самобытнаго развитія страны, практически: изучая народъ и показывая обществу содержаніе его духовной жизни; попытка-же теоретическаго обоснованія этой идеи сдѣлана была славянофилами.

IV.

Славянофильство, повидимому, отжило свой вѣкъ и можетъ уже принадлежать исторіи. Въ наиболѣе чистомъ его теченіи, оно впрочемъ уже давно разсматривается, какъ явленіе прошлаго; но, несмотря на то, что наша литература посвящала славянофильству много вниманія, нельзя сказать, чтобы это явленіе русской новѣйшей исторіи было вполнѣ выяснено. Сказанное видно уже изъ того, что историки литературы расходятся въ мнѣніяхъ по вопросу о самомъ происхожденіи разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли, и сплошь да рядомъ одно и то же лицо высказываетъ по этому предмету два взаимно противуположныя мнѣнія.

Факторами, участвовавшими въ образованіи славянофильства, г. Пыпинъ считаетъ нѣмецкую философію, романтическія вліянія, патріотическую любовь къ своему народу и общественно-политическую атмосферу въ Россіи 30—40-хъ гг.

Мыслящіе люди того времени, тившіе въ своей душѣ потребность идеала, неудовлетворялись окружающею ихъ дѣйствительностью. „Прямая практическая дѣятельность, въ смыслѣ пробудившихся общественныхъ стремленій была невозможна —и

умственный трудъ лучшихъ людей новаго поколѣнія пошелъ на исканіе общихъ принциповъ, на созданіе отвлеченнаго идеала. Движеніе пошло по двумъ направленіямъ. Оба не удовлетворялись настоящимъ, но одно отнеслось къ нему прямо отрицательнымъ образомъ, и, видя его недостатки,—безсознательность и безсиліе общества, невѣжество народа, — ожидало спасенія отъ большаго распространенія образованности, отъ усвоенія европейскаго знанія. Другое направленіе тоже искало лучшаго, но отъ настоящаго бросилось къ прошедшему".

Спрашивается, отчего же произошло такое разномысліе въ отношеніи путей будущаго развитія страны? Почему славянофилы, воспитанные подъ тѣми же вліяніями, что и западники, „владѣющіе по словамъ г. Пыпина, средствами той новѣйшей образованности, на которую нападаютъ во имя народной старины", славянофилы, которые „были образованные люди 20—30-хъ гг., начинали съ того движенія, которое дѣйствовало въ 20-хъ гг., затѣмъ довоспитались на нѣмецкой философіи, изъ которой они взяли способъ разсужденія и по ней составили теоретическія положенія своей системы и въ этомъ отношеніи не отличавшіеся отъ своихъ противниковъ"; почему славянофилы, патріотическая любовь коихъ къ народу тоже не была ихъ исключительнымъ достояніемъ, а одушевляла ихъ также, какъ и „всѣхъ лучшихъ людей литературы", — почему они отреклись отъ Запада и со всяческими натяжками притягивали къ своимъ просвѣтительнымъ идеаламъ невѣжественную и грубую московскую Русь?

Вспомнимъ, что характеристическими особенностями славянофильства были: 1) извѣстная система религіозныхъ и соціально-политическихъ воззрѣній; 2) убѣжденіе, что древнерусскій бытъ служилъ выраженіемъ началъ, лежащихъ въ основѣ этихъ воззрѣній въ томъ идеализированномъ видѣ, въ какомъ фигурируютъ эти начала въ ученіи славянофиловъ; 3) мнѣніе, что современные имъ недостатки общественнаго быта обязаны своимъ происхожденіемъ реформѣ Петра, поставившей Россію на путь слѣдованія менѣе совершенной и уже обреченной на гибель цивилизаціи западной Европы; 4) мнѣніе, что спасеніе Россіи заключается въ возвращеніи къ ея исконнымъ началамъ

развитія, еще сохранившимся въ быту и воззрѣніяхъ простого народа.

Чтобы найти генетическую связь между указанными отдѣльными положеніями славянофильства, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что составленное славянофилами представленіе о древнерусскомъ бытѣ не было результатомъ научныхъ историческихъ изслѣдованій, а, напротивъ того, построено вопреки тому, что было извѣстно о древней Руси. По словамъ г. Венгерова, напр., К. Аксаковъ, главный обоснователь исторической части ученія славянофиловъ, „приступалъ къ историческимъ работамъ исключительно затѣмъ, чтобы обставить фактами тѣ апріорные выводы, которые онъ дѣлалъ подъ диктовку общаго своего міросозерцанія“ [1]). „Цѣлое построеніе К. Аксакова, говоритъ г. Пыпинъ, нашли не выдерживающимъ критики даже его апологеты, напр., Костомаровъ; теорія не подтверждалась даже основными господствующими фактами русской исторіи. Аксаковъ не хотѣлъ ихъ знать, отклонялъ ихъ, потому что они мѣшали стройности его идеалистическаго зданія“ [2]). Словомъ, славянофилы вырабатывали свои историческія воззрѣнія, игнорируя дѣйствительную исторію, исходя не изъ общепризнанныхъ историческихъ фактовъ, а изъ нѣкоторыхъ идеальныхъ представленій, въ угоду которымъ они конструировали прошлое. Иначе говоря, прошедшее не было реальной основой міросозерцанія славянофиловъ; оно служило искусственнымъ орудіемъ, при помощи котораго славянофилы воздвигали свои соціально-этическія построенія. Связь славянофильства съ преданіями стараго быта была искусственная или, выражаясь словами г. Пыпина, *теоретически—надуманная*.

Такой же теоретической надуманностью отличаются и религіозныя воззрѣнія славянофиловъ. Для нихъ „православіе есть аттрибутъ русской народности, говоритъ г. Соловьевъ; оно есть истинная религія въ концѣ концовъ лишь потому, что его исповѣдуетъ русскій народъ“ [3]). Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ самомъ сознаніи славянофиловъ, что необ-

---

[1]) Критико-библіографическій словарь русск. писателей. I, с. 285.
[2]) Исторія русской этнографіи. Т. II, с. 213.
[3]) Національный вопросъ въ Россіи, в. 1, с. 36.

ходимо „слиться съ жизнью русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго и еще болѣе, какъ видимымъ его образомъ“ (Хомяковъ), такъ и въ характерномъ фактѣ мотивировки Кирѣевскимъ его обращенія въ православіе [1]).

Итакъ, содержаніе системы положительнаго міросозерцанія славянофиловъ не явилось результатомъ органическаго развитія какихъ-либо основныхъ идей, истинность которыхъ была внѣ всякихъ сомнѣній, а было построено преднамѣренно, въ интересѣ какого-то основного мотива, характеризующаго это направленіе нашей общественной мысли. Формальный пріемъ обоснованія идей славянофиловъ, — обращеніе къ древне-русскому быту,—слѣдуетъ считать такимъ же теоретически надуманнымъ шагомъ, въ интересахъ какой-то основной идеи. Что это за основной мотивъ и въ чемъ заключается основная идея славянофильства— можно видѣть уже изъ того, что, по признанію его противниковъ, „идеаломъ славянофиловъ былъ народъ, и здѣсь была сила этой школы“. Для лучшаго же разъясненія вопроса слѣдуетъ обратиться къ двумъ основнымъ положеніямъ славянофильскаго міросозерцанія: первое заключается въ мысли о подражательномъ характерѣ культуры и культурномъ безсиліи нашего привилегированнаго общества; второе состоитъ въ утвержденіи, что для выхода на правильный путь прогрессивнаго развитія необходимо обратиться къ началамъ жизни и міросозерцанія простого народа. Имѣя это въ виду, намъ сдѣлается яснымъ происхожденіе и значеніе славянофильства, какъ выраженія извѣстнаго момента въ развитіи русской общественной мысли.

Мы видѣли, что мыслящіе люди 20—30-хъ годовъ относились отрицательно къ культурнымъ силамъ современнаго имъ общества, причемъ, соотвѣтственно господствующему настроенію, въ 20-хъ годахъ это отрицаніе выразилось въ отношеніи соціально-политической стороны быта, а въ 30-хъ годахъ оно касалось почти исключительно сферы явленій духовной культуры.

---

[1]) См. тамъ же.

Такимъ образомъ, одною изъ своихъ посылокъ славянофилы примыкали къ предшествующимъ публицистамъ.—Мы знаемъ, далѣе, что для поднятія духовной культуры теоретики-публицисты 30-хъ годовъ считали необходимымъ обращеніе къ народной стихіи, элементами которой въ сферѣ литературнаго творчества являются извѣстныя психологическія особенности національнаго типа, почему это обращеніе могло бы быть, согласно этой теоріи, достигнуто, съ одной стороны, твердымъ рѣшеніемъ привилегированной интеллигенціи слѣдовать влеченію своего національнаго „я“, съ другой—изученіемъ національнаго духа въ его проявленіяхъ во внѣ. Славянофилы,—въ соотвѣтствіе съ общественно-политическимъ настроеніемъ своего времени перенесшіе вопросъ опять на соціально-этическую почву, на почву отношеній, необходимо охватывающихъ всю массу населенія во всѣхъ сторонахъ его жизни, причемъ значительная часть этихъ отношеній осуществляется принудительнымъ путемъ—въ дѣлѣ указанія способовъ достиженія лучшаго не могли довольствоваться ссылкою на неопредѣленное по содержанію понятіе народнаго духа, такъ какъ сфера разсматриваемыхъ отношеній уже нормировалась извѣстнымъ образомъ, т.-е. въ духѣ опредѣленныхъ идей, при посредствѣ опредѣленныхъ формъ, причемъ и тѣ, и другія въ значительной степени вырабатывались сознательнымъ участіемъ въ процессѣ правящихъ классовъ. Развитіе самосознанія общества въ сферѣ этихъ отношеній должно заключаться, во-1-хъ, въ указаніи и борьбѣ за новыя формы быта, идущія на смѣну старыхъ, насколько эти формы подлежатъ осуществленію принудительнымъ путемъ; во-2-хъ, въ оцѣнкѣ движущихъ національное развитіе силъ, какъ постояннаго источника новыхъ идей и формъ жизни. Въ первомъ отношеніи славянофилы и западники стояли за одинъ и тѣ же мѣры, составившія содержаніе преобразованій въ царствованіе Императора Александра II. Что же касается второго, то, продолжая вмѣстѣ съ своими современниками признавать, что истинно-прогрессивное развитіе общества должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и національнымъ, и, оставаясь на почвѣ критическаго отношенія къ культурнымъ силамъ привилегированнаго класса,—отношенія, завѣщаннаго предшествующимъ періодомъ,—славянофилы неизбѣжно должны были указать на другой изъ нашихъ

классовъ, какъ на истинный источникъ прогрессивнаго развитія страны въ духѣ и общечеловѣческой правды, и національной самобытности. Такъ, Константинъ Аксаковъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ „страшную апатію, господствующую въ образованномъ русскомъ обществѣ". „Такою апатіей и блѣдностью, такимъ жалкимъ эгоизмомъ казнятся русскіе люди за презрѣніе къ народной жизни, за оторванность отъ русской земли, за аристократическую гордость просвѣщенія, за исключительность присвоеннаго права называть себя настоящимъ и отодвигать въ прошедшее всю остальную Русь. Спѣсивое невѣжество противуполагаютъ они всей древней, всей остальной и прежней, и нынѣшней Руси, — гордость учениковъ, ставящихъ себя въ свою очередь въ учители. Мы похожи на растенія, обнажившія отъ почвы свои корни; мы сохнемъ и вянемъ. Но насъ спасетъ глубокая сущность русскаго народа—тотъ самъ виноватъ, кто не обратился къ ней" [1]).

Но указывая на необходимость широкаго участія въ нашемъ прогрессивномъ развитіи стихіи простого народа, славянофилы должны бы были обратить главное вниманіе на вопросъ о томъ, какими средствами достигнуть того, чтобы носитель этой стихіи сдѣлался активнымъ агентомъ исторіи,—имѣя въ виду, что въ противномъ случаѣ, при разобщенности культурнаго общества съ массою народа, привилегированная интеллигенція не можетъ брать на себя задачу выраженія идей и формъ, зарождающихся въ народѣ и составляющихъ зерно грядущаго будущаго, не можетъ поэтому быть руководителемъ самобытнаго прогрессивнаго развитія народа. При этихъ условіяхъ она можетъ формулировать идеи и формы, уже ясно выразившіяся въ сознаніи массы, можетъ противупоставить имъ идеи и формы, выработанныя чужой жизнью, можетъ, наконецъ, измыслить свои собственные образцы или предложить рѣшеніе вопроса, вытекающее изъ эволюціи идей и отношеній самого культурнаго общества; но, за исключеніемъ случаевъ безусловно назрѣвшихъ и самихъ о себѣ вопіющихъ потребностей,—въ лучшемъ, это дастъ только матеріалъ, который долженъ быть еще переработанъ народнымъ со-

---

[1]) Пыпинъ. Характеристики, с. 329.

знаніемъ; въ худшемъ же—указанное отношеніе къ предмету поведетъ лишь къ закрѣпленію statu quo или къ водворенію порядковъ, выгодныхъ для привилегированнаго класса и задерживающихъ правильное развитіе народа.

Славянофилы были слишкомъ мало политичны для того, чтобы вò-время остановиться въ развитіи своей народнической идеи, и обладали недостаточными силами для внесенія нужныхъ съ ихъ основной точки зрѣнія поправокъ въ сумму циркулирующихъ въ русскомъ обществѣ представленій объ общемъ ходѣ прогресса. Да и самыя соціально-философскія представленія того времени отличались слишкомъ большимъ индивидуализмомъ, слѣдствіемъ котораго была увѣренность, что отдѣльный умъ всегда въ состояніи формулировать основныя задачи грядущаго развитія общества. Не будучи, поэтому, способными остановиться на полпути, рѣшаясь указать нетолько общее направленіе національнаго развитія Россіи, но и пути, которыми оно должно слѣдовать, идеи, которыя оно должно осуществлять; пытаясь отыскать эти идеи въ представленіяхъ народа, съ которымъ, по собственному сознанію славянофиловъ, они были разобщены,—славянофилы могли найти въ этихъ представленіяхъ лишь то, что рѣзко бьетъ въ глаза, что вылилось въ опредѣленныя формы, что уже признано оффиціально. При очевидной недостаточности этого матеріала для построенія цѣльной, раціонально-обоснованной соціально-этической системы, имъ оставалось обратиться еще къ исторіи и затѣмъ — пользуясь и общимъ незнаніемъ міросозерцанія народа, и неразработанностью его исторіи—изъ немногихъ вѣрныхъ фактическихъ данныхъ создавать идеалистическія построенія, конструирующія такую связь между воззрѣніями народа и соціально-политическимъ бытомъ страны въ древности, какая отсутствовала въ настоящей жизни, и которая одна могла бы до извѣстной степени оправдать систему соціальныхъ воззрѣній славянофиловъ. А для объясненія рѣзкаго различія въ этомъ отношеніи прошедшаго и настоящаго они воспользовались циркулирующей въ обществѣ теоріей о переломѣ въ нашей исторіи, совершонномъ Петромъ Великимъ.

Такимъ образомъ, славянофильство представляется намъ, какъ первая попытка въ русской литературѣ перенести вопросъ о

содержаніи и задачахъ нашей культуры съ національной на классовую почву. Такое перенесеніе было очереднымъ логическимъ шагомъ въ процессѣ теоретическаго разсмотрѣнія вопроса о культурныхъ силахъ русскаго общества, какъ мы видѣли, всегда занимавшаго вниманіе мыслящихъ русскихъ людей. Но этотъ логически-очередной шагъ заключается лишь въ указаніи на народную массу, какъ на истинное основаніе богатой самобытной культуры, и слѣдующія ступени въ развитіи идеи должны бы состоять въ разработкѣ вопроса о тѣхъ мѣрахъ со стороны интеллигенціи, какія способны привести къ тому, чтобы народъ получилъ возможность активно участвовать въ историческомъ процессѣ. Такъ какъ этому активному участію должно предшествовать еще освобожденіе народа отъ крѣпостной зависимости и образованіе привилегированной интеллигенціи, которая современемъ могла бы служить посредникомъ между наукой и массой народа, т.-е. должны предшествовать такія измѣненія въ нашемъ быту, которыя были доступны силамъ культурнаго общества и даже ставились имъ, какъ ближайшія практическія задачи, то, очевидно, что такъ-называемые западники, ратовавшіе за эти реальныя задачи, больше содѣйствовали приближенію желательнаго момента, осуществленія самобытной національной культуры, нежели славянофилы съ своими попытками указать положительное содержаніе той культуры, какую, при извѣстныхъ условіяхъ, осуществилъ бы русскій народъ. Эти попытки доказываютъ только, что, ссылаясь на народъ, какъ на настоящую основу самобытной культуры, славянофилы не въ силахъ были вывести изъ этого положенія необходимыя практическія слѣдствія, и вмѣсто того, чтобы направить свои силы на предварительную работу, имѣющую цѣлью приближеніе момента выступленія на арену исторіи массы простого народа,—что было въ предѣлахъ компетенціи славянофиловъ, какъ членовъ культурнаго общества,—они запялись построеніями, выходящими изъ границъ ихъ предвидѣнія и составляющими задачу будущаго, а не настоящаго.

V.

Въ слѣдующій періодъ нашей исторіи вопросъ о культурныхъ силахъ русскаго общества мало занималъ литературу. Наступила эпоха преобразованій въ сферѣ общественныхъ и бытовыхъ отношеній, и всѣ силы интеллигенціи пошли на это дѣло. Наша привиллегированная интеллигенція переживала самый свѣтлый періодъ своего существованія, какого она не видѣла раньше и какого, увы! больше не увидитъ. Она была призвана къ выполненію величайшихъ реформъ нашего времени, тѣмъ болѣе плодотворныхъ, что онѣ давно назрѣли въ жизни и что при ихъ осуществленіи Россія могла пользоваться богатымъ опытомъ болѣе развитыхъ странъ. При этомъ передовая интеллигенція сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы реформы были проведены по возможности въ интересахъ народа. Этого она могла достигать, потому что интересы лица, интересы человѣка стояли у нея на первомъ планѣ; этимъ началомъ и широкими принципами правды, справедливости руководствовалась она при оцѣнкѣ различныхъ явленій жизни и мысли, не допуская замѣны этихъ принциповъ благовидными формулами, въ родѣ подъема „культуры“, „производительности труда“, „святости искусства“ и т. п., формулами, съ виду имѣющими общечеловѣческій характеръ, но реальное содержаніе которыхъ въ дѣйствительности опредѣляется интересами господствующаго класса.

Совершая реформы въ интересахъ массы, принимая дѣятельное участіе въ общественной жизни, интеллигенція тѣмъ самымъ устраняла одно изъ основаній для жалобъ на безсиліе культурнаго общества и сомнѣній въ его творческихъ способностяхъ. Это, однако, не значитъ, что передовая интеллигенція періода реформъ держалась на этотъ счетъ взглядовъ, совершенно противуположныхъ взглядамъ ея предшественниковъ. Это значитъ лишь то, что мыслящіе люди заняты были, главнымъ образомъ, разработкой нахлынувшихъ въ русскую жизнь текущихъ вопросовъ быта и міросозерцанія и не имѣли ни надобности, ни возможности отвлекаться отъ этой насущной работы къ практически въ данный моментъ безплодной критикѣ соціально-культурныхъ

основъ движенія.) Но что она понимала слабость этихъ основъ въ привилегированномъ обществѣ и преимущество въ этомъ отношеніи народной массы, — о томъ свидѣтельствуютъ случаи, когда, по разнымъ поводамъ, интеллигенція сталкивалась съ этимъ вопросомъ, какъ это, напр., видно по Добролюбову.

/„Не много было писателей, болѣе страстно преданныхъ дѣлу преобразованія, говоритъ о Добролюбовѣ г. Пыпинъ. Въ этомъ вопросѣ у него не было колебаній: всякимъ недоумѣніямъ о томъ, какъ можетъ сложиться въ будущемъ судьба народа, слишкомъ подавленнаго старой исторіей, не приготовленнаго къ гражданской жизни, невѣжественнаго и т. д., онъ противополагалъ глубокую увѣренность, что въ народѣ найдется достаточный запасъ ума и нравственной силы, чтобы съ достоинствомъ занять свое новое положеніе... Его упрекали, даже безповоротно обвиняли за рѣзкость мнѣній и приговоровъ, неуваженіе къ авторитетамъ; но теперь, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, всякому безпристрастному человѣку не трудно видѣть, что источникомъ его желчной страстности было именно и только то, что въ *обществѣ и литературѣ онъ видѣлъ мало силъ и явленій, которыя отвѣчали бы положенію*“. /„Вѣра въ народъ и свободное критическое изученіе его — былъ выводъ Добролюбова. Онъ замѣчателенъ исторически тѣмъ, что отмѣчаетъ дѣйствительный переломъ, который долженъ былъ начаться и въ самомъ дѣлѣ начался, какъ въ художественномъ изображеніи народа, такъ и вообще въ отношеніи къ нему литературы. Новый взглядъ развился потомъ въ цѣлое литературное явленіе. Въ тѣхъ мысляхъ, которыя особенно рельефно были высказаны Добролюбовымъ, заключались всѣ лучшія стороны позднѣйшаго народничества, какъ горячаго желанія узнать народъ и служить его дѣлу“ [1]).

Поэтому, когда послѣ непродолжительнаго періода реформаціоннаго оживленія наступило затишье и отступленіе назадъ, и литература такъ усердно занялась опять критикою силъ и способностей нашего культурнаго общества,—она только продолжала развитіе идеи, полученной по наслѣдству отъ предшествующаго времени.

---

[1]) Исторія русской этнографіи, т. II, с. 363, 369.

Такая критика въ области мысли, въ полномъ согласіи съ явленіями жизни, продолжается непрерывно вплоть до самаго послѣдняго момента, и жизненность подобнаго отношенія литературы къ предмету доказывается тѣмъ, что люди различныхъ направленій, въ общемъ, приходятъ къ одинаковымъ заключеніямъ. Мы приведемъ здѣсь нарочно мнѣнія на этотъ счетъ лицъ, заявившихъ себя противниками народничества и взявшихъ подъ свою защиту культурную интеллигенцію, которую будто бы отрицаетъ народничество.

„Порывъ общественнаго увлеченія, наполнявшій первые годы прошлаго царствованія,—пишетъ г. Пыпинъ,—былъ весьма непродолжителенъ. Уже тогда можно было замѣчать, сколько въ немъ непрочнаго и шаткаго... Одною изъ характерныхъ особенностей въ дѣятельности Добролюбова было именно его чуткое отношеніе къ подобнымъ проявленіямъ общественности, гдѣ его негодующее остроуміе направлялось противъ фальши, лицемѣрія и недодуманности, которыхъ въ самомъ началѣ было не мало въ либеральныхъ заявленіяхъ и которыя не обѣщали ихъ прочности“. Согласно сказанному, г. Пыпинъ считаетъ, что направленіе нашей общественной жизни, принятое ею въ 60-хъ годахъ, измѣнилось впослѣдствіи не столько подъ вліяніемъ какихъ либо внѣшнихъ условій, сколько главнымъ образомъ потому, что „въ общей массѣ нашего гражданскаго развитія былъ еще слишкомъ не великъ запасъ просвѣщенныхъ силъ, которыя могли дать прочную основу требованіямъ реформы. Донынѣ, почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ реформы, она еще не примирила своихъ враговъ“. Напомнимъ читателю, что сказанное относится къ реформѣ, преобразовавшей тѣ порядки, о которыхъ г. Пыпинъ говоритъ: „всѣмъ и самой власти было тогда (послѣ Крымской войны) ясно, что прежній порядокъ вещей несостоятеленъ, что государству, обществу и народу нуженъ иной путь для того, чтобы ихъ силы стали дѣйствительными, а не предполагаемыми—даже для борьбы со внѣшнимъ врагомъ“. И вотъ, тридцати лѣтъ практики новыхъ порядковъ было для нашего культурнаго общества недостаточно, чтобы примирить всѣхъ съ необходимой реформой; черезъ тридцать лѣтъ мы встрѣчаемся съ попытками возвращенія старыхъ порядковъ.

„Наша литература не поддерживается вліяніемъ общества,— продолжаетъ развивать свою мысль авторъ,—другими словами литература—въ своихъ лучшихъ силахъ и трудахъ—является выраженіемъ *столь незначительной доли общества*, именно болѣе просвѣщенной, что она находится вполнѣ во власти обстоятельствъ. Она можетъ оживиться, когда обстоятельства сложатся благополучно; можетъ, даже при сохраняющейся наличности своихъ обыкновенныхъ силъ, зачахнуть и упасть, если время стоитъ неблагопріятное". Въ противоположность положенію, въ какомъ находится прогрессивная печать, положенію, при которомъ „полезныя, вполнѣ безвредныя и безобидныя мысли не могли высказаться,—явно ошибочныя и пристрастныя, отвергаемыя всѣмъ ходомъ русской исторіи, наукой и опытомъ, чужимъ и нашимъ, напротивъ, пользовались въ печати совершенной свободой" [1]).

Сравнивая наше время съ сороковыми годами, г. Пыпинъ говоритъ, что еще далеко не выполнены задачи, „которыя это прошедшее ставило нашему общественному развитію и литературѣ... Въ *умахъ и нравахъ общества* и въ самихъ учрежденіяхъ не существуетъ то понятіе, безъ котораго немыслимы серьезные успѣхи въ образованіи—понятіе о свободѣ научнаго изслѣдованія", вслѣдствіе чего „существованіе нашей науки до сихъ поръ случайно и непрочно". Вопросъ образованія все еще „находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ" [2]). Вопросъ о томъ, нужны-ли народу школы или нѣтъ „и по сію минуту находится въ томъ спорномъ положеніи, въ какое онъ попалъ при самомъ своемъ возникновеніи, въ концѣ 50-хъ гг. Положеніе совершенно своеобразное и которому довольно трудно найти параллель въ жизни западно-европейской... Бросается въ глаза, что положеніе нашей народной школы является крайне неопредѣленнымъ, неустойчивымъ, случайнымъ и вслѣдствіе того неорганизованнымъ".

Разбирая мнѣніе г. А. Пругавина, что интеллигенція обязана дать народу образованіе, г. Пыпинъ спрашиваетъ: имѣетъ ли интеллигенція возможность исполнить эту обязанность? Изъ

---

[1]) Ист. русск. этногр., т. II, с. 376—9.
[2]) Характеристики, с. 517.

дальнѣйшаго оказывается, что г. Пыпинъ сомнѣвается въ самомъ существованіи интеллигенціи, какъ самостоятельнаго элемента въ нашемъ обществѣ.

„Что могъ авторъ разумѣть подъ названіемъ интеллигенціи?— спрашиваетъ онъ. Это слово обозначаетъ просто образованныхъ людей, т.-е. обширную массу частныхъ лицъ, разсѣянныхъ по всѣмъ угламъ имперіи, ничѣмъ не связанныхъ, не представляющихъ даже никакой возможности организаціи, лицъ единичныхъ и тѣмъ самымъ безсильныхъ и безправныхъ для какого-либо предпріятія, въ томъ громадномъ размѣрѣ, какой предполагается обязанностью служить образованію цѣлаго народа. Очевидно, для этихъ лицъ остается только возможность питать благія пожеланія или, самое большее, содѣйствовать народному образованію какимъ-нибудь личнымъ трудомъ, денежнымъ пожертвованіемъ“, которые еще „могутъ и не дойти до своего назначенія“. Неизвѣстны даже запросы народа къ образованію, нужно еще найти средства привести ихъ въ ясность. Такимъ образомъ „здѣсь, какъ и во всѣхъ иныхъ вопросахъ нашей общественной и народной жизни, та интеллигенція, какую подразумѣваетъ г. Пругавинъ, почти совсѣмъ безсильна, а интеллигенція вообще, какая есть на дѣлѣ, представляетъ нѣчто весьма неопредѣленное и безхарактерное“. „Въ настоящемъ положеніи вещей,—продолжаетъ г. Пыпинъ,—авторъ поступилъ бы вѣрнѣе, еслибы „обязанности“ направилъ не къ интеллигенціи, которая есть классъ весьма неопредѣленный, совершенно неорганизованный и, наконецъ, не имѣющій ни права, ни возможности распоряжаться народной школой и грамотностью, а къ тѣмъ вѣдомствамъ, которыя имѣютъ власть надъ народной школой или имѣютъ извѣстное право участія въ ея устройствѣ. Это—министерство народнаго просвѣщенія, духовное, военное и иныя вѣдомства, наконецъ, городское и земское представительство“ [1]).

Еще рѣзче высказывается на этотъ счетъ другой противникъ народничества, г. Влад. Соловьевъ. По его мнѣнію, русская наука, философія, искусство находятся уже въ періодѣ упадка: „мы не видимъ никакихъ положительныхъ задатковъ или хотя бы сколько-

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“, 1891, I, „Народная грамотность“.

нибудь опредѣленныхъ вѣроятностей (въ данной дѣйствительности, при данныхъ условіяхъ) для великаго и независимаго будущаго Россіи въ области мысли и знанія“ [1]). Помимо оффиціальныхъ организацій—церковной и государственной—говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ—въ Россіи нѣтъ „прочнаго союза свободныхъ индивидуальныхъ силъ, солидарно и сознательно дѣйствующихъ для улучшенія народной жизни, для національнаго прогресса; — такой организаціи или, лучше сказать, свободной координаціи дѣятельныхъ силъ у насъ не существуетъ, а слѣдовательно нѣтъ и общества въ настоящемъ, положительномъ смыслѣ слова. Подъ именемъ общества существуетъ хаотичная, безформенная масса съ непрочною и случайною группировкою частей, съ отдѣльными случайно возникающими и безслѣдно исчезающими центрами, съ разрозненною и безплодною дѣятельностью“. „Хотя бы верховное правительство и было воодушевлено самой высокой и святой идеей, оно не нашло бы для ея осуществленія пригодныхъ орудій въ русскомъ обществѣ. Самоотверженные исполнители, герои рядовые всегда найдутся въ нашемъ народѣ для всякаго дѣла; но гдѣ въ нашемъ обществѣ правящій классъ, способный и привыкшій къ солидарному дѣйствію?“ [2]).

Такое же приблизительно мнѣніе заявляется и редакціей противнаго народничеству либеральнаго органа, каковое заявленіе должно считаться тѣмъ болѣе цѣннымъ, что имъ выражается признаніе отсутствія соціальной основы для нашего либерализма (въ узкомъ смыслѣ слова), какъ практическаго направленія общественной мысли [3]). По мнѣнію этой редакціи,—заявившей,

---

[1]) Національный вопросъ, в. 1, с. 136.

[2]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1892 г., № 7.

[3]) Конечно, не что иное, какъ сознаніе отсутствія этой основы вызвало нижеслѣдующее категорическое заявленіе другого либеральнаго органа относительно вопросовъ, которые многіе считали главными пунктами практической программы нашего либерализма: „Намъ казалось, что простыя, хотя самыя усердныя и продолжительныя умствованія на тему „народа“ не приведутъ ни къ чему, если не будетъ расширена область предметовъ, доступныхъ свободному критическому изслѣдованію, и во-вторыхъ, если не будетъ расширена область общественной инициативы, которая могла бы сближать общество съ народомъ въ непосредственномъ

что между ею и В. С. Соловьевымъ „нѣтъ въ области русскихъ общественныхъ вопросовъ никакого разномыслія, такъ какъ по отношеніи къ народничеству мы (редакція) всегда высказывались въ томъ же смыслѣ, въ какомъ пишетъ и талантливый авторъ“ —русское общество „только на нашихъ глазахъ превращается изъ публики въ общество“ [1]).

Въ полномъ согласіи съ публицистикой, въ дѣлѣ выясненія культурныхъ силъ русскаго общества, дѣйствовала и изящная литература. Сказанное видно уже изъ того положенія, какое въ этой литературѣ занимаетъ сатира. На протяженіи ста лѣтъ мы имѣли четырехъ первоклассныхъ сатириковъ: Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя и Салтыкова. Но и остальная наша беллетристика въ сущности есть та же сатира: изъ нея вы прежде всего познаете ту же культурную скудость русскаго привиллегированнаго общества, которая составляетъ прямой объектъ воспроизведенія для сатирика. Поэтому-то наша беллетристика очень богата типами отрицательнаго характера; образцомъ же для излюбленнаго ею положительнаго типа служитъ человѣкъ, нѣсколько возвысившійся надъ общимъ уровнемъ развитія общества и потому уже не чувствующій подъ собой почвы, сознающій себя въ этомъ обществѣ „лишнимъ“.

И такъ, согласно характеристикѣ нашего общества, сдѣланной современными публицистами, оно представляетъ собой весьма ненадежнаго руководителя культурнымъ развитіемъ народа. Благодаря его безсилію, русская наука до сихъ поръ лишена элементарнаго условія для правильнаго развитія, русская интеллигенція едва можетъ сдѣлать что-либо самостоятельно даже для распространенія простой грамотности. Общество не выработало

реальномъ дѣлѣ. Ни то, ни другое не находится въ распоряженіи лицъ, которыхъ въ настоящую минуту занимаетъ этотъ вопросъ: измѣненіе условій литературы и измѣненіе условій общественной инціативы составляютъ вопросъ цѣлой нашей общественной и государственной жизни; добрыя пожеланія небольшого круга просвѣщенныхъ людей, къ сожалѣнію, недостаточны для того, чтобы достигнуть этого измѣненія. Мы не сомнѣваемся, что съ теченіемъ времени эти условія (формы общественности) улучшатся; но когда и какими путями это произойдетъ,— этого, конечно, не скажетъ никто“ („В. Е.“, 1893 г., № 2, с. 766).

[1]) „Русск. Мысль“, 1892 г., № 7.

никакихъ формъ для того, чтобы дать исходъ стремленіямъ, естественно возникающимъ среди его членовъ, по мѣрѣ распространенія культуры. Мы видѣли, какъ стоитъ дѣло въ отношеніи проснувшагося въ обществѣ стремленія къ распространенію народнаго образованія. Не въ лучшемъ положеніи оказался бы человѣкъ, стремящійся къ пополненію чтеніемъ собственнаго образованія: онъ съ большими затрудненіями получилъ бы указанія, какъ приняться за трудъ сколько-нибудь цѣлесообразно. А въ это самое время лица, понимающія необходимость такихъ указаній и чувствующія себя способными давать ихъ, лишены возможности сдѣлать что-либо на этомъ поприщѣ. Такія же затрудненія встрѣчаются „профанами“ при всякомъ проснувшемся въ нихъ стремленіи культурнаго характера, стремленіи заняться интересующей ихъ наукой (гдѣ у насъ въ провинціи библіотеки, музеи, кабинеты?), филантропіей и т. п. Если же кто-нибудь вздумаетъ отдать всѣ свои знанія непосредственно народу, быть полезнымъ ему во всѣхъ случаяхъ его повседневной жизни, для чего онъ попытается стать ближе къ нему, рѣшится отказаться отъ преимуществъ привиллегированнаго положенія, удовольствуется болѣе чѣмъ скромной матеріальной обстановкой крестьянина — онъ не только возбудитъ подозрѣнія и насмѣшки со стороны мѣстнаго культурнаго общества, но и столичными интеллигентами, замѣтившими на разстояніи только ненавистное имъ „опрощеніе“ (эти интеллигенты, конечно, гораздо болѣе культуропоклонники, чѣмъ толстовцы, напр., народопоклонники), будетъ прославленъ, какъ идолопоклонникъ и, безъ дальнѣйшаго разсужденія, зачисленъ въ разрядъ лицъ, которыя „отказываются отвѣчать на дѣйствительныя потребности народа и отнимаютъ у него ту пользу, которую могли бы принести, содѣйствуя общему прогрессу страны въ качествѣ людей культурныхъ—ученыхъ, учителей, техниковъ, лекарей и даже хотя бы честныхъ чиновниковъ, промышленниковъ и торговцевъ“.

Однихъ указанныхъ свойствъ русскаго общества достаточно для того, чтобы сказать, что это общество своими собственными силами не способно выполнить сколько-нибудь серьезную задачу общенароднаго характера, почему и представляется настоятельная необходимость стремиться къ тому, чтобы это общество не

оставалось единственнымъ источникомъ культурныхъ средствъ страны; стремиться къ тому, чтобы живая вода знанія могла оказывать оплодотворяющее вліяніе на ниву народной жизни, независимо отъ того, съорганизуется ли привиллегированный классъ, съумѣетъ ли онъ „изъ публики превратиться въ общество“ или будетъ пребывать въ видѣ „хаотической безформенной массы съ непрочной и случайной группировкой частей“. Если такое стремленіе не останется въ области однихъ благихъ пожеланій, если оно способно вылиться въ цѣлесообразныя формы личной и групповой дѣятельности и оказать замѣтное вліяніе на окружающую жизнь—въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ нашъ народъ выступитъ на путь сознательнаго прогрессивнаго развитія, подобно тому, какъ выступили на этотъ путь другіе европейскіе народы. Въ противномъ же случаѣ ходъ нашего общественнаго развитія будетъ зависѣть отъ историческихъ случайностей; стихійный процессъ этого развитія мало будетъ регулироваться сознательно-цѣлесообразнымъ направляющимъ вліяніемъ интеллекта, и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ въ будущемъ, какъ и въ прошедшемъ, намъ останется обращать взоры къ власти, обременять ее заботами не только о томъ, что прямо входитъ въ кругъ ея вѣдѣнія, но и о томъ, что всего естественнѣе могло бы быть выполнено обществомъ.

Этотъ выводъ не есть одно, оторванное отъ жизни, умствованіе. Вопросъ о просвѣщеніи народа есть старый вопросъ русской интеллигенціи, „широкая постановка котораго уже въ 60-хъ гг. считалась необходимѣйшей помощью для освобождаемаго народа,—она должна была на будущее время дать народу возможность, какъ понять правильно свое новое гражданское положеніе, такъ и вѣрнѣе осмотрѣться въ новыхъ условіяхъ хозяйства“ [1]). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, если въ послѣдующее время вопросъ о расширеніи просвѣтительнаго вліянія интеллигенціи поднимался снова и снова, и если явилось направленіе общественной мысли, считающее этотъ вопросъ важнѣйшимъ изъ вопросовъ современной жизни.

---

[1]) А. В—нъ, „В. Евр.“ 1892 г., 10, с. 708.

Навстрѣчу этому движенію среди культурнаго общества идутъ процессы, совершающіеся въ глубинѣ народной жизни.

Всѣ реформы предшествующаго царствованія, а также и рядъ событій послѣдующаго времени, расшатываютъ міросозерцаніе массы населенія, образовавшееся въ крѣпостную эпоху, возбуждаютъ въ немъ новые процессы мысли и стремленіе къ знанію, къ полученію пособія науки. Такимъ образомъ, всякій шагъ со стороны просвѣтительной мысли по направленію къ массѣ является удовлетвореніемъ одновремено и требованіямъ логическаго процесса мысли, и запроса со стороны жизни. Въ силу сказаннаго, ни одинъ такой шагъ не пропадетъ даромъ, всякое усиліе оставитъ свой слѣдъ. Такая задача нисколько не мѣшаетъ выполненію другихъ очередныхъ задачъ жизни и вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ переживаемаго культурнымъ обществомъ момента, когда масса лицъ, не находя приложенія своихъ силъ на поприщѣ общественной дѣятельности, томится въ бездѣйствіи и безплодно теряется, какъ культурная сила.

Итакъ, реальныя основанія для разсчета на то, что задача текущаго момента—связать знаніе съ народной жизнью и освободить такимъ образомъ послѣднюю отъ полнаго подчиненія въ дѣлѣ культурнаго развитія привиллегированному обществу—мы находимъ, во 1-хъ, въ томъ, что верхніе классы общества, будучи культурно-безсильными въ качествѣ класса, и отчасти по этой именно причинѣ, даютъ большое количество *лицъ*, готовыхъ посвятить свою дѣятельность благу народа, т.-е. готовыхъ взяться за то дѣло, которое представится имъ настоятельно необходимымъ—будетъ ли это дѣло заключаться въ проведеніи реформъ, предпринятыхъ властью, во внесеніи свѣта знанія въ темное существованіе массы и т. п.; во 2-хъ, въ томъ, что въ массѣ русскаго народа обнаруживается также стремленіе измѣнить формы своего быта и хозяйства сообразно требованіямъ времени, причемъ въ этомъ стремленіи народъ не только не чуждается раціональнаго пособія науки, но ищетъ такого пособія и уже пользуется тѣми обрывками знанія, которые случайно до него доходятъ. На этихъ-то двухъ положеніяхъ и основывается надежда, что культурное безсиліе нашего привиллегированнаго класса не сдѣлается фатальнымъ для

судьбы Россіи; что русскій народъ и при культурной дезорганизаціи верхнихъ слоевъ общества найдетъ себѣ путь къ прогрессивному развитію.

VI.

Такимъ образомъ, мыслящіе русскіе люди послѣдняго столѣтія, отъ Карамзина до г. Пыпина и Вл. Соловьева включительно, поддерживаемые нашими лучшими беллетристами, признавали слабость соціально-культурныхъ силъ нашего привилегированнаго общества и пытались указать нѣкоторыя причины этого безсилія. Этотъ фактъ (слабость) имѣетъ весьма важныя послѣдствія какъ для нашего общественнаго развитія, такъ и для направленія работы мысли русской интеллигенціи. Соціально-культурное безсиліе привиллегированнаго класса служитъ причиною того, что чуткія или мыслящія лица изъ среды русской интеллигенціи не находили возможности основываться въ своихъ построеніяхъ теоретическаго или практическаго характера на идеяхъ и формахъ, органически выработавшихся этимъ классомъ, и обнаруживали стремленіе искать опорную точку для своихъ построеній внѣ его. При этомъ часть интеллигенціи обращала свои взоры на идеи и формы, выработанныя Западомъ; другая искала опоры въ народѣ. Такъ объясняется, по нашему мнѣнію, то особенное, такъ сказать, народо-стремительное настроеніе значительной части русской интеллигенціи, отличающее ее отъ интеллигенціи западно-европейской, которое мы характеризовали выше словами двухъ извѣстныхъ историковъ нашей литературы. „Народныя стремленія въ нашей литературѣ, скажемъ опять словами г. А. В—на, заключали въ себѣ не только потребность научнаго изслѣдованія народнаго преданія (гдѣ мы были учениками европейской науки), не только потребность найти для литературы болѣе реальное содержаніе и болѣе живую естественную форму (гдѣ опять наша литература находила опору въ европейскомъ движеніи), но и нѣчто другое: глубокій соціальный вопросъ и національную вѣру“.

Мы уже упоминали о томъ, что г. А. В—нъ считаетъ та-

кое направленіе мысли русской интеллигенціи результатомъ вліянія нашего общественно-политическаго строя, препятствующаго тому, чтобы мысли о народѣ и народномъ получили должное выясненіе. Вѣрнаго въ этомъ мнѣніи то, что тяготѣніе русской интеллигенціи къ народу и сосуществующіе общественные порядки являются результатомъ одной и той же причины — соціальнаго безсилія русскаго общества. При противуположномъ условіи, — еслибы русскій привиллегированный классъ проявилъ способность отвѣчать на возникающія потребности соотвѣтствующими измѣненіями общественнаго характера, — активные элементы интеллигенціи чувствовали бы подъ собой твердую почву для проявленія своей интеллектуальной и практической энергіи, и ихъ тяготѣніе къ Западу и къ народу было бы выражено слабѣе. Такимъ образомъ, и условія нашей общественности, и тяга къ народу являются (въ значительной степени) резутьтатомъ одной и той же причины, связаны другъ съ другомъ отношеніемъ соподчиненности третьему фактору. Эту связь г. А. В—нъ обратилъ въ причинную, признавъ одно изъ сосуществующихъ явленій за производящее, другое—за его слѣдствіе.

Итакъ, по нашему мнѣнію, народостремительная тенденція нашей интеллигенціи, между прочимъ, есть естественный результатъ соціально-культурныхъ свойствъ русскаго общества, какимъ его сдѣлала исторія, есть стихійное стремленіе въ такой же мѣрѣ, какъ и сознательное. Но, обративъ ликъ къ народу, человѣкъ только доказываетъ извѣстную свою чуткость въ отношеніи воспріятія вліяній, оказываемыхъ средою, но не гарантируетъ достоинства извлеченнаго оттуда содержанія. Дабы обращеніе къ народу и народному, направляемое соціально-бытовыми условіями нашего интеллектуальнаго развитія, дало результаты, способные служить прочнымъ основаніемъ для прогрессивнаго развитія страны, необходимо, кромѣ прочаго, чтобы мотивы этого обращенія были освѣщены сознаніемъ, чтобы народное было поставлено въ надлежащее отношеніе къ общечеловѣческому, словомъ, чтобы это обращеніе совершалось при свѣтѣ знанія. Соблюденіе этого условія въ должной мѣрѣ можетъ быть достигнуто только постепенно, а такъ какъ тяга къ народу,

какъ явленіе стихійное, обнаружилась давно, причемъ подвергались ей лица, сходныя между собою лишь въ отношеніи чуткости къ извѣстнымъ отрицательнымъ вліяніямъ среды, — то и неудивительно, если, не будучи подготовленными къ роли, налагаемой на нихъ соціально-бытовыми условіями нашего общественнаго развитія, многія изъ этихъ лицъ оказывались неспособными понять ни причинъ явленія, толкающаго ихъ въ извѣстномъ направленіи, ни пути, которому нужно при этомъ слѣдовать, каковое обстоятельство — въ совокупности съ неблагопріятной для воспріятія впечатлѣній изъ народной жизни обстановкой — было причиной полнаго субъектизма добытаго на этомъ пути идейнаго содержанія. Консерваторъ приходилъ къ заключеніямъ одного рода, славянофилъ — къ заключеніямъ другого, прогрессистъ — къ третьяго рода и т. д. Словомъ, каждый молодецъ сохранялъ свой образецъ, міросозерцаніе одного могло радикально отличаться отъ содержанія понятій другого.

По своимъ мотивамъ стихійнаго характера, разсматриваемая тенденція въ нашемъ обществѣ есть тенденція народническая, и только въ этомъ смыслѣ — общественно-психологическаго происхожденія мотивовъ, обращающихъ духовное око интеллигента къ народу — можно объединять всѣхъ лицъ данной категоріи подъ флагомъ народничества.

Народостремительному теченію среди нашей интеллигенціи, явившемуся естественнымъ результатомъ соціально-бытовой обстановки нашего прогрессивнаго развитія, шло на-встрѣчу такое же теченіе чисто-идейнаго происхожденія.

Благодаря порабощенію народа игомъ крѣпостного права, противорѣчившаго элементарнымъ положеніемъ соціальной этики и по причинѣ отсутствія у насъ привиллегированнаго класса, облачавшаго просвѣтительныя идеи на Западѣ въ форму соотвѣтствующихъ его интересамъ, — русская интеллигенція могла принимать общечеловѣческія идеи правды и справедливости въ ихъ болѣе чистомъ теченіи, толковать ихъ въ духѣ интересовъ народа. Такимъ образомъ, по мѣрѣ лучшаго уясненія русской интеллигенціей воспринимаемыхъ съ Запада общечеловѣческихъ идей и ознакомленія съ широкой областью европейской науки, стихійное влеченіе къ народу и народному постепенно освѣща-

лось свѣтомъ идеи и знанія. Этотъ процессъ обращенія стихійнаго тяготѣнія въ совершенно сознательное и построеніе соотвѣтствующей ему логически обоснованной системы міросозерцанія, по причинѣ неблагопріятной вообще обстановки для такой работы, совершался медленно, продолжается еще на нашихъ глазахъ и при этомъ наполовину путемъ внѣ литературнымъ, а слѣдовательно, путемъ недостаточно систематическимъ и не вполнѣ доступнымъ ни для провѣрки, ни для наблюденія.

Съ теченіемъ времени описываемое народостремительное теченіе не только усилилось (или, быть можетъ, только объединилось), но и вступило въ новый фазисъ практической его реализаціи и вскорѣ приняло наименованіе народничества. Объединяясь на почвѣ основныхъ идеальныхъ представленій, ближайшихъ задачъ, подлежащихъ осуществленію и, въ общемъ, практическихъ пріемовъ послѣдняго, различныя фракціи этого теченія, по высказаннымъ выше и другимъ причинамъ, далеко неодинаково мотивировали систему своего міросозерцанія, не стремились къ возможно полному обоснованію послѣдняго и почти не дѣлали попытокъ излагать эти системы въ общедоступной литературѣ. Процессъ систематическаго обоснованія удобнѣе могъ бы совершаться въ послѣдующее время, еслибы не наступившіе въ это время упадокъ умственной энергіи, апатія и разочарованіе. Указанная атмосфера была причиной того явленія, что прежде ясно поставленная задача затемнилась, рѣзкая сознательность народостремительной идеи ослабѣла; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ условія, стихійно вызывающія это теченіе, оставались дѣйствовать по прежнему или даже усилились, матеріальное содержаніе разсматриваемаго направленія общественной мысли болѣе или менѣе сохранилось, стремленіе къ фактическому сближенію съ народомъ опредѣлялось, какъ очередная задача и сдѣлалось въ большей или меньшей степени потребностью, то и неудивительно, если это давнишнее народостремительное теченіе, — раньше развивавшееся въ отношеніи установленія основныхъ его принциповъ и вытекавшихъ изъ нихъ общественныхъ формъ быта, а затѣмъ ставшее на почву фактическаго сближенія съ народомъ, — продолжало стремиться къ осуществленію этого послѣдняго, не обладая уже тою ясностью

и опредѣленностью воззрѣнія на постановку вопроса объ этомъ сближеніи, какая характеризовала предшествующую эпоху, ощупью отыскивая форму единенія съ народомъ.

При этомъ намъ сдѣлались извѣстны по премуществу два главныхъ типа интеллигента-народника. Представители одного изъ нихъ, повинуясь стихійному влеченію къ массѣ, имѣвшему въ ихъ глазахъ и логическое оправданіе, слѣдовали, не мудрствуя лукаво, этому влеченію, ставили своей задачей дать ему реальное осуществленіе, проявляя при этомъ самыя разнообразныя степени сознательнаго отношенія къ дѣлу. Лица другой категоріи подчинялись рефлектирующей мысли, стремились подвергать анализу и свои собственныя влеченія, и среду, вызывающую послѣднія, и среду, ихъ привлекающую; значительная часть лицъ этой категоріи не успѣвала достигнуть, при помощи этого анализа, примиренія противорѣчій, являющихся результатомъ труднаго, нужно сознаться, положенія, когда человѣкъ чувствуетъ и можетъ быть даже преувеличиваетъ необходимость личнаго разрыва со строемъ, его родившимъ и воспитавшимъ, потребность единенія съ слоемъ, ему чуждымъ и невѣжественнымъ, пытается осуществить это единеніе, встрѣчаетъ на пути непредвидѣнныя препятствія, съ которыми не хочетъ примириться и которыхъ не можетъ обойти, вѣчно колеблется между Сцилой и Харибдой, не умѣя ни ограничить свои идеальныя требованія, ни преоборотъ встрѣчающіяся затрудненія! Наиболѣе талантливыми бытописателями этихъ двухъ типовъ явились Златовратскій и Гл. Успенскій. Златовратскій бралъ своихъ героевъ по преимуществу изъ лицъ первой категоріи, Гл. Успенскій—изъ разряда второй.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ моментомъ въ процессѣ развитія извѣстнаго направленія нашей общественной мысли, когда это направленіе, опредѣлившись въ основныхъ теоретическихъ и практическихъ принципахъ, занято отыскиваніемъ пути реализаціи послѣднихъ.

При этомъ, по причинѣ интеллектуальнаго упадка общества за послѣднія 10—15 лѣтъ, нетолько произошло затемнѣніе основныхъ идей средняго представителя разсматриваемаго теченія, низведшее послѣднее на низшую ступень сознательности,

но и понизилась умственная энергія литературной интеллигенціи вообще, вслѣдствіе чего попытки практическаго осуществленія идеи сближенія съ народомъ не только не получали должной поддержки и руководства со стороны прогрессивной печати, но скорѣе встрѣчались ею недоброжелательно. Такъ, на призывъ г. Пругавина къ интеллигенціи придти на помощь народному образованію, г. Пыпинъ отвѣтилъ, какъ мы видѣли, совѣтомъ обратиться къ подлежащему начальству. Въ попыткахъ культурныхъ людей стать ближе къ народу, причемъ, даже при отсутствіи сознательнаго намѣренія внести въ массу свѣтъ знанія, отъ такого сосѣдства могутъ произойти только культурно-выгодные результаты (при болѣе или менѣе широкомъ распространеніи такого неоффиціальнаго общенія интеллигенціи и народа, врядъ ли могли бы произойти, напр., безпорядки вслѣдствіе принятія санитарныхъ мѣръ предупрежденія распространенія холеры) — г. В. Соловьевъ увидалъ одно стремленіе къ опрощенію и при этомъ, вмѣсто того, чтобы попытаться вложить въ это полустихійное стремленіе къ народу сознательныя цѣли развитія массы, онъ его осмѣялъ и, взамѣнъ культурнаго вліянія на *народъ*, предложилъ ограничиться служеніемъ „общему прогрессу *страны*“, и въ этомъ отношеніи довольствоваться проторенными дорожками лекаря, учителя, чиновника, даже торговца (но не пахаря или ремесленника), т.-е. въ сущности посовѣтовалъ бросить завиральныя идеи, довольствоваться тѣми формами общественной дѣятельности, какія выработаны прошлымъ, жить такъ, какъ жили наши дѣды и отцы.

Весьма ограничено было пособіе присяжныхъ публицистовъ и въ дѣлѣ теоретическаго обоснованія системы воззрѣній разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли, развивавшагося, какъ и многія другія наши направленія, наполовину путемъ внѣлитературнымъ. Современные писатели вообще гораздо больше интересуются тѣмъ, что думаютъ отживающіе отцы, а не развивающіяся дѣти. Вслѣдствіе этого они тщательно слѣдятъ за всякою потугой реакціонной мысли и не отвѣчаютъ на запросы со стороны формирующейся интеллигенціи, не оказываютъ пособія молодой мысли разработкой вопросовъ, имѣющихъ важное принципіальное значеніе, чѣмъ отчасти и объясняется

господствующій у насъ разбродъ общественнаго мнѣнія. При такомъ отношеніи литературы къ запросамъ со стороны формирующейся интеллигенціи, нѣтъ ничего удивительнаго, если вновь складывающіяся жизненныя теченія принимаютъ не совсѣмъ раціональныя формы и въ практическомъ примѣненіи, и въ теоретическомъ ихъ обоснованіи; если молодежь легко поддается проповѣди малоосновательныхъ, но представляющихъ извѣстную цѣльность построенія и отвѣчающихъ нѣкоторымъ ея запросамъ, системъ воззрѣній.

Пожелаемъ же, чтобы это разъединеніе литературы и жизни исчезло; а для этого нужно, чтобы дѣятели литературы присматривались къ жизни и въ особенности чутко относились къ требованіямъ, предъявляемымъ еще лишь формирующеюся мыслью, памятуя, что воспособленіе росту молодой поросли составляетъ гораздо болѣе важную и плодотворную задачу, чѣмъ малопроизводительныя попытки исправленія кривыхъ вѣтвей и стволовъ.

Воронежская Публичная Библиотека

2007088069